

Политика Германии в изложении немецких историков 1933-45гг.

Несмотря на остроту политической ситуации, немецкая интеллектуальная жизнь сохраняла высокую интенсивность во времена Третьего Рейха. Не только точные науки, но также гуманитарная сфера демонстрировала достижения вопреки мифу о невозможности свободного творчества при тоталитарном государственном строе. Историческая наука Германии развивалась в русле напряженного мышления и постоянных поисков реального отображения событий, в неразрывной связи с богатым событиями немецким прошлым.

Предыстория национал-социалистического государства обозначила поворот к новому политическому состоянию. После 1918г. большинство немецких историков ожесточенно противостояли демократии, приведшей Германию к унижительному краху под натиском союзных держав. Перед выборами в Рейхстаг 1932г. 250 университетских преподавателей потребовали покончить с парламентским режимом. В начале 1933г. историческое сообщество Германии поддержало передачу власти Гитлеру. Лишь немногие были против. Большинство разделяло мнение историка Вилли Андреаса: «Национал-социализм стал немецкой судьбой».

Для ученых решающим стало вновь созданное единство народа и государства. Многолетние сторонники Веймарской республики, католически мыслящие историки и другие категории сомневавшихся были убеждены логикой происходящих перемен в соответствии нового курса власти многолетним чаяниям немецкого народа. Вильгельм Моммзен писал о «дегенерировавшем либерализме». Ганс Херцфельд подтверждал «неизбежность принуждения, чтобы освободить государственную идею» после многолетнего торжества демократии. Отто Вестфаль утверждал: «Адольф Гитлер ликвидировал две главные немецкие проблемы: многогосударственность и классовую борьбу». Немецкие ученые с мировыми именами – правовед Карл Шмитт, социолог Ганс Фрайер, философ Отмар Шпанн приветствовали исторический поворот в развитии страны.

Широкую поддержку историков приобрел выход Германии из Конференции по разоружения и Лиги Наций, игнорировавших право на самоопределение неугодных «мировому сообществу» народов и государств. Историки признали необходимость создания Германией сильной армии и связанного с этим процесса внутренней милитаризации. По мере достижения национал-социалистическим государством намеченных внешнеполитических целей исчезал скептицизм отдельных историков, поначалу боявшихся стремительного развития событий. Так было после возвращения Германией Рейнской демилитаризованной зоны, Саара, аншлюса Австрии, распада Чехословакии и

разрушения Польши. Оккупация Франции уничтожила последние сомнения ученых в правильности избранного курса.

Эту политику одобрили не только видные историки, изначально поддерживавшие национал-социализм: Герман Аубин, Александр фон Мюллер, Йоханнес Халлер, Карл Бранди, Манфред Лауберт, Фриц Рёрих, А.О.Мейер, Франц Петри, Вальтер Платцхофф... С энтузиазмом поддержали полное освобождение от пут Версаля Герман Онкен, Герхард Риттер, Фриц Майнеке, Эгмонт Цехлин, Фриц Хартунг и ряд других историков, некогда относивших себя к категории «умеренных республиканцев». Захват Голландии и Бельгии, а также Дании и Норвегии оправдывался невозможностью суверенитета малых государств Европы. С этим было согласно большинство ученых. В рамках экспансионистской концепции использовалось понятие «немецкая народная и культурная почва», которую отыскивали в разных регионах Западной Европы, используя широкий набор исторических свидетельств.

Выдающийся труд австрийского историка Генриха фон Зрбика «Немецкое единство», сохранивший высокую научную ценность до настоящего времени, объявлял Рейх объединителем Европы. Зрбик писал о «комбинированной жизненной форме без империалистического вмешательства», имея в виду добровольное осознание германскими и негерманскими народами в пределах Центральной Европы признания жизненной необходимости руководства континентом за немецким народом.

Начатую после 1938г. антианглийскую кампанию поддержало практически всё историческое сообщество Германии. Осуждались притязания Англии на мировое господство в противоположность немецкому жизненному праву. Г.Риттер в знаменитой книге «Государственная власть и утопия», вышедшей в 1940г. и многократно переиздававшейся также после войны, рассматривал конфликт с Англией как проявление полярных типов континентального и островного типов мышления.

Сомнение вызвала перспектива войны на два фронта после нападения на Советский Союз. Но и тогда уstraшенные угрозой большевизма и возможностью экспансии СССР в Западную Европу умеренные историки /Майнеке, Каелер.../ находили оправдание натиску Германии на Восток, не говоря уже о таких фигурах, как Г.Аубин, А.фон Мюллер, Раумер, Альберт Бракманн, Христерн, с энтузиазмом поддержавших нападение на Советский Союз. Дополнительную остроту антикоммунистическим настроениям придавал антисемитизм, который искусно использовали в пропаганде против СССР Уэберсбергер, Шюслер, фон Раумер, Кремер, А.О.Мейер, М.Шпанн, Моммзен и Карштедт. Однако «мотивы крови» занимали удивительно мало места в исторических концепциях, объяснявших войну против Советского Союза. Преобладали геополитические и народнические объяснения /идеология «фёлькише» - учение о народном сообществе/.

Под угрозой уничтожения европейской культуры Гитлер объявлялся спасителем Европы. Причины нападения объяснялись по-разному: освобождение народов СССР из «московского плена», малоценность русского народа

/фон Раумер/, потребность господствовать /Машке/ и даже продолжение борьбы с левым движением в Германии /Бракманн/.

«Мобилизация всех сил европейского континента», «западноевропейское единство» - это были символы борьбы до конца, до поражения или победы. Карл Бранди выделял три мотива, объединявших Европу: антибольшевизм, христианство и общие ценности. Известный историк с еврейскими корнями /!/ Ганс Ротфельс, представлявший одну из граней немецкого национализма, /но без расовой подоплеки/, исходил из идеи «сплоченной Центральной Европы». Грундманн, Г.Франц, Рёрих... приняли участие в обучении немецких и европейских СС, снабжая добровольцев научными знаниями, необходимыми для осознания целей совместной борьбы.

Министр по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг создал «Рабочее содружество по исследованию большевистской опасности», привлечшее к работе большое число историков с профессорскими титулами. «Содружество» изучало методы советской пропаганды, позволившие привлечь массы русского народа к борьбе против Германии; вырабатывало пропагандистские контрмеры, изучало экономику, инфраструктуру, пути сообщения в СССР и т.п.

Провал блицкрига и особенно поражение под Сталинградом вместе с растущим скептицизмом породили дополнительную силу сопротивления в немецком народе. Это настроение захватило также ряд крупных историков. Халльманн, Моммзен, Штиве, Лауберт, фон Мюллер, Петри, Платцхофф, Рёрих подтверждали свою веру в национал-социализм в 1943 и 1944 годах. Однако оптимизм рушился, и видные историки ощутили неизбежность предстоящей катастрофы. Мартин Шпанн в 1944г. предвидел послевоенное превращение США в господствующую мировую державу. Андреас и Андрес выражали скептицизм в отношении будущего. Риттер и Хартунг постепенно дистанцировались от национал-социализма, а Эдмунд Цехлин перед падением Рейха писал в «Рейнско-Вестфальской газете» о крушении того, что «было внутренне мертво».

Оценивая общую атмосферу в историческом сообществе Германии эпохи национал-социализма, следует отметить неудачу идеологических догматиков из круга Розенберга, пытавшихся поставить под контроль работу историков. Об этом говорит незначительный вес политизированных назначений на профессорские должности в университетах, а после 1936г. давление на них прекратилось. В целом университетская наука успешно избегала политизированных оценок в исторических описаниях и портретах деятелей прошлого. То, что ведущие ученые признавали необходимость корректировать историческую картину в соответствии с политическими потребностями, компенсировалось их умением избежать грани, за которой терялись научные приоритеты.

Это доказала деятельность крупнейших исторических союзов, возникших в тридцатые годы. В октябре 1935г. был открыт «Рейхсинститут истории новой Германии», под руководством Вальтера Франка. В экспертном совете

«Рейхсинститута» состояли видные историки: фон Зрбик, Риттер, фон Мюллер, Э.Маркс, А.О.Мейер, Хоппе... Среди прочего здесь готовились рефераты для Вермахта, МИД, министерства пропаганды. После 1935г. возник «Рейхсинститут старой немецкой истории» /руководители – Карл Брандт, затем Э.Штенгель и Т.Майер/. В 1936г. основан «Всеобщий союз немецких историков», в котором крепкие позиции занимали национал-социалисты, что не препятствовало его научной работе.

Восьмой международный конгресс историков 1938г. подтвердил нерегламентированность немецкой исторической науки. Глава немецких ученых в Международном союзе историков Роберт Хольтцманн не препятствовал немецким участникам конгресса свободно излагать научные суждения по спорным вопросам. Возникший в 1939г. в Кракове «Институт по немецкой восточной работе» принял в свои ряды несколько ведущих историков во главе с Германом Аубином. Здесь разрабатывались проблемы, связанные с «восточным движением» /«Ostbewegung»/, решались поселенческие и переселенческие вопросы. Но и этот «Институт» избежал жесткого контроля за своей деятельностью и давления расовой проблематики.

«Рейхсинститут Страсбурга», лживые измышления, о работе которого распространяли послевоенные либералы, занимался не коллекционированием «черепов еврейских комиссаров», а изучением германского наследия в Европе. В его работе принимали участие около 130 профессоров, включая Ф.Петри, Г.Франца и Э.Анриха. Основанное в начале войны «Военное подразделение гуманитарных наук», в рамках которого активно трудились историки, продолжало деятельность вплоть до крушения Рейха, отклоняя попытки контроля над ним.

Объективные свидетельства о работе ведущих немецких историков в эту драматическую пору истории Германии неизбежно приводят к выводу об основательности их трудов, исследовавших прошлое страны в контексте острого противоборства с доброй половиной мира. То, что многие из этих ученых сохранили свой научный авторитет после войны, означает признание их заслуг и в освещении событий во времена Третьего Рейха. Высокий научный уровень и личная честность крупных историков национал-социалистического периода в соединении с глубокой любовью к своей стране вызывают уважение в каждом непредубежденном лице, способном оценить эти черты во времена, когда их сочетание для поверхностного наблюдателя представляется трудно осуществимым.

Игорь Бестужев, июнь 2011 г.

Работа исторического сообщества Германии всегда отличалась высоким уровнем обобщений событий мировой и национальной истории. Не был исключением и драматический период правления национал-социалистов. Спорный характер оценок этого времени в публикациях ведущих историков Германии не исключает научную серьезность полемики с противниками и верность многих выводов. Это относится не только к осмыслению германского прошлого, но и к оценкам текущего положения Германии.

Историческая наука, которая на переломе столетия пользовалась огромным авторитетом во всем мире и в Германии, включая ее руководящий политический слой, после 1918г. в значительной мере утратила свой вес внутри страны. В Веймарской республике было нарушено согласие между профессорским составом и государственной властью, подпавшей под иностранный диктат. Настроение общественности в возрастающей степени определяли средства массовой информации. Однако в немецком народе преобладало скрытое возмущение непосильным бременем, наложенным на Германию победителями. Это настроение разделяли все немецкие историки, не утратившие чувство национальной чести.

В апреле 1933г. выдающийся историк **Йоханнес Халлер**, выступая перед университетскими коллегами в Берлине, говорил: «Ложный путь оставлен, правильный путь найден». Во множестве речей, статей и газетных комментариев выражалось воодушевление от прихода к власти национал-социалистов. Исходя из задачи познания истории, профессора указывали на необходимость для нации найти собственный путь через прошлое к будущему. Они провозглашали преимущество национальных интересов перед партийными, политическими позициями, связывая свои ожидания с личностью Фюрера, как духовного руководителя нации. Осведомленные ученые осознавали свою обязанность указать историческую линию развития государства и доказать легитимность новой власти.

Авторитетный историк среднего поколения, ректор Гейдельбергского университета **Вилли Андреас** подчеркивал эпохальное значение 1933г. Берлинский специалист по Восточной Европе, многолетний член Рейхстага от Немецкой национальной народной партии, близкий к НСДАП **Отто Хётч /Hoetzsch/** также находился под впечатлением от «захватывающего процесса». В мае 1933г. представители консервативного большинства ученых в коллективном обращении утверждали, что национал-социалистический режим совершает дела, «за которые тщетно боролись поколения немецких историков». Знаменитый мюнхенский профессор **Карл Александр фон Мюллер** выразил убежденность в том, что Германия переживает «поворотное время нашей народной судьбы, когда нам предстоит сделать то, что не удавалось до сих пор никому до нас». Видный историк древности **Вильгельм Вебер** утверждал, что национал-социализм стал «Рейхом нашей мечты».

Высокую оценку политическим переменам дали крупнейшие историки Германии: председатель Союза историков **Карл Бранди**, ведущий исследователь Востока **Альберт Бракманн**, кельнский историк **Мартин Шпанн**

/Spann/, почетный Франкфуртский профессор **Пауль Вентцке** /Wentzcke/, специалист по «фольксдойче» /немцы, не проживающие на территории Германии/**Макс Хильдеберт Бём** /Boehm/, кильский профессор **Отто Шеель**, **Франц Штайнбах** /Steinbach/, **Герман Хаймпель**, основатели Научно-исследовательского объединения историков /1930г./ - **Герман Аубин** и **Вальтер Реке** /Recke/, **Манфред Лауберт**, **Теодор Майер** /Mayer/, **Арнольд Оскар Мейер** /Meyer/, **Франц Петри** /Petri/, **Отто Бруннер**, **Рейнхард Виттрам** /Wittram/, **Алоиз Шультер** /Aloys Schulte/, **Карл Рихард Ганцер**, **Пауль Кер** /Kehr/ из Института древней истории, глава немецких ученых в Международном союзе историков **Роберт Нольтцманн** /Holtzmann/, **Вальтер Платцхофф** /Platzhoff/, эксперты по Востоку – **Ганс Уэберсбергер** /Uebersberger/, **Эрих Кейзер** /Keyser/, **Рудольф Кётчке** /Koetzsche/ и **В. Эберт** /W.Ebert/, медиевист **Герберт Грундманн**, кёнигсбергский профессор **Клео Плейер** /Pleyer/, **Адольф Хельбок** /Helbock/, **Эрнст Анрих** /Ernst Anrich/, **Рудольф Кремер** /Craemer/, **Отто Вестфаль** /Westphal/, **Гельмут Берве** /Berve/, **Манфред Лауберт**, **Вильгельм Моммзен**, исследователь Ганзы **Фриц Рёрих** /Rörig/, специалист по Центральной Европе **Вильгельм Шюслер** /Schüßler/, молодой историк **Вернер Ризе** /Reese/... Не вызывает сомнения научная основательность многих свидетельств и оценок этих историков. Острополитические высказывания без достаточного научного обоснования не вызывали у них сочувствия.

Для подтверждения достаточно назвать ряд публикаций и речей видных историков: статью Анриха «О национальной революции», «критическую интерпретацию национальной революции» Кремера, речи и статьи Мартина Шпанна, сопоставление О.Вестфалем Бисмарка и Гитлера, речь В.Вебера «О новом Рейхе немцев», а также сочинение Р. Штадельманна «Об исторической сущности немецкой революции» и газетные комментарии трех знаменитостей – **Германа Онкена**, **Герхарда Риттера** и **Фридриха Майнеке**. Заслуживают серьезного изучения работы видных немецких историков: Й.Халлера, В. Платцхоффа, геттингенского историка древности **Ульриха Карштедта** /Kahrstedt/, В.Моммзена и Г.Берве.

В.Моммзен говорил, что после 1925г. /начало первого президентского срока Гинденбурга/ появились надежды на обновление государственной жизни и новые формы государственного права. С экономическим кризисом и обострением внутривнутриполитических конфликтов обнаружилась непрочность предполагаемого единства народной воли относительно парламентской системы, считал Г.Онкен. «Парламентский механизм», - писал Ф.Хартунг, - «больше не был растущим требованием времени». Республикански настроенные лица также приветствовали в лице Гинденбурга авторитарную политическую форму, «силовое наведение порядка и преодоление смуты». Главным пунктом, по которому достигалось широкое согласие у профессоров, преподававших историю, было дистанцирование от парламентской демократии. Однако в этот период лишь меньшинство признавало альтернативой национал-социалистическую диктатуру.

Перед выборами в Рейхстаг 1932г. около 250 преподавателей университетов, включая историков – Маркса, Лауберта, Карштедта, **Ф.Куршманна** /Curschmann/, **Ю.Хасхагена**, **Фридриха Баэтгена** /Baethgen/, Ротфельса и **Вэтьена** /Wätjen/, - подписались под обращением, в котором приветствовался путч в Пруссии и содержалось требование избавиться от «господства парламента». Этот призыв к государственному руководству выражал, скорее, поддержку претендента в диктаторы фон Папена, чем вотум в пользу НСДАП. Но история еще раз доказала, что промежуточные, половинчатые формы государственного правления недостаточны в периоды острого национального кризиса.

Когда в 1932г. состоялись новые президентские выборы, кандидатуру Гинденбурга поддержали 74 историка, среди них видные представители национально-консервативной группировки: **Эрих Маркс**, К.Бранди, В.Андреас, А.Бракманн, **Фриц Хартунг** /Hartung/, А.О.Мейер и **Фриц Керн**, но также «разумные республиканцы» - Г.Онкен, Ф.Майнеке, **С.А.Каелер** и знаменитый В.Моммзен. В личности Гинденбурга историки нашли главные элементы исторического и политического сознания, выраженные в его позиции во времена Веймара. Он представлялся выражением «немецкой сути» и «действительно цельной личностью». По мнению Г.Риттера, Гинденбург, как офицер в войне 1866-71гг., генерал-фельдмаршал в Первую мировую войну и очевидец государственного акта в Версале, воплощал «крайнюю перемену государственной формы и гарантию переживаемого единства национальной жизни». С личностью победителя при Танненберге были связаны милитаризм, антибольшевизм и противодействие гибельному бездействию властей Веймарской республики. Его рейхспрезидентство стало символом сопротивления «платежам и разоружению».

Но уже в июле 1932г. в «Южнонемецком ежемесячнике» было выражено сознание глубокого кризиса и «предчувствие близкой катастрофы». Здесь же содержалось признание, что «от национал-социалистического руководства в государстве следует ожидать выздоровления всей нашей общественной жизни и спасение немецкой народной общности». Среди подписавшихся были Й.Халлер и **Гельмут Хёринг** /Höring/. Эрих Маркс и Мартин Шпанн одобряли участие НСДАП во власти, а молодые историки Г.Данненбауэр и Эрнст Анрих включились в пропаганду нацистской партии. Ф.Майнеке тогда представлял часть историков, защищавших буржуазные ценности и отклонявших национал-социализм. Он видел в Гинденбурге только представителя «право- и леворадикальной путаницы духа». Майнеке также опасался, что политика НСДАП приведет к росту влияния организованного рабочего класса и угрозе разрушения свободной личной культуры.

Сразу после 1932г. историки, поддерживавшие Гитлера, были в меньшинстве. В литературе указывалось, что среди ординариусов /ведущих профессоров/ и заведующих кафедрами университетов не было членов НСДАП. Но в марте 1933г. под призывом «Немецкий духовный мир за список № 1» /НСДАП/ стояли подписи университетских преподавателей: **Вилли Хоппе**, **Гюнтера Франца** /Franz/, **Фридриха Шахермейера** /Schachermeyer/, **Курта**

Борриеса /Borries/, Генриха Данненбауэра и О.Вестфалья. Однако *не случайно* явное большинство историков, преподававших в университетах, после 1918г. ожесточено противостояли демократии. В основном они представляли народническую /фёлькише - *völkische*/ группу. Эти лица почитали внутригерманскую прусско-государственную власть, открыто противостояли Веймарской республике и парламентаризму, а также одобряли диктаторские формы правления и подавление рабочего движения. При этом часть историков исповедовала монархические идеалы. Небольшая часть ученых называла себя «разумными республиканцами», не видя альтернативы Веймарской республике, но в целом не одобряла демократию. Наконец, незначительное меньшинство профессорского состава принадлежало к либеральной группировке /почти все евреи и их политические сторонники/. Но для сомневающихся историков опиравшаяся на массовое движение фашистская диктатура уже казалась предпочтительнее правления ненавистных партий.

В начале 1933г. модель президентской диктатуры обрушилась, и Гинденбург передал власть Адольфу Гитлеру. Потсдамское рукопожатие двух ведущих политиков символизировало перед общественностью союз консервативной элиты с национал-социализмом. Бóльшая часть историков отметило это как позитивное событие. Они одобрили успехи первых же мероприятий новой власти. Остальные выжидали развития событий. В некрологе о смерти Гинденбурга в августе 1934г., ранее скептически настроенные Онкен и Хартунг признали, что крушение демократии открыло путь к новым методам внешней политики, к «признанию необходимости новой национальной силы, которая может обеспечить необходимый базис в народе».

Еще в феврале 1933г. Ф.Майнеке, не одобрявший сближения Гинденбурга с Гитлером, планировал обращение к общественности против национал-социализма. Но этот призыв, к которому он собирался подключить Онкена, Риттера, **Ф.Тимме** и **В.Гётца /W.Goetz/**, не был реализован из-за недостаточной убежденности историков в результатах такого шага. Прямое неприятие национал-социалистической диктатуры задокументировано лишь в единичных оценках. Небольшое число историков уже в первые месяцы 1933г. оставили свои должности. К.Хельдманн, Е.Тойблер и Е.Канторович отказом от преподавания выразили протест против антисемитизма. Колебавшиеся Б.Ф.Шнабель и Цикурш были против отклонения диктатуры НСДАП. Известный историк, консерватор **Карл Хампе** в январе взывал к духу «благородной и свободной гуманности». Даже А.Розенберг протестовал в эти дни против экстремистских мероприятий в высшей школе /!/. В середине 1934г. Майнеке и Риттер говорили об уважении «вечного права» и свободы. Но настроение большинства выражал Вилли Андреас: «Национал-социализм стал немецкой судьбой!».

Для исторического сообщества решающее значение имело вновь созданное единство народа и государства. По мнению В.Андреаса фюрер осуществил мечты поколения немецких историков: ликвидировал территориальное деление на земли и уничтожил демократию вместе с партиями, создав предпосылки для нового немецкого расцвета: «Раздоры и своеволие земель не могли

больше поднимать голову. Пусть яд партикуляризма, эта роковая сила нашего прошлого, никогда не зародится в будущем». Гитлер покончил с «наследственной болезнью немецкой истории – партикуляризмом», утверждал также В. Платцхофф. Слабость центральной власти ликвидирована вместе с разрушением федеративного государственного устройства, констатировали историки. После года национал-социалистического правления появилось единое государство, за которое боролись поколения немцев, заявлял многолетний сторонник Веймарской республики Вильгельм Моммзен. Теперь он писал о «дегенерировавшем либерализме, закосневшем в политическом индивидуализме и эгоизме». Моммзен цитировал «Майн Кампф» и назвал Веймарскую конституцию неорганической для немцев.

Выступая в Берлинской академии, Г.Онкен говорил о «неслыханном толчке вперед» в конституционном оформлении государства, перешедшем в «окончательное завершение через плоть и кровь нашего народа». **Б.Фауленбах** признал, что национал-социализм сделал возможным воплощение «строгого идеала единого национального государства». По словам национал-социалиста О.Вестфаля, Гитлер ликвидировал две главные проблемы новой истории - «многогосударственность и классовую борьбу». В партиях, парламенте и, прежде всего, в рабочем движении историк видел виновников «раскола нации на классы», «экономического эгоизма и разложения народного целого в борьбе за собственные интересы». **Ганс Херцфельд** подтверждал «неизбежность принуждения» после расставания с демократией и либерализмом для того, чтобы «освободить государственную идею». В законе о передаче чрезвычайных полномочий правительству Отто Хётч увидел «передачу власти решением народа персоне Фюрера» и открытый путь к немецкому решению социальных вопросов. Общее восхищение вызвали решительность и радикализм национал-социалистов, разрушивших «грязные, бессильные и враждебные народу власти парламентского способа правления».

Радикальный разрыв с демократией стал существенным элементом установившейся непрерывности в прусско-немецкой государственной власти. В лице фюрера утверждалась преемственность с фигурами Бисмарка и Гинденбурга. «В минуту высшей необходимости судьба дарит нации то, что ей недостает: политического вождя», - писал один из берлинских историков. *В позиции исторического сообщества не было элитарной дистанции по отношению к Гитлеру. Это означало признание его личной заслуги в становлении государства нового типа в удивительном сочетании с лучшими образцами прошлого величия.*

На основе признания идеологии «народной общности» создавались теории растущего влияния «народности» /*Völkerschaft*/. Карл Александр фон Мюллер писал: «Доныне не было такого народного сознания и государственного чувства, когда народ сам встал с колен со всей простой силой народного движения... Сегодня впервые проявилась поднявшаяся снизу, из глубин народной общности, воля к народному становлению и к единому твердому немецкому государству, которому благоприятствует сама немецкая раса».

Видный национал-социалистический историк древности Вильгельм Вебер констатировал «происшедшее из военного идеала социальное согласие». Он говорил о «великой общности Фюрера и ведомых им подданных». Именно идеология народной общности очаровывала даже историков, стоявших в определенной дистанции от национал-социализма. Арнольд Оскар Мейер увидел в этом политическом движении появление национального чувства нового типа, подчеркнув внутреннее согласие народа с «социализмом на службе народной общности». **Курт Брейсиг** /Breysig/ считал заслугой «социализма» создание «в высшей мере продуктивной связи личности и общества. - Национал-социалистическая революция ликвидировала ряд трудных политических проблем и, прежде всего, - социальную войну.

Все эти оценки были сделаны в условиях беспощадной политической и социальной борьбы. О.Хэтч писал о том, что «синтез свободы исследования и национальной мировоззренческой общности приветствуется безоговорочно и радостно». При этом он сослался на речь министра науки Руста в Берлинском университете 06.05.1933г., в которой тот подробно обосновал необходимость исключения части преподавателей высшей школы – «расово враждебных» и не подходящих по политическим мотивам для руководства молодежью. - Только на этих основаниях может покоиться «свобода исследования», - утверждал Руст. Немецкие университеты с пониманием встретили эти требования, так как еще до 30.01.1933г. лица, связанные с рабочим движением, еврейские, пацифистски настроенные и демократически активные доценты устранялись от преподавания. В.Андреас требовал, чтобы университеты стали «местами сопротивления марксизму». Монархист и руководитель кафедры истории в Вюрцбурге, католик **Макс Бухнер** предупредил персонал, что «при всех обстоятельствах марксизм исключается». В 1935г. он с удовлетворением отметил, что «обозначенные нами противники национальной и христианской мысли устранены от преподавания».

О.Вестфаль приветствовал то, что Гитлер «силой заставил марксизм уйти на дно». «Брюзга и упрямец должен считаться с волей народа», - писал В.Вебер. Вильгельм Моммзен отметил «незаметное исчезновение социал-демократических руководителей при проведении передачи власти «без всякого кровопролития». Согласие с насильственным осуществлением чистки в университетах высказал выдающийся юрист и историк юридической мысли **Карл Шмитт**, одоблив принцип «друг-враг», по которому проводилась консолидация немецких кадров. Фрайбургский доцент **Рудольф Штадельманн** отметил, что подлинная революция отмечена знанием «противника как смертельного врага». Ученик **Ганса Ротфельса** /Rothfels/ Рудольф Кремер потребовал, чтобы научная деятельность отвечала требованиям национал-социализма. – Врагом должен быть признан тот, кого определит народ.

Эта позиция органически включала в себя антисемитизм и была отмечена стремлением «выделять врага и восстановить чистоту собственного существования». «Государственный поворот вопреки еврейству принципиально неоспорим», - настаивал Кремер. К.А.фон Мюллер, А.О.Мейер, М.Шпанн и

В.Моммзен сообщали о своей поддержке «сознательной борьбы против всех враждебных элементов» и высоко оценили «абсолютный язык общей крови». У.Карштедт потребовал «не брюзжать, когда в витрину еврейской фирмы будет нанесен удар».

Два элемента - внутренняя сплоченность и силовое державное развитие за пределами государства – неразрывно связывались в сознании немецких историков. Уже в 1933г. была признана необходимость внешнеполитического поворота. «Как и во времена Бисмарка», - писал Й.Халлер, - «уважаемая, свободная и сильная Германия должна добиться с помощью силы место нации, которое ей полагается, и обеспечить безопасность, необходимую, чтобы жить в мире и иметь возможность трудиться. Мы снова боремся за Немецкий Рейх, за немецкое право, равное с другими народами». Историческая комиссия Рейха решила «содействовать внешнеполитической и пограничной политике Рейха, прежде всего, ревизии Версальского договора (1) и обеспечению немецкого равноправия с помощью инициатив и публикаций, насколько это позволяют возможности исторической науки». А.О.Мейер пояснял: «Первой предпосылкой восстановления утраченной внешней силы должно стать формирование внутреннего согласия немецкого народа».

Демократия и ее слабость, Веймар и Версаль – эти понятия доминировали в сознании исторического сообщества. После Первой мировой войны победители поработили и изуродовали Немецкий Рейх и дали ему политическую форму, из которой возможный подъем мог начаться, прежде всего, с помощью энергичного осмысления», - размышлял Герман Онкен. Способность к внешнему государственному развитию виделась решающим критерием оценки текущей фазы немецкой истории. Исходя из «примата внешней политики», провозглашенного в свое время Леопольдом фон Ранке, перманентная борьба за существование с другими народами признавалась теперь решающим доказательством государственной самостоятельности.

Внимание немецких историков в значительной степени было приковано к проблеме прилегающего к Германии восточного пространства. Генеральный директор Прусского государственного архива и ведущий организатор исторических исследований Востока Альберт Бракманн в майском меморандуме 1933г., говоря о «задачах будущего», призывал «рассматривать восток Европы, прежде всего, как пространство немецких возможностей». В тесной связи с МИД и министерством внутренних дел он и его группа историков подготовили для прошедшего в конце августа 1933г. Варшавского исторического конгресса исследование «Германия и Польша». Среди авторов этого документа были известные историки: Г.Аубин, К.Бранди, В.Реке, Р.Хольтцманн, А.О.Мейер, О.Хётч, Г.Риттер, Г.Онкен, Ф. Хартунг и Ганс Ротфельс. Затем работа, содержащая ревизионистские планы в отношении части польской территории, была откорректирована в соответствии с пожеланиями МИД. – Западная Пруссия и Силезия признавались исторической принадлежностью Германии.

Таким образом, Польша объявлялась государством, не имеющим выхода к морю, как это было до подписания Версальского договора, навязанного по-

бедителями Германии. В документе говорилось также о чересполосном положении немецких поселений, создававшем массу трудностей для их жителей. Кроме территориальной проблемы откровенно доказывалась культурная и политическая зависимость государственного развития от иерархического ранга народов. Экономические и духовные достижения Польши и Словении связывались с немецким влиянием. Связь этих территорий с Германией и фронтовое противостояние с Востоком А.Бракманн назвал таким же актуальным, как в XIV столетии. После Варшавского конгресса Карл Бранди в Гёттингене на основе документов политически мотивировал «общий поворот к проблемам славянской культуры и государственной истории» с точки зрения немецких интересов, указав, что импульс к этому повороту был дан до прихода к власти национал-социалистов.

В это же время в картине Запада доминировал образ пограничной борьбы с Францией за континентально-европейскую гегемонию. Утверждалась существовавшая столетиями «немецко-французская смертельная вражда» и осуждался экспансионизм Франции, оккупировавшей левый берег Рейна. Доказывалось, что с помощью Версальского договора Франция осуществляла окружение Германии, угрожавшее ее существованию. Во французском тезисе о «военной вине Германии» обнаруживали стремление уничтожить немецкое государство. Следствием этих обвинений стало растущее требование военного усиления Германии и перемещения ее границы на запад и, прежде всего, - возвращение Эльзаса-Лотарингии, по которому в Веймарской республике существовало общее согласие в исторической науке. Концептуально это требование представлял в Рейхе Институт Эльзаса-Лотарингии. В его работе принимали решающее участие крупные историки: Г.Аубин, **Курт фон Раумер**, В.Платцхофф, **Лео Юст /Just/**, **Макс Браубах**, Г.Вольфрам и П.Вентцке. Хотя они подчеркивали неполитический характер своей деятельности, французский посол неоднократно требовал закрыть Институт.

Возвращение Германии оккупированных западных территорий, а также отошедших к Польше областей, было общим требованием исторического общества во времена Веймарской республики. Различия обнаруживались лишь в методах осуществления этой ревизии: открытым перевооружением и силовой политикой, или с помощью гибких дипломатических усилий. Передача власти национал-социализму означало кардинальный поворот к скорому решению этой назревшей проблемы, если понадобится, - военными средствами.

В оценках военных историков отразилось сознание того, что 1933г. привел к изменению внешнеполитического курса Германии. В своем «Политическом обозрении» У.Карштедт с удовлетворением отметил, что перемена правления означает невозможность возврата к трусливой политике Штреземана, и что Франция уже не сможет извлекать выгоду из своего господствующего положения, но европейские страны должны теперь учитывать также интересы Германии. Во внешней политике Гитлера Р.Штадельманн в ноябре 1933г. нашел возвращение к «оборонному» самосознанию немцев, как великого и внушающего страх народа. По мнению К. фон Раумера, «героическое мировоз-

зрение соединило Бисмарка и национал-социализм.... На место пацифизма западной демократии и гедонистического идеала ущербного народного сознания, национал-социализм поставил осознание чуждой национальности и подтверждение государственного властного инстинкта». В.Платцхофф в январе 1934г. также подтвердил, что «с внешнеполитической точки зрения прошедший год принес решающий поворот... С открытым забралом и со всей энергией правительство поднялось на борьбу за немецкую честь и равноправие». Он сослался на выход Германии из конференции по разоружению и Лиги Наций, которым национал-социалистическое правительство указало, что оно разрывает с политикой Локарно, с международными переговорами и соглашениями, и должно форсировать собственное вооружение.

Именно этот шаг нашел широкую поддержку в кругах историков. Национал-социалистический союз преподавателей выпустил призыв к «народному согласованию» в поддержку наступательного внешнеполитического курса. Им была организована манифестация в Лейпциге с участием университетских преподавателей и сбор подписей под воззванием, одним из адресатов которого была заграница. «Большевицкому бескультурью» был противопоставлен «Рейх свободы». От заграницы потребовали проявить понимание к «сплочению Гитлером немецкого народа на основе свободы, чести, права и мира». Под обращением подписались преподаватели истории в университетах Лейпцига, Гамбурга и Марбурга: Г.Берве, **О.Т.Шульц** /O.Th.Schulz/, Эдмунд Штенгель /Stengel/, **Г.Вендорф** /Wendorf/, Р.Кётчке, Г.Грундманн, **Л.Циммерманн**, **Е.Цибарф** /Ziebarth/, О.Вестфаль, **Адольф фон Рейн**, В.Моммзен, Г.Франц, **Эгмонт Цехлин**, **А.фон Премерштайн** /Premerstein/ и Д.Фрам /Frahm/.

В.Моммзен отклонил иностранную критику ухода Германии из Лиги Наций и назвал атаку на внешнюю политику национал-социализма, «травлей еврейских эмигрантов». «Адольф Гитлер хочет мира», - утверждал ученый. Историки присоединялись к национал-социалистической пропаганде в ее понятии о мире. «Государство, как нравственный деятельный суверенитет и порядок, должно быть готово к войне, но его смысл заключается также в мире изнутри и извне», - заявил кёнигсбергский доцент Р.Кремер. Он назвал урегулирование межгосударственных конфликтов с помощью международных организаций невозможным: «Кто желает мира своим народам, когда действительность не соответствует этим ожиданиям, должен приветствовать возможность своей борьбы». В.Вебер объявил себя сторонником «мира через свободу, честь и самосознающую силу» и назвал Германию «подарком Фюрера миру».

Именно в отношении иностранной критики эффект национал-социалистической солидарности с собственным правительством должен был оказаться действенным, особенно когда его поддерживали именитые ученые, такие как Г.Онкен, объявивший подлинным виновником конфликта Францию. Пример Онкена показал зависимость позиции ученого мира от тактических соображений, когда ставка на силу переходит в гибкие дипломатические методы и наоборот. Единственным надежным критерием всегда оставался успех: в преодолении Версальского договора, как и во всех других случаях.

Уже в мае 1933г. В.Андреас говорил о «необходимом преодолении нарастающей внешнеполитической опасности». Эту позицию разделяли другие немецкие историки. «Скверно то, что враждебный мир как перед началом войны окружил наш немецкий народ», - писал В.Моммзен в мае 1933г. По мнению Й.Халлера, Германия переживала «тяжелую опасность, в какой только может оказаться великий народ». В.Платцхофф писал о «суровых годах бедствий, которые мы сегодня должны пройти». Национальное чувство стоит сейчас «перед пробой извне», перед проверкой о «пути народной судьбы», - утверждал А.О.Мейер. Всё это было призывом к твердости и необходимости выстоять.

Оценивая эти высказывания, следует задаться вопросом – неужели национальное правительство должно было спокойно наблюдать, как мировой ростовщический капитал стремился сжить со света Германию? Сравнивая Бисмарка и Гитлера, Э.Цехлин писал: «Кажется, естественная необходимость немецкой судьбы заключается в том, что можно выжить только со смелой политикой, и потому в этом опасном положении необходимо взять на себя высокие риски». «От силы внутреннего умиротворения и единодушия, от твердости утверждающей оборонительной воли, стремящейся наружу, зависит подъем и спасения нашего Отечества... Если Германия потерпит крах, или только не справится с решением различных задач, тогда она будет обречена на гибель, но также вся эта часть света рано или поздно погрузится в хаос» - заключал В.Андреас.

Исходя из этой позиции, историки признавали необходимость создания сильной армии и санкционирования принадлежащей к этому процессу внутренней милитаризации. Для такого осторожного в оценках ученого, как Г.Онкен, в центре решения этого вопроса после 1933г. стояло «окончание разработки нашего суверенитета в условиях защиты страны, сбрасывание цепей на основе нашей военной свободы действий, восстановление великодержавного равенства сил в вопросах вооружения для выполнения, извне вызванных решений». Историки с удовлетворением отмечали наполнение молодежи прусско-немецкими идеалами «человеческой и обороной способности, борцовским мужеством и бескорыстной преданностью Отечеству». Вилли Андреас во вступительной ректорской речи призывал «заботиться о военно-прикладном спорте, мужественной манере держаться и жертвенном чувстве к Отечеству». Главными целями историки тогда признали с повышенной энергией и различными методами форсировать ревизию Версаля и восстановить «немецкое национальное право». В.Андреас назвал высшей целью Гитлера разрыв Версальского мирного договора. В.Моммзен категорически высказался против наднациональных представлений о целях внешней политики, сосредоточив внимание исключительно на соблюдении немецких интересов.

В основе претензий к расширению немецких границ лежало учение о «народном сообществе» /идеология «фёлькише»/, разрабатываемое в политическом общественном мнении Германии с конца XIX века. Эта категория подавалась как древняя сила истории в народно-биологическом организме

/«Volksboden»/. Народ /«Volk»/ в этой теории был центральным, исторически определяющим единством. Учение о народности /фёлькиш-идеология/ представляло комплекс понятий, в значительной степени ориентирующийся на биологические закономерности. Иерархия рас и «расовая борьба» были спутниками этих представлений.

Еще до 1933г., но также после прихода к власти национал-социалистов, А.Хельбок и **Эрих Кейзер** /Keyser/ использовали фёлькиш-учение, ссылаясь на положение пограничных и заграничных немцев и размышляя о «немецкой народной и культурной почве». Эти историки вместо государства и власти оперировали понятиями «народ» и «жизненное пространство» /Lebensraum/, применяя расовую аргументацию. Согласно этому учению «народная история» должна быть «историей развития народного тела из его естественной и духовной основы». - «Народ есть органическая общность, вырастающая на определенной почве, связывающая людей с помощью языка и крови, так что между ними и народом осуществляется постоянное взаимодействие, достигающее высшей точки в общем происхождении и общей идее». Это «народное, историческое самосознание» было непосредственно политическим и с неизбежностью вело к «народной революции».

Программа «народной истории» нашла признание у таких ученых, как Ротфельс и Штайнбах, которые не делали упор на концепцию расы. Но, к примеру, Хельбок и Кейзер допускали известный тезис «Blut und Boden» /кровь и почва/, что сближало идеологию «жизненного пространства» с расово обоснованной иерархией народов. В целом с начала XX века расовое понимание встречало растущее признание авторитетных историков, как солидная и с основанием дискутируемая теория. Этому способствовало набиравшее силу влияние зарубежных немецких фольксгрупп.

В ревизионистских и экспансионистских концепциях «пограничные и заграничные немцы» уже в период Веймарской республики занимали важные позиции. Исходящие из справедливых интересов немецких меньшинств заботы о родном языке и культуре становились средством открыто националистической пропаганды. Работавшие на этом направлении ученые пользовались полной поддержкой государственных и промышленных организаций. Эти усилия теоретически готовили основательную ревизию государственных границ в Центральной Европе.

Один из известнейших представителей «пограничных и зарубежных немцев» **Макс Хильдеберт Бём** /Boehm/, еще во времена Веймарской республики, видевший в Гитлере воплощение «другого немца», восклицал после 1933г.: «Германия должна быть единой!». Он, однако, призывал к осторожному поведению, без резких фанфарных порывов, призывая молодежь верить в «действительность, которую ответственное политическое руководство воспринимает как отдаленную цель в формах, которые мы сегодня только предчувствуем или не понимаем». Согласовывая биологическую и властно-государственную концепции, Бём понимал народ как «органическую цельность», «самозарождающееся бытие», ориентирующееся на понятие «Blut und

Boden». – Для этого политического формирования, по Бёму, решающим должно было стать «народное событие, пережитое в опыте Первой мировой войны, через примирение слоев в классово обусловленном расколе общества, в жизненном пространстве нашего 90-млн. народа».

Срединную позицию между биологическим понятием народа и теориями, основанными на духовной связи, занял Ганс Ротфельс, которого **Вольфганг Халльгартен** /Hallgarten/ назвал «передовым борцом пограничного германства». Ротфельс писал: «На Западе немцы обходятся безусловным признанием очевидного народного права /Volkstumsrecht/, которое принесло мировоззрение новой Германии через своего Фюрера».

До событий в Сааре мягкую формулировку территориальных требований дал Г.Онкен в статье «Основания саарской борьбы»: «*Volkstum* необходимо понять как великое историческое *надгосударственное единство, принадлежащее исключительно к духовно-культурной сфере*». После плебисцита /1935г./ в его концепцию примешался другой тон: «Теперь побеждает юридическое требование европейских народов на неприкосновенность своих национальных *почв и крови* в противоположность враждебной жадности соседа, которая столетиями меняла лишь наружную личину, но оставалась неизменной в своей сути». Курт фон Раумер непосредственно перед голосованием в Сааре также подчеркнул особое умение пограничного германства /Grenzvolkstum/ - «рабочего и крестьянского населения Саара, которое большей частью сидит на своем клочке земли и в подлинно германском духе защищает его как собственную крепость, осуществляя блестящую немецкую оборону».

Молодой боннский историк Франц Штайнбах увидел в борьбе за Саар «пробный камень силы самообороны немецкого народа». Тогда же он переключил внимание на Францию и Бельгию, где «фронт фольксдойче пролегает в ужасной зоне уничтожения коренной культуры и народной самобытности». «Наша надежда направляется на то», - писал Штайнбах, - «что волны немецкой революции силой стихии поднимутся над искусственными и произвольными государственными границами, что из глубин народного сообщества вырвется сила, которая приведет коренной народ к осознанию духовной порчи и объявит беспощадную борьбу иностранному засилью». «Мы верим также, что в будущей новой Франции право самобытного народа одержит победу над закосневшей империалистической силой прошлого. Тогда области фольксдойче за границами Рейха могут стать мостами мира между равноправными политическими соседями», - заключал Штайнбах. – Это суждение предваряло комментарии немецких официальных лиц 1942-44гг. о положении Франции после оккупации ее северной части и установления контроля над югом.

Мартин Шпанн еще летом 1933г. призывал к «борьбе за германское руководство в Рейнской области». По его мнению, голосование в Сааре должно было стать началом «совсем другой, чем в Веймарской республике, серьезной и убедительной Volkstums-работой». Он отмечал значительно возросшую важность связей немецких «пространственно-политических» условий в районах Рейна, Мааса и Мозеля. Кёльнский историк открыто взял под сомнение суще-

ствующие границы центральных областей Европы. Подобно К. фон Раумеру и почетному франкфуртскому профессору Вентцке, Шпанн представлял геополитическую точку зрения, по которой обладание обоими берегами Рейна через его речную систему, а также бассейны Дуная, Одера и Вислы, органически конституировало бы единство центральной части континента /подразумевалась немецкая гегемония/ и обеспечило безопасность Германии.

Понятие «Volk» Шпанн первоначально обосновывал в терминах единства «крови и почвы». В агрессивной и открытой манере он уже в 1933г. формулировал внешнеполитические намерения Германии. Они вытекали из того, что Центральная Европа, как и Россия, и Италия «подчинились капитализму», но теперь, с одной стороны, капитализм приходит в упадок, а с другой – «из находящихся под иностранным господством областей во всей их протяженности развивается набирающее силу новое движение, которое должно завершиться установлением соответствующего социально-экономического, а на основе этого – также государственного и духовного порядка». Перед лицом превосходящего противника Шпанн тогда напоминал об «осторожности и терпении», но хранил большие надежды на всеобъемлющее фашистское управление «германцами» /Germanen – указатель «нордического» происхождения родственных наций/. - «Наши мысли должны кружиться вокруг этого, несмотря на власть, которую Версаль предоставил Франции, из неприкрытой собственной пользы снова и снова задерживающей развитие Центральной Европы».

«Будут ли Англия и Голландия, быстрее Италии оправившиеся от потрясений мировой войны, угрожать Северной Германии, или немецкий народ выздоровеет и новое Движение в центральноевропейской жизненной сфере также и на Севере наберет силу, и германцы в будущем мире, как мы предчувствуем, будут свободно дышать и жить у соответствии со своими ценностями?», - размышлял Шпанн. - «Государство немецких рабочих и крестьян должно по призыву Фюрера вынести также внешнеполитические испытания».

Между 1930 и 1933гг. Исследовательским объединением фольксдойче совместно с внутригерманскими учеными была организована долгосрочная поддержка «Deutschums-политики». Это междисциплинарное, прикладное и работающее в конфиденциальных условиях Объединение оказывало непосредственное влияние на министерства иностранных и внутренних дел. С 1933г. усиливалась согласованность его действий с политическим руководством Германии. Научная работа должна была методически корректироваться в соответствии с поставленными целями на службе «Фатерланда». Задачей Объединения было достижение солидного научного уровня исследований по вопросам борьбы народностей /«Volkstumskampf»/ в пограничных с Германией странах. Его работа должна была обслуживать не только научные, но также жизненные интересы фольксдойче.

Основанное 19.12.1933г. Северонемецкое /с 1935г. Северо- и восточнонемецкое/ научно-исследовательское объединение публиковало различные статьи, карты и все необходимые материалы, особенно по Польше, балтийским странам, Богемии и Скандинавии. Главой историков, входящих в состав Объ-

единения, был А.Бракманн. В числе постоянных членов – Г.Аубин и В.Реке. В противоположность польской науке немецкие ученые систематически формировали сознание за границей в духе немецких целей и обосновывали территориальные претензии. Впоследствии работы Исследовательского сообщества использовало немецкое военное руководство.

Еще в 1930г. было учреждено Западногерманское научно-исследовательское объединение. Руководящие посты в нем заняли Ф.Штайнбах и Пауль Вентцке из Института Эльзас-Лотарингии. Исследовательские итоги работы обоих Объединений были подведены Лейпцигским фондом в первой половине 30-х годов и отражены в Справочнике по пограничным и зарубежным немцам. Среди почти 800 сотрудников этой поощряемой государством работы были элитные историки: Г.Аубин, Бруннер, Кётчке, Лауберт, Й.Пфитцнер, Реке, Шульте, Виттрам и Вентцке, а также два кильских историка – издатель Отто Шеель и **Карл Петерсен**. В этом справочнике также обнаруживалось влияние фёлькише-теоретиков. «Только от народа исходит его государство, общество, хозяйство и духовные процессы, на которых базируются политические основополагающие силы» - сказано во введении. В 1938г. Справочник оценивался как результат работы «победоносной науки, которая перешагнула брешь в тысячу километров от фронтальной линии зарубежных немцев и при этом принесла с собой духовные боеприпасы, необходимые для современной борьбы народностей».

В рамках экспансионистской концепции широко использовалось понятие «немецкая народная и культурная почва» /*Volks- und Kulturboden*/. Это понятие распространялось на все территории с находящимися там столетиями поселениями немцев. Оно восходило к географу Альбрехту Пенку /*A.Penck*/, который писал в 1925г.: «Там, где проживает немецкий народ, где слышится наша речь и видна немецкая работа, там есть немецкая народная почва /*Volksboden*/, которая сопровождается немецкой культурной почвой, отличающейся от соседних культурных областей... Где всегда немцы живут сообща и нуждаются в земной поверхности, там *Volksboden* появляется всегда независимо от того, идет ли параллельное развитие других народных почв, или нет».

Категория «*Volks- und Kulturboden*» быстро и широко распространилась далеко за пределы фёлькиш-концепции. Она дала название упомянутому Лейпцигскому фонду. В 1930г. были учреждены «Немецкие сборники по исследованию народной и культурой почвы». На их титульном листе стояли имена совместно работавших историков: Ф.Куршманна /Грайфсвальд/, А.Хельбока /Инсбрук/, Р.Кётчке /Лейпциг/, М.Лауберта /Бреслау/, Т.Майера /Гисен/, **Й.Пфитцнера** /Прага/, В.Реке /Данциг/, А.Шульте /Бонн/, Ф.Штайнбаха /Бонн/, П.Вентцке /Дюссельдорф/, Г.Вольфрама /Франкфурт-на-Майне/. В публикациях Сборников были широко представлены исследователи Восточной Европы.

Поскольку понятие «*Deutscher Volks- und Kulturboden*» оставалось неопределенным в правовом смысле, **Вальтер Кун** /*W.Kuhn*/, а также М.Х. Бём предлагали вместо него термин «излучаемое пространство немецкой культу-

ры» /Strahlungsraum deutscher Kultur/. Таким образом, были дополнительно наведены мосты между консервативными и фашистскими концепциями. Однако оставались сомнения в подходящей национально-государственной структуре Европы, особенно на востоке, в регионе между Немецким Рейхом и Советским Союзом, где преобладало смешанное население.

Здесь потребовалась гегемонистская концепция Германии, в обосновании которой принял активное участие Ганс Ротфельс – работающий в Кёнигсберге авторитетный представитель требования Нового Порядка в центральном и восточноевропейском пространстве. Он был видным молодым историком уже в Веймарской республике, а после 1945г. – ведущим представителем исторической науки в ФРГ. Как участник «борющейся науки» в пограничной и восточной работе, Ротфельс хотел подготовить здесь плодотворную почву для политики в духе Бисмарка. Концепцию Ротфельса в разное время критиковали за чрезмерную агрессивность Халльгартен, Моммзен, В.Гётц и Э.Кейзер.

В своей концепции Ротфельс исходил из идеи «сплоченной Центральной Европы». Он говорил об исторически сложившихся особенностях на немецких границах: «В то время как на Западе отмечены «твердые границы поселений», «восточная сторона центральноевропейского пространства не имеет ясно отделенных границ с другими народами. На широком фронте здесь происходит путаница и ошибки... Враждебные национальные участки создают территориальную напряженность, особенно для немецкого Volkstum, на всём северовосточном и юго-восточном пространстве. И пограничные «розыгрыши» в Восточной Европе требуют пространственного разрешения... Государственные и народные границы должны соответствовать друг другу... Все немцы вновь смогут жить в едином государстве после того, как самостоятельно сформируют свои границы. Это вытекает из сущности средневековой колонизации Востока, которая не может быть объяснена масштабами Западной Европы, но требует собственного порядка. Национализм в западноевропейском смысле предстает здесь далекой от действительности и враждебной жизни теорией» - писал Ротфельс.

Ганс Ротфельс описывал центральноевропейский Восток, постоянно ссылаясь на **Меллера ван ден Брука**, в своем «Третьем Рейхе» сконцентрировавшего внимание на проблеме Востока, и предлагавшего навести здесь строгий порядок на новых принципах. Ротфельс подтверждал заявленное Меллером «право молодых народов», говорил о «грандиозном видении», которое включает правовой центр проблемы, но предупреждал против преувеличений в вытекавшей отсюда политике. О Центральной Европе он говорил, как о немецком жизненном пространстве.

Исходящая из различных критериев структура Центральной Европы географически включала территорию между Северным морем и Адриатикой, между Балтийским и Черным морями. В мае 1935г. Ротфельс отнес дугу от Ревеля до Бухареста, к «фланговым позициям» Центральной Европы, защитному «фронту» против «Азии» и далекого Востока, угрожающего хаосом. Как конституирующий элемент единства на востоке Центральной Европы, Рот-

фельс ввел новую категорию, подчеркнув, что именно на Востоке национальность – в меньшей мере вопрос языка или крови, но, скорее – исторически и субъективно «умеренно желаемый факт». Но он всё же настаивал на том, что «на почве Востока утверждается призыв к цепи поколений, совершавших общую работу». – Однако законную претензию на гегемонию необходимо обосновывать в каждом случае, писал Ротфельс.

В своем понимании народа историк ссылался на Бёма, Петерсена и знаменитого социолога **Ганса Фрейера** /Freyer/. Именно для «Северо-Восточной Марки» Ротфельс подчеркивал важность сознания связи с Родиной и исторической общности судьбы. Вместо попыток разделения государств, он настаивал на единой политической организации под немецкой гегемонией. Еще в январе 1933г. Ротфельс требовал «преодолеть внутринецкий паралич» и понять, что «на Востоке лежит наша судьба».

«Рейх» в этих построениях понимался как противоположность ограниченному буржуазному национально-государственному идеалу. Ротфельс назвал его «значительной отправной точкой в мышлении» и «необходимостью XX столетия». - Теперь следовало бороться за «новые политические жизненные формы, включающие умеренный по существу /wesensmäßig/ порядок на Востоке». *Ротфельс* не пояснял в подробностях, откуда появятся новые формы, отложив эту задачу на будущее, но указал, что они возникнут из позиции, отличающейся от всех империалистических тенденций. – Тезис о «праве молодых народов», разрабатывавшийся Меллером ван ден Бруком, был подтвержден в ходе преобразования европейского континента национал-социалистами, действительно не имевшего аналогов в мировой истории ни в капиталистической, ни в социалистической формах!

Ротфельс постоянно подчеркивал необходимость особого, недемократического пути развития Востока из-за его противоположности Западу. Он писал о «новой социальной организации» и о «союзных /bündische/ формах совместной жизни народов». Этой задаче служило подробное рассмотрение политики Бисмарка, в основе которой лежали немецкие цели германизации и принцип враждебности в отношении иностранного Volkstum. Существенно важный элемент, добавленный Ротфельсом в эту концепцию, заключался в признании ценности *совместной* жизни народов и этоса /Ethos/, как самостоятельной пограничной силы, дружественной немецкому народу.

На историческом конгрессе в Гёттингене /1932г./ Ганс Ротфельс вызвал сенсацию, потребовав, чтобы Рейх 1871г. был понят не столько в его незавершенности как национального государства, но, прежде всего, из своей открытости к созданию центрально- и восточноевропейских жизненных связей. Это было творческое развитие планов «железного канцлера». Ротфельс еще не ставил задачу включения Австрии в Рейх, размышляя о тесной связи с Юго-Востоком. Но в связи с Варшавским историческим конгрессом /август 1933г./ стояли его тезисы об экспансионизме польской стороны. Умеренные по тону суждения Ротфельса, несмотря на признание факта сосуществования народов, не предполагали их равноправия. - Немецкий народ, который «обживал эти

территории, обязан находиться на первой позиции и в борьбе за спасение своей культуры, должен объединить Восточное пространство». «Не через арифметическое соотношение, но, прежде всего, на почве выполненной работы, народ, принесший сюда свою кровь, обладает этим правом», - заключал историк. Всё это, по словам министра иностранных дел Риббентропа, сделало тезисы Ротфельса «полезными для нашей внешней политики».

Особенность позиции Ганса Ротфельса заключалась в отсутствии расовой аргументации; им была принята народническая совокупность идей, но экспансионистские требования ограничены в сравнении с планами национал-социализма, а ревизионистские притязания не проникали в Западную Европу. Историк еще в 1934г. согласился с лозунгом «народного права», вытекавшим «из мировоззрения Новой Германии и программно провозглашенным через своего Фюрера». В 1938г. Ротфельс увидел в действиях эмигрантов против Германии предательство Родины. Всё же его судьба сложилась неудачно.. В феврале 1933г. его подвергли антисемитской атаке /!/, а в июле следующего года он оставил преподавательскую деятельность. С 1936г. ученый не занимал общественной должности и прекратил публикации. Однако о политической лояльности Ротфельса свидетельствовала поддержка, оказанная ему министерством воспитания и Вермахтом. Ротфельс получил возможность самостоятельной работы, которая не подвергалась сомнению. – Его солидно разработанная экспансионистская концепция оказалась пригодной для использования национал-социализмом.

Идея центральноевропейского порядка под германским руководством возникла уже в XIX веке и сыграла определенную роль в Первой мировой войне. Ее программные экспансионистские цели были больше обращены на Восток, чем на конфликт с Францией. Этому содействовала книга Фридриха Науманна «Центральная Европа». Около 1925г. обрисовался новый подъем мышления вокруг Центральной Европы. Возникали различные центральноевропейские организации. Примерно с 1930г. многие из них посвятили свою деятельность разработке программ промышленной экспансии, ориентируясь на сырьевые области и рынок сбыта в юго-восточном направлении. В этой связи «Центральная Европа» в геополитическом варианте была представлена, например, Мартином Шпанном. Он описывал ее как пространство от Ревеля до Эгейского моря. Шпанн указывал на распространенность немецких поселений от Рейна и Шельды до реки По, от Даугавы до Днестра.

Дискуссия историков вокруг проблемы «Народ и Рейх» повлияла на разработку государственными органами Германии концепции Центральной Европы. Сюда внесли вклад, кроме М.Шпанна, также Шюслер, Кремер и знаменитый австрийский историк **Генрих фон Зрбик**. Они определяли Центральную Европу, «с редкой ясностью разграничивающую народы», как «пространственное понятие», через ее отстраненность от моря и преобладание сухопутных границ. Подчеркивалась важность существования на иностранной народной почве немецких фольксгрупп, которые способны сementировать единство Центральной Европы. **К. фон Лёш** /Loesch/, игнорируя современные государ-

ственные границы, с размахом разместил немецкие и нидерландские «народные и языковые границы», как линию от Дюнкерка через Брюссель – Лонгви – Бургундские ворота – Фрайбург – до Монте Роза. - На Востоке «немецкая почва» должна примыкать к неясно описанному «смешанному пространству» /*Mischraum*/. С включением сюда Финляндии, области Балтийского моря, Румынии, Болгарии и части Югославии, как принадлежащих к западной цивилизации с ее культурной и религиозной идентичностью, «Центральная Европа» описана здесь как гигантское пространство немецкой экспансии.

Еще в 1931-32гг. **Гарольд Штайнакер** /*Steinacker*/ и ростокский ординариус В.Шюслер представляли немецкие фольксгруппы «господствующим элементом нового порядка народного мира». Они настаивали на праве Германии совместно с Австрией быть «пограничной охраной против Востока» и через «промежуточную Европу» использовать свою ответственность за поддержание порядка и мира на огромной территории. В 1933г. Шюслер призывал к «объединению центральноевропейских стран и народов» между Балтийским и Черным морями и настаивал на необходимости вести немецкий порядок, опираясь на традицию Средневекового Рейха. Он писал тогда: «Эта мысль о подлинном федерализме есть то, что коротко сформулировал Рейхсканцлер, когда говорил о том, что другой, даже малый народ должен иметь признанное право на жизнь возле великого народа». Шюслер считал «громадной задачей не только внутренней, но также внешней политики заранее подготовить историческое оправдание ведущего положения Германии». Для этого, по его мнению, годилась ссылка на рубеж XVII-XVIII веков, связанный со становлением государства и противоборством на Востоке. – «Тогда нация повернула свой взгляд на Восток и Юго-Восток».

Таким образом, «рейхс-идея» стала доминировать в исторических обобщениях начала 30-х годов, как самая эффективная антитеза ущербной Веймарской республике. Немецкие историки увидели тогда в национал-социализме реанимацию общественного мышления о Рейхе. По мнению католического историка **Генриха Гюнтера**, «Рейх вновь стал Словом и Делом под знаком национальной революции». Историк Средневековья Герман Хаймпель признал: «Мы верим в новую Германию. Поэтому мы верим в *Abendland* /*символическое название Западной Европы* – И.Б./». Для обоих этих историков «Рейх» - важная моральная категория и христианско-западноевропейская общность под немецкой гегемонией. Средневековый Рейх, согласно Хаймпелю, был прототипом немецкого управления европейским порядком из единого центра.

Характерно, что в подобных теориях ссылка на культурную общность христианского Запада значила меньше, чем связь с фёлькиш-концепциями, оперирующими более широкими категориями. *Центральными понятиями в этой системе мышления были: народ, государство, руководство и верность. Народную общность /Gemeinschaft/ формирует, прежде всего, руководство /Führung/.* Эту концепцию Рейха старательно пропагандировали молодые доценты – К.фон Раумер, Р.Кремер, Эрнст Анрих и Р.Штадельманн. «Этот Рейх с

его законами и необходимостями носит надгосударственный, наднародный, даже надмировой характер», - утверждал Штадельманн в духе гегелевской философии. По мнению этих историков, речь шла об «идее права, как о действительной судьбе определенного пространства, о свободном и справедливом единстве через доверчивую преданность». «Немецкое мышление о Рейхе в мощи народной общности и национал-социалистического Движения должно обрести новую силу омоложения», - писал Э.Анрих.

Такое восприятие Рейха неизбежно вело к исключению из немецкого исторического сообщества лиц, выпадающих из этого круга, как по национальным, так и по политическим мотивам. По общему мнению, изгнание и эмиграция коснулось ученых в исторической науке в меньшей мере, чем в других областях знания. Как утверждает В.Вебер, с 1933г. «было изгнано сравнительно небольшое число ординариусов с их должностей». Профессор Гейдельбергского университета /с 1925г./, историк древности, еврей *Эгон Таублер* /Eugen Täubler / до 1941г. // заведовал кафедрой изучения еврейства в Берлине, а затем эмигрировал в США. В 1939г. покинул Германию историк древности из Галле *Рихард Лакойр* /Laqueur/. Как бывший фронтовой офицер, он не был сначала затронут Законом о профессиональной деятельности, но в 1934г. фактически ушел в отставку. *Ганс Ротфельс* из Кёнигсберга после прекращения научной деятельности эмигрировал летом 1939г. Боннского медиевиста *Вильгельма Левизона* /Levison/ уволили в конце 1935г., но до 1939г. он самостоятельно работал в Бонне, а затем поселился в Англии.

Историк древности, еврей *Эрнст Штайн* в 1934г. перебрался в США. Другой еврей – *Ганс Херцфельд* при поддержке нацистских кругов // смог до 1938г. сохранять профессию, но затем также потерял право на преподавание. Он остался в Германии и не подвергался преследованиям //. Были уволены берлинцы – *Гельмут Вайгель* и эксперт по рабочему движению *Густав Майер* /Mayer/. В Лейпциге преждевременно отправили на пенсию *Карал Хельдманна*, в письме заверявшего о своей готовности вести молодежь по новому пути. Расово-политические основания послужили причиной отставок ряда демократически настроенных доцентов: берлинцев – *Герхарда Мазура*, *Хайо Хольборна* /Hajo Holborn/, *Хедвига Хинтце*, *Дитриха Герхарда*, *Элиаса Бикерманна* и *Ганса Барона*; кёльнского историка *Ганса Розенберга* и преподавателя в Гисене *Фрица Хайхельхайма* /Heichelheim/. Ряд молодых историков с 1933г. не имели будущего в немецких университетах: *В.Халльгартен*, *Фриц Эпштейн*, *Феликс Гильберт* и *Экарт Кейр* /Eckart Kehr/.

После Нюрнбергских расовых законов берлинский ординариус *Эрнст Перельс* также оставил профессию. В октябре 1944г. его арестовали из-за участия сына в Сопротивлении, а в апреле 1945г. перевели в Бухенвальд, из которого Перельс вышел сразу после окончания войны. В январе 1935г. берлинский медиевист, еврей *Эрих Каспар* /Caspar/ совершил самоубийство. Публикации мюнстерского историка древности *Фридриха Мюнцера* были запрещены в 1938г. Профессор средневековой и новой истории *Эрнст Канторович* /Kantorowicz/ после временной отставки отправил письмо в министерство

воспитания с протестом против преследования евреев, но не был репрессирован и продолжал заниматься научной работой, так как в целом поддерживал «национальное управление в Рейхе». Политические и расовые мотивы смешались при отставке лейпцигского историка Средневековья, демократически настроенного *Зигмунда Хелльманна*. Этот случай показал, что изгнание профессоров не всегда инициировалось властями, поскольку на отставке *Хелльманна*, как и берлинца *Артура Розенберга*, настояли сами университеты.

Ряд профессоров был отстранен от работы исключительно по политическим соображениям. Преподававший в Берлине либерал, симпатизировавший социал-демократам *Карл Штейлин /Stählin/*, эмигрировал в 1933г. В этом же году отправлен на пенсию *Фридрих Браун*. В мае 1935г. ушел в отставку Отто Хётч. Политические убеждения сыграли роль и при отставке гамбургского преподавателя восточноевропейской истории *Рихарда Заломона /Salomon/*, уволенного 30.06.1934г. Через три года он оставил Германию. Отставка этих четырех историков была связана с дискуссией о Советском Союзе /одновременно политический и научный факт/. В 1936г. уволили либерального историка Высшей технической школы в Карлсруэ *Франца Шнабеля*, который, однако, смог публиковаться и дальше. Тогда же в отставку был отправлен демократически настроенный эрлангенский медиевист *Бернхард Шмайндлер*.

Левого либерала *Мартина Хобомма /Hobom/* уволили как противника германского аннексионизма. В связи с «марксистским пониманием исторических проблем» и «позитивным отношением к Советскому Союзу» был отправлен в отставку Лейпцигский приват-доцент *Георг Закке /Sacke/* - единственный из историков принявший активное участие в Сопротивлении, за что поплатился жизнью в апреле 1945г. В 1933г. уволены из Рейхсархива два демократически настроенных историка – *Файта Валентина /Valentin/* и *Людвига Бергштрассера*, чьи политические взгляды еще до 1933г. воспрепятствовали их университетской карьере. Бергштрассер уже в марте 1933г. публично выступал против диктатуры, но до конца войны жил в Германии и поддерживал контакты с Сопротивлением.

Кёльнского историка древности, исследователя общественных и хозяйственных структур *Йоханнеса Хазebroка /Hasebrock/* в 1937г. уволили из-за конфликтной ситуации с другими преподавателями. Политические обвинения привели к отставке в 1939г. мюнстерского историка *Антоня Айтеля /Aeitel/*. 09.12.1941г. потерял свой пост лейпцигский ординариус *Вальтер Гётц*. По своей инициативе, из политических соображений ушел на пенсию и отказался от сотрудничества со своим преемником *Карл Хампе*. Приведенным перечнем практически ограничился круг лиц, потерявших научную работу в национал-социалистической Германии. – Семь из 89 ведущих ординариусов в 23 университетах в 1933-34гг. потеряли свои должности. В 1935г. был уволен уже преступивший пенсионный возраст и утеревший право на преподавание *Герман Онкен*. Однако он продолжал публиковаться и поддерживал военную политику Германии. *В.Моммзен*, потеряв обязанности в издательстве «Прошлое и современность», сохранил свою кафедру и публиковал работы. Наряду с Онке-

ном и лейпцигским профессором /ранее правым либералом/ **Эрихом Бранденбургом**, он позитивно относился к национал-социалистической политике.

Сочетание политических и национальных мотивов при отставках не было случайным. Большинство еврейских историков /как в случае молодого *Г.Иггерса*/ занимали критическую позицию по отношению к прошлому страны еще в веймарские времена и с неодобрением относились к преобразованиям в новой Германии. При разгоне «Школы Майнеке» лишились работы лишь еврейские ученые. Молодого берлинского историка Ф.Майнеке лишь ограничили в политических воззрениях, но он, как и большинство его бывших сотрудников, включая «разумных республиканцев», продолжал вести научную деятельность. Показательно, что почти все эмигрировавшие историки после 1945г. не вернулись в Германию, продемонстрировав национальную узость и нелюбовь к стране, с которой была связана их прошлая деятельность. Послевоенные заслуги этих ученых не получили отражения в истории науки.

С 1941г. персональная непрерывность работы историков была дополнена механизмом подбора новых кадров, вызванным последствиями войны. Снижение возрастной границы для исполнения обязанностей и временное занятие кафедр неординариусами создали возможности для новых назначений. Но если в первые годы студенческие сообщества и партийные службы пытались влиять на подбор научных кадров, то с 1938г. этот процесс был формально урегулирован. Теперь предложения на должности ректоров исходили от самих факультетов и согласовывались с правительствами земель, главой «Доцентенбунда» и подтверждались министерством воспитания. После аншлюса Австрии санкционированная министром договоренность на профессию представлялась к исполнению через Рейхсканцелярию. В отдельных случаях в процесс назначения вмешивался лично Фюрер. Но обычно механизм согласования работал без сбоев, и назначения на должности, как правило, соответствовали статусу историка в научном мире. Авторитетный и после 1945г. историк Вильгельм Вебер подтверждал эту практику.

Большинство послевоенных исследователи отрицали значительную роль политических назначений в тот период, отмечая постоянство в сочетании молодых и старых преподавателей Высшей школы и стабильность практики получения кафедр. Таким образом, нового структурирования науки не было, и это позволяло ученым придерживаться своих традиционных взглядов без существенных потерь в результатах научной деятельности. Национал-социалистические функционеры понимали, что без определенной свободы невозможно достичь необходимой солидности в исследованиях.

В первой фазе, примерно до 1936г., историческая наука в университетах подвергалась настойчивым атакам. При приеме на работу требовали замещения либеральных кадров в духе национал-социалистической «победившей науки». Утверждалось, что корни немецкой истории уходят в предысторию Германии, а ее политическое и культурное становление должно быть «показано как продукт выдающейся роли германцев и нордической расы». Проведение политики «Blut und Boden» объяснялось масштабом великих исторических

личностей. В этот период Карлу Великому вменялось в вину введение христианства и античное влияние. Его называли «плохим саксонцем» за проведение политики в южном направлении и «разрыв с собственной культурой, содействующий проникновению иностранного влияния и разрушению германской сути». Зато превозносился жестоко преследуемый Карлом саксонец Видукинд, как борец за кровь и почву, а также король Генрих I – основатель Первого Рейха и представитель ориентированной на Восток политики жизненного пространства, вместо «чуждого универсального стремления». Фридриха Барбароссу также упрекали в недооценке восточной политики в противоположность Генриху Льву, отказавшемуся от итальянского направления и переключившему внимание на Восток.

Через некоторое время это суждение было пересмотрено, и Карл Великий занял подобающее место в пантеоне немецких героев, «в нашей Валгалле», как говорил Гитлер. Геббельс в 1936г. также констатировал, что невозможно немецкую историю и ее героев сопоставлять исключительно со временем национал-социалистического правления, и что только период с 1918 по 33г. нужно рассматривать как единственно преступный. А.Розенберг, который стоял за осуждением Карла Великого, в 1939г. отказался от обструкции императору I Рейха. Атаки на историческое сообщество потеряли остроту, а в «Национал-социалистических ежемесячных тетрадах» /«NS-Monatshefte»/ критиковались тогда «вылазки против исторической науки» и позитивно оценивались публикации в ее защиту таких историков, как Генрих фон Зрбик, К.А.фон Мюллер, Г.Риттер и Карл Бранди. «Великие немцы вели к Рейху наших дней, и мы не можем отказаться от малейшего вклада немецкого прошлого к его завершению через Адольфа Гитлера», - писали национал-социалистические «Учебные записки» /«Schulungsbrief»/. Именно в военные годы Карл Великий превратился из «саксонского мясника» в прославленного повелителя великого наднационального Рейха, а его деятельность - в предзнаменование Оси и оживления средневековой итальянской политики.

Университетская наука в целом протестовала против подобных политизированных оценок, разделяемых такими историками, как Аубин, Хампе, Баэтген и Бракманн. Им противостояли, например, **Мартин Линтцель** и **Карл Эрдманн**, упрекая всю четверку в произвольном толковании исторических фактов. В дважды опубликованном /декабрь 1933 и январь 1934/ докладе Герман Онкен иронизировал по поводу «изменений исторического понимания в революционные эпохи», критикуя национал-социалистическую претензию на «переоценку истории». Он потребовал для себя возможности выражать собственную точку зрения о событиях. На это официальный историк Третьего Рейха **Вальтер Франк** отвечал в «Фелькишер Беобахтер», что Онкен неосновательно взял на себя роль судьи в духовной борьбе национал-социалистической Германии». В дальнейшем Герман Онкен избегал конфликтов с новой властью.

Разные историки еще не раз протестовали против «произвольного конструирования истории» /Ф.Хартунг/ или «мистического показа прошлого»

/Й.Халлер/. Но не было ни одного коллективного протеста против «псевдо-истории» Третьего Рейха, как этого требовал Г.Риттер после атаки на Онкена. Это не было вызвано конформизмом ученых. Большинство разделяло требование тесной связи истории и политики. Прежде всего, молодые историки разделяли мнение, что национал-социалистическое представление о «политической науке» не должно быть отклонено совсем. «Неполитическая наука» отождествлялась с частными интересами, не учитывавшими общегосударственной пользы. Твердого отношения науки к современным событиям радикальным образом требовали высокоавторитетные, политически активные историки: Вестфаль, Кейзер, Кремер и Адольф Райн /Гамбург/. Эту позицию одобряли также А. фон Мюллер, Раумер, Андреас, Хётч, Моммзен, Херцфельд и Ротфельс. Все они признавали необходимость корректировки исторической картины событий в зависимости от политической потребности.

С 1940г. в Германии, а затем и в оккупированных странах демонстрировалась выставка «Великие немцы» с публицистическим сопровождением, представлявшим национал-социалистическую пропаганду войны. Ею разрабатывали совместно Управление А.Розенберга и ведущие историки Германии. Эти тексты соединяли консервативно-националистические- и фёлькиш-элементы. Они показывали немецкую историю как пронизанный противодействием, но крайне необходимый путь к национал-социализму и господству над Европой. Комментарии содержали в центральном пункте идею осуществления «Рейха» на европейском пространстве, но «расы» играли в них удивительно малую роль. Лобовая попытка внедрить в университеты фёлькиш-расистское понимание истории не удалась. Этот отказ от агрессивного внедрения образцовой расово-идеологической интерпретации истории вытекал из интересов самой науки, которая отнюдь не была лишь инструментом легитимации власти, но демонстрировала солидность научных позиций, а также содействовала позитивному восприятию национал-социалистической Германии за границей. Либеральные исследователи тогда и после войны намеренно игнорировали факты такого рода, так как они ломают их примитивные и лживые схемы о поголовном антисемитизме и расовых преследованиях в национал-социалистической Германии.

Оценивая германские усилия по организации европейского пространства в годы войны, необходимо учитывать действительную меру величия государств и народов. Эта мера, а не абстрактные юридические нормы, до сих пор давала основание для руководства малыми или отставшими в общем развитии народами и странами. Фактор грубой силы, с помощью которой США добиваются мирового преобладания в XXI веке, соседствует с их духовным и культурным примитивизмом. Германия же 1933-45гг., наряду с экономической и военной мощью хранила богатый духовный потенциал, унаследованный от прошлых столетий, и с учетом этого с гораздо большим основанием претендовала на руководство европейскими государствами.

19 октября 1935г. в присутствии А.Розенберга и Р.Гесса был открыт «Рейхсинститут истории новой Германии» /Reichsinstitut für Geschichte des

neuen Deutschlands/. Его президентом стал историк Вальтер Франк, который при поддержке Розенберга и министерства воспитания временами оказывал значительное влияние в рамках Исторического сообщества Рейха. Перед Институтом были поставлены задачи активно продвигать национал-социалистическую точку зрения на немецкую историю нового времени и содействовать работе молодых историков в этом направлении. Рейхсинститут формально заместил «Историческую Рейхскомиссию», основанную в 1928г. на основе Рейхсархива и занимавшуюся под руководством Ф.Майнеке, а затем Г.Онкена /с 1934г./ актуальными публикациями по немецкой истории, начиная с 1871г. С 1933г. Комиссия во главе с Онкеном подвергалась атакам. В марте 1934г. Онкен пытался установить мост к новому руководству через прием в ее состав *трех членов НСДАП – Хоппе, Реке и Рейна*. В апреле 1935г. главой Комиссии был назначен берлинский историк Вилли Хоппе, а через полгода ее заменил Институт В.Франка.

В Экспертный совет Рейхсинститута вошли известные историки: Г.фон Зрбик, Г.Риттер, К.А.фон Мюллер, Ф.Хартунг, Э.Маркс, А.О.Мейер, В.Хоппе, В.Шюслер, О.Вестфаль и **Рихард Фестер**. Маркс, Зрбик и Мюллер стали также почетными членами Совета наряду с ведущими национал-социалистическими идеологами Альфредом Боймлером и Эрнстом Криком, а также со знаменитым расовым исследователем Гансом Гюнтером. Рейхсинститут был широко представлен на историческом конгрессе в Эрфурте в 1937г. и претендовал на оформление «нового национал-социалистического исторического мышления». Однако убедительной концепции в обоснование этой задачи представлено не было. Практическая работа Института не ограничивалась научными исследованиями. Его сотрудники действовали и как референты Вермахта и министерства пропаганды, а МИД при необходимости использовал их рекомендации для работы архивных комиссий в оккупированных областях.

Значительное внимание в исторической науке привлекали публикации Карла Рихарда Ганцера, временами возглавлявшего Институт. Его сотрудники – Клео Плейер и **Эрих Ботценхарт** по результатам своей работы сделали карьеру в университетах. Временами научная политика Вальтера Франка оказывал существенное влияние на работу немецких историков. Среди многих отделений и рефератов Института выделялось активностью отделение «Еврейский вопрос», руководимое мюнхенским профессором Карлом Александром фон Мюллером. Однако в целом Рейхсинститут не смог стать идеологическим или институциональным руководящим центром перестройки исторической науки в национал-социалистическом духе. В декабре 1941г. В.Франка, проявлявшего независимость по отношению к руководящим партийным персонам, включая Розенберга, отстранили от руководства Институтом. Важной причиной неуспеха Института в целом стала проблема соотношения национал-социалистической трактовки науки с традиционным пониманием ее задач, хотя ошибочность грубого идеологического подхода была ясна высокообразованной части государственного руководства.

После 1935г. был основан «Рейхсинститут старой немецкой истории» /Reichsinstitut des für ältere Deutsche Geschichtskunde/, перенявший задачу организации всех исторических исследований по Средневековью от бывшей «Центральной дирекции памятников германской истории». Руководители нового Института – 70-летний Пауль Кейр и сменивший его Карл Бранди приступили к реструктурированию и конструктивным персональным назначениям. Бранди был близок к рейхсистолику и функционеру СС **Августу Экхардту**. С марта 1936г. Институтом фактически руководил комиссар-директор, работавший, как и Экхардт, в министерстве воспитания **Вильгельм Энгель**. 01.12.1937г. его сменил марбургский ординариус Эдмунд Штенгель, а в марте 1942г. директором стал преемник Штенгеля в Марбурге Теодор Майер.

С 1937г. под руководством Бранди, Энгеля и **Вальтера Хольцманна** издавался, как орган Института, журнал «Немецкий архив истории средневековья». Хотя во вступительной статье В.Энгель заверял в принадлежности Института к «фёлькиш-ориентированной науке» и в верности расовому мышлению, а в 1942г. Т. Майер одобрил внешнюю политику Рейха, руководство Института не собиралось превращать его в активный рабочий инструмент национал-социалистического толка. Однако Институт действовал в качестве требовательного партнера при разработке пропагандистской выставки «Великие немцы», или составлении инструкции по использованию ценного архива в оккупированной Франции, где были обнаружены ценные материалы о подрывной работе грязной масонской подворотни, а также в ряде других идеологически значимых мероприятий. Наряду с этим была продолжена традиционная работа в интересах неполитизированной науки. Это относилось и к деятельности перестроенной, но продолжавшей работать Исторической комиссии в Мюнхене.

В 1933г. продолжал работу *Союз немецких историков /СНИ/*. Уже в июне этого года его комитет, руководимый Гельмутом Берве и А.Рейном, выразил готовность сотрудничать с «национал-социалистически мыслящими коллегами». В феврале 1934г. СНИ был готов к принятию «фюрерпринципа» /единолично ответственного руководства/. Расхождения СНИ с NS-союзом преподавателей сыграли роль в отмене запланированного на август 1935г. Национального преподавательского конгресса в Данциге. После этого министерство воспитания поручило Бранди, Т.Майеру и В.Платцхоффу реформу СНИ. Во второй половине 1936г. был создан *Всеобщий союз немецких историков – ВСНИ /Der Allgemeine Deutsche Historiker-Ausschuß - ADHA/*. Формально СНИ, ВСНИ, Союз историков древности и остаточные структуры Исторической рейхскомиссии подчинялись Рейхсинституту старой немецкой истории. Все эти Союзы выразили готовность пойти «на службу национал-социалистическому государству». При этом они надеялись избежать неконтролируемого вмешательства различных инстанций НСДАП.

Тем временем в ВСНИ стали быстро усиливаться профашистские силы. В нем росло влияние политически активных историков: В.Франка /Рейхсинститут истории новой Германии/, Штенгеля /Рейхсинститут старой

немецкой истории/, К.А.фон Мюллера /Мюнхенская историческая комиссия/, В.Хоппе /ВСНИ и Союз историков древности/; К.Бранди, Т.Майера и В. Платцхоффа /СНИ/, Р.Хольтцманна – главы немецкой группы в Международном союзе историков и **Филиппа Функа** /исследовательское общество «Göttes Gesellschaft»/.

ADHA готовил тогда в сотрудничестве с министерством пропаганды 8-й Международный конгресс историков, который состоялся в 1938г. в Цюрихе. Там выступали выразившие национал-социалистическую точку зрения университетские преподаватели Рейн, Анрих и Шеель, но не они доминировали в составе немецкой делегации. По итогам Конгресса нейтральные наблюдатели отмечали, что немецкая историческая наука не произвела впечатления регламентированности, и что в выступлениях были представлены разные взгляды на ход немецкой истории, хотя было заметно согласование с режимом в острополитических вопросах.

По словам Г.Риттера, Союз немецких историков еще влачил жалкое существование. Поставленные в руководство Союзом Т.Майер и Платцхофф в 1940г. возглавляли также группу историков в «*Военном использовании гуманитарных наук*». В рамках этого объединения совместно с министерством экономики и Немецким Трудовым Фронтом /НТФ/ прошел ряд заседаний на тему инструментализации науки для военных целей. Вопреки протесту ведомства Розенберга они были организованы самим профессорским сообществом, министерством и НТФ. Университетская наука напрямую сотрудничала в этих вопросах с Исследовательским объединением фольксдойче /*Volksdeutschen Forschungsgemeinschaft*/, министерствами иностранных и внутренних дел, а затем также с СС.

Политические перемены затронули ведущее научное издание – «Исторический журнал» /*Historische Zeitschrift* - HZ/. С 1928г. его возглавлял А.Бракманн. В редакцию HZ входил член НСДАП **Вальтер Кинст**. В 1933г. в журнале усилилась роль национал-социалиста Гельмута Берве. Из редакции исключили еврея Хедвига Хинтце. В первой половине 1935г. под впечатлением от конфликта вокруг Г.Онкена свой пост оставил редактор HZ Ф.Майнеке. С приходом в редакцию журнала сторонника национал-социализма А.фон Мюллера изменился характер издания. С № 153 важные события /аншлюс Австрии, начало войны.../ предваряли политические комментарии. Появились рубрики «Еврейский вопрос», а затем – «Заграничная история германства». Программные статьи Зрбика и В.Франка отражали установки национал-социализма. *Однако журнал не принял характер запрограммированного органа.* Партийная идеология занимала отведенное ей место, и серьезная наука не пострадала.

Преследованию подвергся орган Объединения преподавателей «*Прошлое и современность*». Ведущее участие в кампании принял работавший с января 1934г. в новой редакции этого издания **Мориц Эдельманн** – редактор по истории в NS-союзе преподавателей. До середины 1936г. он работал вместе с прежним издателем В.Моммзенем, которого, наконец, по настоянию

В.Франка вынудили оставить издательство. Изменения произошли также в «Ежегодных сообщениях по немецкой истории». За исключением редакторов Бракманна и Хартунга обновился круг сотрудников этого издания, финансируемого министерством воспитания. С 1936г. новый отдел в структуре ежегодника добивался рассмотрения истории с учетом фактора «пространства и народа». «Народная история» и «еврейский вопрос» стали темами, проявившимися уже в 20-е годы.

В исторической науке второй половины 30-х годов широко дискутировалась книга знаменитого венского ординариуса Генриха фон Зрбика «Немецкое единство» и его два широко распространявшихся доклада, – «Австрия в немецкой истории» /Берлин/ и «Центральная Европа» /Кёльн/. Эти солидные научные публикации получили общее признание, как со стороны профессионалов, так и в отзывах национал-социалистической прессы. Такое единодушие свидетельствовало об основательности взглядов историка на процессы, протекавшие в Европе. Макс Браубах назвал «Немецкое единство» одной из важнейших книг, возвышавшейся над всеми новинками последнего времени. Она произвела глубокое впечатление на стремящегося к объективным оценкам Ф.Майнеке. Для журнала «Национал-социалистические ежемесячные тетради» «Немецкое единство» было «первым крупным проектом общенемецкого размышления». Редкое исключение составил отзыв о книге Г.Риттера, который в 1937г. назвал ее «идеологическим фиговым листком» авантюристической внешней политики /суждения этого видного ученого изменили тон после внутренних побед Германии в 1939-40 годах!/.

Современные исследователи отмечают политическое значение работ Зрбика до настоящего времени, но расценивают публикацию «Немецкого единства» в середине 30-х годов, как в значительной мере вызванную ее политической полезностью. - Центральноевропейский универсализм, который представлял Зрбик, обосновывал законность притязаний на ведущее положение Германии в Европе, предоставляя для этого академическое прикрытие.

Когда в 1935г. вышли два тома «Немецкого единства» из задуманных четырех, Генрих фон Зрбик /р.1878/ был уже ведущим историком Австрии и с 1922г. – профессором в Вене. Он сделал себе имя, прежде всего, биографией Меттерниха, содержащей ценные обобщения европейской политики ведущих держав. В 1929-30гг. Зрбик был министром просвещения, но позднее отказался войти в кабинет канцлера Шушнига. Темой большой работы должно было стать неосуществленное немецкое единство в важный период между 1859 и 1866гг. Два первых тома рассматривали предысторию и предлагали новое освещение процесса немецкой истории в этот период. Центральной задачей Зрбика, которую он сформулировал еще в 20-е годы, стала разработка «общенемецкого понимания» исторических процессов, в которые была вовлечена немецкая нация в ее двуедином австро-немецком существовании.

Вместо устаревшего представления о целях, вместо Пруссии или Австрии, исходной точкой исторического понимания у Зрбика стал только «народ». Для него высшей ценностью было служение немецкой земле и

немецкому народу /Dienst am Volk/. Однако в этих рамках должно быть признано историческое значение Австрии, как части Германии. Ей отводилась роль «объединителя пространственно-политических народных осколков под немецким культурным руководством в восточной части Центральной Европы». В этих суждениях присутствовало признание верховенства народного права над догматически выраженным понятием суверенитета. Для подтверждения Зрбик ссылался на «общенемецкое народное единство», на «кровь, язык, культуру и общую судьбу».

Венский историк использовал категорию «народное тело» в духе идей фёлькише и геополитических представлений. Он доказывал долговечность существования немецкого единства. «Любовь к Рейху, как вечной идее с меняющейся формой» он назвал «путеводной звездой своей работы». В немецкой истории, писал Зрбик, Рейх всегда оставался живым и, если не оформлялся с помощью силы, то чаще всего – духовно, как «вера немецкой души в неодолимость сплоченной Германии и в мировое призвание немецкого народа». Пространственным эквивалентом этого призвания должна была стать Центральная Европа. В то же время концепция Зрбика отстаивала существование открытого на Восток пространства Центральной Европы, которое не могло быть государственно организовано, но должно рассматриваться, как немецкое «жизненное пространство».

«От Северного и Балтийского морей до Адриатики и от Рейна до границ России, от Нидерландов до Верхней Италии протягивается зона передового стратегического плацдарма... Но Центральная Европа без Эльзаса-Лотарингии была бы неполным телом», - очерчивал Зрбик обширную область немецких интересов. Особую необходимость экспансии на Восток и Юго-Восток историк обосновывал, привлекая понятие «промежуточной Европы», отличную от Восточной Европы. Он писал о «судьбе для великого народа сердцевины земли, который в его расширении на восток может наполнить это естественное пространство промежуточной Европы, но также обладать Западом и ядром Центральной Европы, как замкнутым немецким народным телом».

Жизненные интересы Центральной Европы требуют противостоять возможности потенциального окружения, угрожающего ее политическому единству с востока и запада, и эта задача может быть решена только немецким народом», - утверждал Зрбик. Он писал: «Эта книга основана на убеждении, что мышление немецкого народа и населения Центральной Европы не могут быть враждебны друг другу, и что пространственные условия его бытия на Востоке Центральной Европы сделают не нужным международный федеративный порядок». «Немецкое единство» было обобщением уже разработанных им тезисов в ходе большой исторической работы, получившей международное признание. Соответствующее научным стандартам исследование сохранило научную репутацию историка. Концепция Зрбика вобрала элементы фёлькиш-идеологии, центральноевропейское мышление и идею Рейха.

Самобытный характер его теории проявлялся в *особом универсализме*, как идее, соответствовавшей немецким задачам в Центральной Европе, тогда

как *христианский универсализм* противоречил национал-социалистическому пониманию истории. Публикации Зрбика не были фелькиш-расистским толкованием исторического процесса и противоречили широкому консенсусу в немецкой исторической науке, согласно которому универсализм, как общая идея, и партикуляризм /стремление к обособлению частей государства/ тесно связаны друг с другом. Кроме того, пропрусская интерпретация немецкой истории сохранила влияние наряду с общенемецким историческим пониманием.

Но Генрих фон Зрбик возражал против фиксации немецкой исторической науки на Пруссии и национальном государстве, сложившемся к 1871г., подчеркивая значение Австрии, как носителя универсализма, образец в отношении центральноевропейского порядка и как фактор юго-восточной экспансии. Он восхвалял сохраненную Австрией связь малых иностранных народов с немецкой культурой и немецким политическим принципом фюрерства в Центральной Европе. Зрбик не представлял австрийский национализм, характерный для канцлеров Дольфуса и Шушнига. Венский историк настаивал на немецком характере Австрии, ее истории, почвы и крови. Он был упорным пропагандистом присоединению страны к Немецкому Рейху и одновременно защитником особого значения Австрии в рамках желанного немецкого единства.

В 1937г. Зрбик признал себя сторонником «не механического, но органического порядка в Центральной Европе» под немецким руководством. Он, однако, требовал уделять внимание другим национальностям: «Немецкий Рейх, который является национально-государственным центром континента, с его крепко связанной национальной жизненной общностью срединной частью; этот Рейх, в дальнейшем воссоединится с современной, чисто немецкой Австрией на принципах уважения к ее государственности и нестесненному жизненному праву ее народов, принадлежащих к восточноевропейскому государственному миру /*Staatenwelt*/. Это будет комбинированная жизненная форма без империалистического основного тона, соответствующая жизненным интересам немецкого народа и других народов Центральной Европы, а также идее народной общности. Это и есть главная утопия». Но Зрбик тогда же предупреждал, что планируемый новый порядок в Центральной Европе не должен зависеть от его одобрения малыми государствами. - Он явно рассчитывал на бесконфликтное оформление будущей межгосударственной структуры /эти ожидания частично сбылись после подчинения значительной части континента немецкому руководству/.

В высшей точке мировой войны Зрбик представил Немецкий Рейх /4-я часть «Немецкого единства»/ носителем исторической миссии: «Континент Европа снова получит в Великогерманском Рейхе упорядоченный и руководящий центр, который будет покоиться на сильной власти и чувстве ответственности за его организацию. Национал-социалистический Третий Рейх вновь берет на себя великую международную ответственность за наследие первого Священного Рейха и его императорской власти, за Немецкий Союз и Австрию: ответственность немецкого народа за Новый порядок на Востоке и Западе,

распространенный от твердого ядра единого немецкого государства и народа. С тысячного года Германия возложила на себя миссию и руководящее положение на пространстве от старой восточной границы Западной Европы и России до западной границы первого Рейха. Эту обязанность она вновь должна взять на себя. Но это будет сделано не методами империализма и не на почве идеи человечества /Menschheitsidee/, но с помощью новой идеи, народного мышления, которое признает индивидуальность малых народов. Руководящий великий народ органически впишет их в новый здоровый народный порядок этого континента».

На взрывной характер центральноевропейской утопии Зрбика в политическом контексте второй половины 30-х годов указал в своей обычной осторожной манере Г.Риттер. Он осуждал сомнение Зрбика в ценности исторического учения, по которому Германия является строго национальным государством, и отрицал возможность общего центральноевропейского порядка. Но все сомнения Риттера исчезли в период торжества немецкой силы на континенте. Ф.Хартунг и Эрих Бранденбург публично осудили историческую интерпретацию Зрбика, которая казалась им произвольной и сосредоточенной на одной идее, а также против самой постановки задачи венским историком. Они расценили это как «насилие над нашим историческим развитием» и настаивали на уважении интересов центральноевропейских народов, которые в своей независимости и самобытности не стремились к немецкому руководству. Оба историка подчеркивали, что национальные государства исторически были настроены против Рейха.

Злободневная политическая цель, согласно Бранденбургу, заключается в том, что единое немецкое государство без претензий на господство должно стоять в круге равноправных соседних государств под защитой Германии. Вместо немецкой гегемонии в Центральной Европе Бранденбург в книге «Европа и мир» /1937г./ предлагал устройство Западной Европы на пользу общей международной безопасности. Этот своеобразный пацифизм, как и все подобные настроения, был развеян в годы немецкого преобладания в Европе. – «Справедливость всегда была предметом споров, сила неоспорима», - говорил Паскаль, - «вот почему люди не могли сделать справедливое сильным и сделали сильное справедливым».

В общей картине отзывов на книгу Генриха фон Зрбика со стороны историков преобладала позитивная реакция. Ее одобрили видные ученые: Аубин, Андреас, Херцфельд, Шюслер, М.Браубах, М.Х.Бём и Ф. Майнеке. «Для нашего исторического сознания», - писал Аубин о «Немецком единстве», - «снова прочно поставлена на свое место юго-восточная опора немецкой народной границы, и образ исторического восточного фронта восстановлен в его полном значении после того, как позволили положить конец небрежному рассмотрению истории».

Мышление Зрбика воплотило нераздельность традиционного и методически корректного исследования в его актуальной интерпретации политики и общества. Венский историк предоставил себя в распоряжение Рейхсинститута

Вальтера Франка, содействуя его научной репутации. Зрбик одобрил в «Фелькишер Беобахтер» методы насильственной немецкой экспансии. В 1938г. он вступил в НСДАП и стал Членом Великогерманского Рейхстага, а до 1945г. был президентом Венской академии наук. При этом отношении Зрбика к национал-социализму не было свободно от противоречий. Из учебных занятий и частных бесед передавались его критические отзывы об отдельных мероприятиях национал-социалистической политики. Он вступался за преследуемых еврейских коллег из Германии и Голландии. Но всё это не мешало Зрбику активно сотрудничать с властями Германии.

Весомый вклад в содержание исторической науки национал-социалистического периода внес Герман Аубин, который подвел итог ее текущего состояния в первом номере «Немецкого архива государственных и народных исследований». В значительной мере Аубин определил «исследование немецкого движения на Восток», которое было представлено, например, «Историей восточной немецкой колонизации» /1937г./ Р.Кётчке и **В. Эбертом**. Здесь была развита аргументация, заложившая основу для идеологического обоснования немецкой оккупационной политики в Польше. Вместо восточной колонизации или восточных поселений Аубин говорил теперь о «движении на Восток» /*Ostbewegung*/. В обоснование этого «исключительного феномена немецкого эпохального, охватывающего все сферы жизни восточного движения» он положил *«единство восприятия пространства, времени и содержания»*. Миграционное и переселенческое движения с IX по XX столетие описано Аубином с привлечением современной науки, как надисторическое явление. «Можно свидетельствовать о том, что результаты научных исследований на наших глазах формируют народное сознание... Сегодня значение и размах восточного движения у всех на устах», - утверждал Аубин. Кётчке и Эберт сходным образом понимали *Ostbewegung* как «обусловленное политическими переменами и поставленное на службу *нового немецкого народного бытия*» /используемые обороты не случайно наполнялись философским смыслом/.

Но еще в 1921г. Карл Хампе в работе «Поход на Восток» /*Zug nach dem Osten*/ писал о традиции культурного превосходства, на которую опиралась продвигавшаяся на восток немецкая армия во время Первой мировой войны. В 1937г. Аубин использовал и этот мотив, описывая движение на Восток как «требование народной истории». Начало этого движения, лежит даже не в XII столетии, но во *времена* Каролингов или даже в эпохе великого переселения народов, а конец его еще не достигнут, утверждал Аубин. *Пространство*, на которое делаются ссылки, он распространял от Балтийского моря до Адриатики. Согласно Кётчке, переселенческое движение создавало «жизненное пространство», которым овладел немецкий народ в Центральной Европе. Как результат восточной колонизации, существовало замкнутая, заселенная немецким народом область /*Volksgebiet*/ с тремя опорами: от Восточных Альп до Адриатики, от Силезии до Карпат и на Востоке до Финского залива. Государственные границы при этом описании уходили на задний план, уступая место «жизненному пространству немецкого народа».

Содержание восточного движения определялось «анализом культурного состояния на восточном пространстве, принимая во внимание немецкое происхождение». Исходя из постановки вопроса о «народной истории», изучалось «немецкое содержание политических процессов». Этот третий аспект проблемы базировался на центральном тезисе немецкого культуртрегерства в восточных исследованиях, под которым подразумевалось иерархическое преобладание над соседними народами. Восточные соседи рассматривались в этой схеме как малоразвитые. Особенный вес придавался тогда не только важности немецкого влияния, но, прежде всего, его долговечности. Учитывалась средневековая имперская политика, Реформация и национальное движение начала XIX века.

В большинстве исторических публикаций признавалась, как выразился **Фридрих Шнайдер** в 1940г, «правомочность и необходимость имперской политики сегодня» именно в восточном направлении. Таким образом, закрывался пробел в тезисе о *непрерывном* движении на Восток и подтверждалось *постоянство* этого стремления. Рудольф Кётчке увидел в национал-социалистической крестьянской политике, которую усиленно пропагандировал **Вальтер Дарре**, возобновление «поселенческого движения». Он считал эту политику реанимацией оборонительной борьбы на Востоке, создающей «крестьянский вал на восточных границах».

Герман Аубин высказывался сдержаннее. Хотя он ожидал возобновления немецкого «восточного движения», но указал на то, что после 1918г. единство восточного пространства будет легче сохранено через «отделение государства немецкого происхождения» с его готовностью к контактам с восточными соседями. Эта оговорка носила тактический характер. Было бы *преждевременно* требовать «результатирующего напора» из-за различной плотности населения и культурного уровня населяющих это пространство народов, считал Аубин. Он опасался также «паралича и утраты восточного пространства» через действия большевистской России. – Пока не были прояснены планы немецкого руководства в отношении Советского Союза, серьезные историки предпочитали проявлять осторожность в оценках будущих действий.

Ранний представитель восточноевропейских исследований Альберт Бракманн считал тогда единственно верным путем изучение «пограничных марок /областей/ немецкой народности на Востоке. Вильгельм Энгель в программной статье требовал от медиевистики интенсивной работы с Ганзой и в целом с Востоком, заявляя, что «именно на Востоке требуются беременные будущим согласованные действия, а также глубокое и тщательное исследование всего, что касается немецкой крови, немецкого народа и немецкого государства на этом направлении».

Подобные задачи ставили перед собой серьезные историки – Фриц Рёрих /Rörig/ и Эрих Машке. До сих пользующийся высокой научной репутацией историк Ганзы (2) Ф.Рёрих исходил из понятия «народности», искусно сопрягая традиционные детальные исследования с национал-социалистическими понятиями. Он строил свою теорию на допущении, что уже в XIII столетии

существовал сплоченно действующий народ и утверждал, что Ганза должна быть понята как «экономический союз на кровнородственном базисе, который нужно было поставить на службу немецкой народности /Volkstum/». С 1933г. Рёрих подчеркивал, что восточная колонизация и Ганза, как составная часть этого процесса, национально мотивированы и основывались на Volkstum. он, в отличие от других авторов NS-публикаций /например, Э.Машке/, с их апологией крестьянства и активных предпринимателей, отрицал примат экономики, как движущей силы Ганзы. Рёрих утверждал, что «мощная ударная сила экономической воли опиралась и основывалась на ее связи с кровью и народностью», называя это «делом немецких людей». Но он не развивал эту мысль до степени преобладания расовых свойств немцев над соседними народами.

Однако йенский историк Машке решительнее и последовательней Рёриха вводил в объяснение процессов экспансии мотив «Blut und Boden». Он понимал Volkstum строго биологически, связав его с расовыми представлениями. Машке представлял восточную экспансию как «рост немецкого народного организма», в поисках подходящего ему жизненного пространства. Только «фёлькиш расовый фундамент», согласно Машке, поддерживал стабильность немецкого влияния. Требование немецкого руководства и регулирующего порядка в «соответствующем пространстве» связано у него с «различием людей на основе их расовой квалификации». Эрих Машке был непосредственно втянут в национал-социалистическую пропагандистскую деятельность. Его статьи о «пространстве Балтийского моря» /Ostseeraum/ прямо служили подготовке аннексии Мёмеля в феврале 1939г.

Группа историков пропагандировала агрессивные цели в рамках сборников о «немецком Востоке». Эту работу выполняли: О.Хётч, Г.Аубин, Курт фон Роймер и Эрих Машке. Уже в 1936г. публикации доказывали необходимость «нового порядка для немецкого Востока» и определения новых границ через понятие «жизненного пространства» с опорой на расовую иерархию народов. - Историки призывали к совместной работе с немецкими фольксгруппами. Показательными были дебаты Ф.Рёриха с национал-социалистическим публицистом **Вебером-Крозе** /Weber-Krohse/. Скупко используя геополитическую аргументацию, Рёрих требовал ясного применения народнического мышления во внешней политике: «Народность, только народность могла бы представить непреодолимую аргументацию в отношении наших важнейших пограничных задач». Но уже тогда Вебер-Крозе оправдывал захват /Zugriff/ стран «жизненной необходимостью», исходя из геополитических причин. Осуждая пространственное мышление публициста, Рёрих в то время чувствовал себя в согласии с Гитлером. Но в сороковые годы он пересмотрел свой взгляд, и теперь «великопространственная экономика» обосновывалась им исторически. – Однако и геополитическая, и народническая аргументация дополняли друг друга в обосновании планов немецкого руководства.

Если на Востоке фёлькиш-мышление и связь науки с ревизионистской политикой играли ведущую роль, то это в значительно меньшей степени относилось к Западу. Здесь руководствовались традиционным суждением о Фран-

ции, как «заклятом враге» Германии. Тенденции фёлькиш, напротив, едва были приняты во внимание. Прежде всего, здесь был принят подход, по которому история страны и «народная история» отмежевывались от политической истории, как ее представлял, например, Й.Халлер. Традиционное обвинение в агрессивности французской внешней политики дополнялось, как сказано в годовом отчете, - «деятельной силой сопротивления немецкой стороны». «Рейнская ежеквартальная газета» констатировала, что если ранее исследовалось французское продвижение, то «теперь появилась необходимость зафиксировать общий объем проблемы Запада, в котором область между границей Рейха с 925г. и Рейном составляла одно целое». Таким образом подготавливалось обоснование для будущей агрессии против Франции.

Персонально новая тенденция в работе с Западом была воплощена с особой ясностью у Франца Штайнбаха и Франца Петри. Штайнбах работал в основанном в 1920г. Боннском институте исторических исследований Рейнланда, которым он руководил с 1926г. Этот Институт с середины 20-х годов значительно активизировал исследование истории Германии, вызвав усиление междисциплинарной деятельности. Одновременно центр тяжести исследования был перенесен с государства на народ с включением «расовых и пространственных» факторов. Наряду с Боннским институтом в западногерманском научном сообществе действовал «Немецкий архив исследования народа и страны». В его первом выпуске появились важные статьи Штайнбаха о Западе и Аубина о «Восточном движении». Обе эти структуры добились важных научных результатов в области археологических исследований, анализе немецких поселений в Северной Галлии и в проблеме выравнивания постепенно возникшего немецко-французского языкового барьера. С другой стороны, эти солидные научные тезисы совпадали с актуальными политическими интересами Германии.

Штайнбах и Петри рассматривали свою работу как часть «народной истории». Их целью было обоснование преимущества народных интересов перед политическими силами. Важным для них было перемещение европейского центра власти сначала от Средиземного моря в бассейн Сены /V-VI вв./, затем при Каролингах - в область Рейна, как и разрушение Французского Рейха. Как установили Штайнбах и Петри в подводящих фундамент под их взгляды подробных публикациях 1937г., образование этого Рейха не могло быть работой покоренных местных правителей /королей/. Оно могло иметь успех лишь «на базе широкого германского заселения в Северной Галлии». Германские поселения и последующее «мощное народное объединение породили немецкую народную почву», - доказывали ученые. - Это распространение на запад «вплоть до места первоначального расположения германского мира /Germanentum/ по отношению к романскому, подтверждено в языковом и культурном отношении». Как и в восточных исследованиях, здесь также утверждалось образование «немецкой почвы» через германские поселения, которые доходили до существовавших немецких границ.

Во всех публикациях, освещавших этот древний период, излагалась идентификация господствующих групп с германцами и перманентная борьба /Völkischer Kampf/, завершившаяся единством германских и германизированных романских групп. Языковая же граница обозначалась в военной терминологии как «твердая позиция защиты германской общности». В заключение указывалось на «опасную притягательную силу Запада и Юга». - «Прогрессирующее романизирование на Западе означало историческое разложение и безграничное одичание сторон и старых культурных форм», - заключали исследователи, возвращаясь к XX столетию. – К этим оценкам следует добавить, что вопреки утверждениям буржуазных историков, указывающих на недостаточную численность немецкого населения для руководства этими территориями, решающее значение имело их значительное духовное и культурное преобладание над местным населением, - то, что Лев Гумилев во второй половине XX века называл «пассионарностью».

Характерно присутствие расовой аргументации в исследованиях Штайнбаха и Петри. В «Руководстве по немецкой истории» Франц Штайнбах писал: «За господством и культурой стояли расы и народность – явления, которым до сих пор уделяли лишь второстепенное значение». Историк все же предостерегал от преувеличений на этом направлении. Но если в 20-е годы он дистанцировался от расовой теории, то впоследствии историк оценивал победу над маврами в 732г. как спасение от «наплыва враждебных Западу азиатских расовых и культурных форм» /удивительная переключка с судьбой Западной Европы в последней трети XX веке! – И.Б./ В связи с этим он напоминал о результатах силовой политики Карла Великого, сожалея о «потере крови нордической расы». По-другому рассуждал Адольф Хельбок. Относительно западной границы он ссылаясь на Штайнбаха, но в его объяснении расы, порода и отбор не стали, однако, несущими понятиями. Выше было указано, что в сообществе историков чисто биологическое объяснение применялось реже, чем основанное на исторически действующих факторах - Volkstum и сопряженному с ним государству, например, у М.Х. Бёма.

В аргументации Петри по результатам «расового исследования» основанием для расширения германских поселений служила «нордическая расовая граница». «Повсюду в германской истории», - рассуждал Петри, - «фёлькиш-массовое переселение производило биологическое сырье для государственного строительства – основополагающий фактор для народной истории. Но лишь крупные культурные течения, зависевшие от постоянных факторов, например, от особенностей пространства и решающих политических связей в мировой истории, определяли конкретную форму, которую населенная германцами область принимала затем на длительное время». На Западе, как и на Востоке, писал он, «основополагающее бытие нашего народа с помощью поселений определялось в длинных языково-культурных циклах».

Цитированные работы показали возможность проведения серьезных научных исследований в постановке проблем и центральных понятий в системе мышления, где доказывалось преимущественное значение Volkstum и посе-

лений сравнительно с политическими процессами. Здесь история была представлена в национал-социалистической и социал-дарвинистской перспективе немецко-французской «борьбы народов» в категориях борьбы, разрушения и самоутверждения. При определении научной значимости этих работ необходимо учитывать возможность их применения во внешней политике тридцатых и военных лет. Научные достижения историков национал-социалистического периода включали ряд субъективных моментов и спорных истин, от которых не свободна ни одна гуманитарная наука. Политические расчеты и их последствия всегда были составной частью исторических обобщений. Описание прошлого у самых солидных историков определялось конечной целью, поставленной исследователем.

Влияние политического контекста подчеркивал Штайнбах. Растущее значение требований «народной истории» боннский ученый представлял в виде «осознанных народных предпосылок политических событий». Объясняя события XIV и XV столетий как «французский натиск на германскую почву», он предоставлял возможность читателю проводить актуальные параллели с современностью. Франц Петри прямо воспламенялся, описывая народную борьбу вокруг пограничного германского сообщества. Ранее Мартин Шпанн описывал подобную ситуацию.

Учение о борьбе всегда находящейся под угрозой немецкой народности, утверждение о том, что Нидерланды, Фландрия и часть Франции блокировали германский народный организм и что германская «раса» наложила длительный отпечаток на северофранцузское население, - всё это отстаивал Ф.Петри, подчеркивая, что языковая граница являлась границей поселений, а не просто «культурной равновесной линией». Он писал: «Мы тогда имели право больше не пребывать в неподвижности, в однажды достигнутом становлении, но должны были, в противовес вечной изменчивости и непостоянству, добиться гарантии будущей устойчивости на долгие времена». Петри настаивал на том, что «народная граница и граница Рейха в будущем должны находиться в непосредственной связи друг с другом».

В октябре 1939г. он распространил свои аргументы на восточное направление. «Немецкое государственное руководство сегодня /как в войне против Польши/ заботилось о том, чтобы хаос в национальных отношениях на немецко-славянском пограничном пространстве отныне был заменен порядком, который оправдал себя в германо-романском пограничье в течение тысячи лет». Через несколько месяцев Петри оправдывал «новый порядок на Западе» и подчинение западных соседей «германизированной Европе». К этому времени наметилось различие в оценке романских элементов во Франции и в Италии, ставшей близким союзником Германии. Ссылаясь на Леопольда фон Ранке, Ф.Петри утверждал, что «существование Европы покоится на тесном единстве германо-романских народов».

В середине 1938г. Франц Штайнбах опубликовал работу, где в отличие от прежних публикаций сконцентрировался на подтверждении различных общественных связей между Германией и Францией. Уже после оккупации

Рейнской области и расторжения Локарнского договора началась кампания агитации на Запад со сменой акцентов. Еще в 1935-36гг. историческое сообщество сформулировало согласованные предложения к Франции, актуальные с точки зрения немецкой внешней политики. В апреле 1936г. Эрех Машке описал немецко-французскую историю как «отношение двух соседей в европейском сообществе народов» и часть истории Западной Европы», но также и как конфликт постоянно агрессивной Франции с обороняющейся Германией. Тогда он потребовал от Франции самоограничения. Машке заявил, что её нацеленное на гегемонию в Европе понятие о новой системе европейской безопасности утратило свой базис, так как Франция больше не могла использовать немецкую разобщенность.

Герман Хаймпель также потребовал в июльском докладе 1939г. нормализации немецко-французских отношений. Он объявил о своей персональной тесной привязанности к Франции, которую обосновал общностью происхождения от Французского Рейха /Frankreich – старое название французской части Первого Рейха. Так немцы называют и современную Францию – И.Б./ Ситуация могла привести к конфликту в «борьбе за Рейх», но «благородный отказ от немецкого реванша», как назвал Хаймпель тактический отказ Гитлера от территориальных требований к Франции, подвел черту под этим конфликтом. – Здесь историк предостерегал Францию против вмешательства перед лицом прогрессирующей немецкой экспансии на Восток /«одно всегда необходимее другого», как говорил Ницше/.

Три рассмотренные концепции исторического развития в 30-е годы представляли общенемецкую трактовку истории Генрихом фон Зрбиком, целостный обзор немецкого «восточного движения» и народно-историческое представление о западной границе и процессе ее устроения. Все они ссылались на народ и «народное понимание» истории. Содержание этих понятий не было унифицировано, но их практическое значение для текущей немецкой политики не подвергалось сомнению. Это был случай ясного оформления политических требований, но также хранивший потенцию к дальнейшему уточнению категорий в системе исторического мышления того времени.

Немецкому народу придавали особенные качества в доказательстве преимущества народности пред политическими силами в исторических процессах. – Теоретически подобная трактовка неопровержима средствами науки, перемена же системы мышления далеко не всегда подтверждается результатами практики. Так, либеральные представления XXI века о национальных процессах в европейском пространстве с их фальшивым «мультикультурализмом» и лживой «политкорректностью», противоречат естественным потребностям европейских народов гораздо сильнее, чем в немецких теориях 30-х годов прошлого столетия.

В понятии народа как «особенной сущности», «органической цельности» «созидательной силы» и «формирующегося тела», в призыве Volkstum против «иностранный засилья», содержится допущение о надисторической общности народа, как организма, которому соответствует определенный «закон жизни»,

и утверждается превосходство и высокая стабильность *völkischer*-силы перед культурно-политическим единством. Сфера исследования национального государства распространилась на «народную почву» или исторически установленные границы «культурного пространства». Однажды возникшее народное поселение превысило значение действующих политических структур. Связь силы и долговечности *Volkstum* теперь могла быть обоснована на биологической почве. Гипотеза о жизненном пространстве имела неясные границы между народнической концепцией и «*Blut und Boden*».

Однако в исторической науке преобладала тенденция, базирующаяся на историческом и культурном единстве народа, хотя «раса» и «кровь» рассматривались как важные факторы. Отличие и сходство в переходной области от народнической к расово-теоретической концепции прояснились в докладе Курта фон Раумера /Кайзерслаутерн, 1938г./. В понимании истории, заявил он, используя выражение Рейнхарда Виттрама, происходит «коперниковский поворот от государственной к народной истории. Народ должен рассматриваться как политически отправной и направляющий пункт, в котором его фундаментом является раса... К этому мы должны всегда возвращаться. Без этого не будет обновления».

В дискуссии с Хельбоком и Кейзером, фон Раумер всё же предостерегал от пренебрежения к политике и государству. Без государства и политического руководства народ не представим, тогда он превращается «так сказать, в подобие бездействующего народа, в искусственный народ», говорил историк. - «Его роль должна быть динамически выявлена. Народ представляет собой важнейший пахотный слой, которым занимается народная история, изучая биологические, духовные и социальные изменения народного организма, от здоровья которого зависит всё дальнейшее. Из его толщи выходят личности, во многих случаях – аристократическое меньшинство, которое должно сознавать, что народ дает им возможность формировать вождей». Таким образом, народническая и расовая концепции мирно уживались в трактовке Курта фон Раумера, так как это явно не мешало достигать ожидаемых научных результатов.

Уже Ганс Ротфельс писал: «Когда мы спрашиваем, как и почему происходит различие народов в ранге, каким образом, например, немецкий народ стал историческим народом, тогда как многие другие ведут более или менее бездумное существование, то это происходит, потому что всегда снова и снова зарождаются героические действия, затем затихают, но потом вновь проявляются, так как в борьбе они находят новое применение. Из нордическо-германских наследственных сил народа, из каких-то высот, через полученные от него указания осуществляется народная идея, и таким образом, достигается вечная ценность этой борьбы». У кёнигсбергских последователей Ротфельса отмечен тот же радикализм во взглядах на «борьбу народностей».

Уже в 20-е годы авторитетные ученые серьезно воспринимали возрастающий вес науки о расах /Фриц Керн, А Картелльери (*Cartellieri*)/. Исследователи расизма ссылались на антисемитские высказывания евреев К.Маркса и

Лассаля. В ряд с К.А.фон Мюллером стали влиятельные университетские историки, предоставившие себя в распоряжение отдела по изучению еврейского вопроса Рейхсинститута В.Франка. Так, Рихард Фестер опубликовал в ряде институтских выпусков воинственные антисемитские работы, рекомендуя отстранить евреев от участия в общественной жизни.

Придание законности немецкой экспансии на основе превосходства германской расы постулировали такие историки как А.ф.Мюллер и Е.Бранденбург – бывший «разумный республиканец», широко использовавший расистские и антисемитские доводы. Эрих Машке и Курт фон Раумер ссылались на различные расовые свойства и особую «наследственную силу» для придания законности немецкому праву руководства народами. Обширные исторические описания в издаваемом с 1935г. **Кнауrom** «Справочнике по немецкой истории» дополнялись сообщениями о «пространственно-политическом фундаменте истории» и оценками германской предыстории, которые подчеркивали значение расовой теории. В то же время известные историки игнорировали представления о европейской истории, как «расовой судьбе».

Попытки обрисовать контуры биологического понимания предпринимали историки древности – Фриц Шахермейер, лейпцигский последователь Рудольфа Кётчке Адольф Хельбок, Эрих Кейзер, преподаватель Высшей школы подготовки учителей в Дармштадте **Густав Пауль**. Издатель «Прошлого и современности» добивался сделать выпуски своего сборника удобными для использования преподавателями истории в духе ее нового истолкования Паулем, Хельбоком, **Паулем Шмитхенером** /Schmitthenner/, Г.Фрейером, Кремером и Г.Штейнакером. Для национал-социалистов, подобных Хельбоку, была неприемлема картина истории, в которой не задавали бы тон «возвышенные идеалы крови и почвы».

В национал-социалистической трактовке исторический процесс понимался в целом как сумма героических действий биологически высокоценных лиц /Menschen/ и как последовательность процессов отбора и выращивания этих личностей. Г.Пауль поставил в центр истории «нордическую расу», подобную германцам, как «расово-биологически высокоценный, солдатский, превосходный человеческий материал». А.Хельбок добавил к понятию «унтерменша» требование «недопущение к отбору низших видов». Э.Кейзер поддерживал национал-социалистическую политику, представляя ее «научным вызовом», и указывал на высокое значение народной истории. Исследование «народного вида» /Volksart/, как исторически определенного фактора, должно было стать неотложной задачей исторической науки. «Воля к очищению немецкого народа от нежелательных расовых элементов и улучшение «породы» через продвижение высокоценных расовых групп, побуждает ученых к народному исследованию» /Volksforschung/, - писал Кейзер. Оба ученых - Хельбок, и Кейзер не были аутсайдерами, но авторитетными представителями исторической науки.

«Народная история Германии» в интерпретации этих историков обосновывала *исключение*, прежде всего, евреев из немецкого народа. Она критиковала христианство и церковь за пренебрежение к расовому отбору и смешение разнородных групп населения. Кейзер осуждал пополнение населения Словении и Польши и заселение Рейнланда «бастардами негров» /имелись в виду метисы из французских колоний – И.Б./. Он указывал, что между 1830 и 1930гг. «малоценные группы» на окраинах Европы значительно возросли, что создало опасность немецкого перерождения, против чего национал-социализм в первую очередь должен принять меры. Кейзер надеялся на будущее освобождение Германии от «враждебного кровосмешения» /не эту ли опасность ощутили власти ФРГ, принимая меры против иммиграции из Африки и Азии в первое десятилетие XXI века?! – И.Б./. Реформацию Кейзер представлял как реакцию нордической души против Рима, Тридцатилетнюю войну объяснял осмысленным процессом вытеснения слабых /ими тогда оказались немцы/, а особенность «происхождения» Гитлера выводил из новой ситуации, сложившейся в XI веке, через противоборство и отбор сильнейших до настоящего времени.

Уже в 30-е годы в историческом сообществе были сформулированы внешнеполитические требования Германии. «Сознание немецкой народности стало определять границы Германии. Между немецким пространством и немецким Рейхом необходимо вновь восстановить единство», - призывал Кейзер. Право на восстановление нового германского Рейха, «безразлично дипломатическими средствами или путем завоеваний», обосновано Хельбоком в духе «Blut und Boden» немецкой поселенческой экспансией, например, во Франции. Это, согласно Хельбоку, дает немцам «неотчуждаемое право на эту землю, как и в Южном Тироле, дважды отходившем к славянскому Востоку». «Из сердца Германии дважды исходило движение, обновлявшее Европу, сначала индогерманское, затем немецкое. Временный интервал между обоими движениями составил около двух тысяч лет. Этот период завершился, когда германцы принесли новую кровь и культуру, выйдя в мир из ограниченного немецкого пространства. Сегодня пробудился дух для героических действий, для чести, для чувства солидарности, для охраны ценной крови от случайностей. То, что оправдалось за тысячелетия, снова должно вступить в действие: немецкая сущность оздоровит мир», - писал Хельбок в 1937г.

Исторический конгресс 1937г. в Эрфурте отразил влияние Рейхсинститута истории новой Германии В.Франка. Здесь прозвучало требование сформировать новое истолкование истории в национал-социалистическом духе с ясно акцентированным расовым элементом. Эту роль выполняла статья о «германской непрерывности» в историческом действии, антисемитский реферат **В.Грауза** /W.Graus/ и агрессивный, экспансионистский доклад Клео Плейера. Вместе с Хельбоком этот видный представитель расового компонента в толковании истории работал у М.Х.Бёма и с 1937г. был профессором в Кёнигсберге. «Восточноевропейское пространство от Финского залива до Адриатики и Эгейского моря подчиняется немецкой Центральной Европе», - заявил Плей-

ер в Эрфурте. Удивительно откровенным для 1937г. был его призыв к немецкой борьбе против польского и чешского влияния, которую он представил как «самоутверждение и безусловно необходимую функцию создающего историю народа». «Высокая форма пограничной борьбы есть война... Решающей силой в этой борьбе должна быть биологическая мощь народа», - сказал Плейер. Он предостерег против «смещения крови на Востоке, приведшего сегодня к объединению разнородных расовых сил».

Как представитель Рейхсинститута, в Эрфурте сделал доклад о Центральной Европе также Вильгельм Шюслер. Он опирался на аргументацию Ротфельса и, прежде всего, - Зрбика, но отказался от расового обострения, которое проводил Плейер. Шюслер категорично признал себя сторонником национал-социализма и воплощения нового порядка в Центральной Европе, оперируя такими категориями, как «органическое понятие народа», «окончательный формообразующий принцип», и «миссия против варварства» на Востоке. Он взял под сомнение тот факт, что существование национал-социалистического государства в Центре Европы требовало *откровенного* признания права на господство на континенте. В то же время Шюслер утверждал, что «полюбовные уговоры недостаточны для достижения этой цели», и что вся мировая система власти уже в 1937г. приняла открыто угрожающий /для Германии/ характер.

Во второй половине 30-х годов толкование исторического процесса в соответствии с идеологией национал-социализма, включая биологический подход, находило растущий отклик в сообществе историков. Так, Хельбок применял закон Менделя к человеческой истории. Подобные взгляды развивал Плейер. Но до 40-х годов согласованная концепция расового понимания истории не была разработана. Видный идеолог НСДАП Вальтер Гросс только в 1943г. применил понятие расы в методологии истории. Вероятно это было вызвано затруднением в приложении понятия расы к историческому процессу, но также – незначительной потребностью в подобной официальной линии !/!. В подавляющем большинстве случаев биологическое истолкование истории учеными, в целом принимавшими идеологию национал-социализма, не составляло главную линию в их гипотезах.

Однако это не мешало многим авторитетным историкам выражать радикальные взгляды. В носившем официальный характер сборнике «Основания, строительство и экономический порядок национал-социалистического государства» с участием широкого круга авторов, статьи национал-социалистов В.Хоппе и Э.Ботценхарта о немецкой истории прославляли экспансию, особенно на Восток, и были отмечены антисемитским тоном. С агрессивной позицией в отношении церкви и папства, прославлением Генриха I и Генриха Льва, диффамацией Веймарской республики, как «господства еврейства» /Judentum/ их статьи не были образцами явно биологического отражения истории.

Также работы авторитетных ученых – Александра фон Мюллера, Рудольфа Кремера и **Фридриха Штиве** /Stieve/, в которых была представлена национал-социалистическая картина истории, базировались скорее на агрес-

сивном варианте националистической идеологии и геополитических постулатах, чем на расовых категориях. Еще в 1933г. фон Мюллер опубликовал «Очерки немецкого характера», где доказывал, что немецкая история через различие народности и расы должна проявить творческую силу для реализации в будущем того, что государственной властью не было достигнуто в прошлые времена. Историк объяснял это слабостью немецкого характера: «Немецкая история есть проекция немецкого характера в историческом ходе событий».

Для сочинений ученика Ротфельса, кёнигсбергского, а затем берлинского доцента Рудольфа Кремера был характерен синтез гипотезы «народ и пространство», центральноевропейской рейхсидеи, а также духовно-исторических и антисемитских элементов. Экспансионистские требования опирались у него, прежде всего, на фёлькиш-гипотезу и на утверждение о предназначении немецкого народа к руководству и народному порядку. Так Кремер обосновывал «право немецкой народной общности в других государствах», включая малые немецкие группы во враждебных странах /«языковые анклав германства»/.

После 1937г. в рамках волонтаристской /с включением антисемитизма/, но не биологической картины истории громко звучали набиравшие силу с 1934г. требования о необходимости реализовать потребность в увеличении народного пространства и общества, исходя из тесноты существующих границ и ограниченном суверенитете. Фашистские концепции во второй половине 30-х годов отличались разнообразием. Попытки толкования истории, связанные с идеологическими и политическими целями национал-социализма, с разным успехом предпринимали Кремер, Шюслер, Хельбок и фон Мюллер и другие историки. Вес элементов расизма в научно-исторических публикациях был различен. Политически полезнее для государства оказались трактовки истории, в которых народ, государственная власть и действие были взаимосвязаны, а раса тактично сочеталась с этими понятиями.

Публикации Ф.Штыве, в центре которых стояли категории «народ» и «пространство», нашли широкое хождение в Германии, а также использовались в университетах. По композиции и структуре они напоминали образцово исполненные после 1933г. работы Йоханнеса Халлера с властно-государственной интерпретацией истории, полемически направленные против расово-теоретических и германоцентристских утверждений /!/, и распространявшиеся тысячами тиражами в специальных выпусках для Вермахта. Эти публикации с обоснованием требований господства в Европе сохраняли в ядре содержание, совпадающее с традиционной национал-социалистической картиной истории, и потому использовались властями.

Когда в марте 1935г. национал-социалистическое государство ввело всеобщую воинскую повинность, а год спустя немецкие войска промаршировали в демилитаризованную зону на Рейне, это приветствовалось в историческом сообществе как восстановление само собой разумеющегося права, необходимого для независимого состояния государства. Согласно Аубину, «естествен-

ная обороноспособность нашего народа», достигнутая через всеобщую воинскую повинность, «достигла полновесного состояния». На дистанцировавшихся от национал-социалистического радикализма историков – Г.Риттера и С.А.Каелера эти действия произвели неизгладимое впечатление. Каелер заявил в 1937г.: «Непоколебимой энергии фюрера и рейхсканцлера немецкий народ обязан восстановлением высокой обороноспособности, как и аннулированием Версальского договора».

В августе 1936г. Риттер в издаваемом военным министерством «Военно-научном обозрении» хвалил «крупные результаты оборонной политики: восстановление немецкого военного состояния на нашей западной границе... Теперь традиция обороняющегося народа была восстановлена». В феврале 1937г. он прославлял национал-социалистический строй, как «истинно народное государство». Риттер говорил о событиях, которые «наполняют наше сердце новыми надеждами», о «внезапном подъеме из глубокого унижения, который может стать началом нового высокого и прекрасного времени».

Оценки Герхарда Риттера и Фрица Хартунга показали, что удовлетворенность организацией военной повинности и высокой обороноспособностью, а также внешнеполитическими успехами государства охватила в это время широкий круг историков – всех без исключения *патриотически настроенных* ученых Германии. Перспективу форсированной подготовки «тотальной войны» критически воспринимали немногие, поскольку она рассматривалась как ответ на возможную угрозу со стороны англо-саксонских стран и Франции. Ф.Хартунг полемизировал в «Историческом журнале» /1936г./ с новым главой кафедры военной истории и военных наук Паулем Шмиттхеннером, предостерегая на опасность «чересчур резкого требования народных усилий для военных целей». – Как часть «военной науки», параллельно с процессом вооружения в высших школах форсировалась институционализация «военной истории». Шмиттхеннер видел в этом «инструмент оборонного воспитания нашего народа и служения национал-социалистическому мировоззрению».

Хартунг критиковал не сам этот предмет, но то, что он считал пренебрежительным отношением к научной серьезности на службе «оборонно-политического воспитания». Его взгляды отличались также от позиции берлинского историка **Герхарда Остриха** /Oestreich/, защищавшего войну и утверждавшего *единство политического и военного* в «государстве Фюрера». С началом мировой войны Хартунг признал тотальную войну как факт, но в 1939г. предостерегал Остриха и **Эрнста Рудольфа Хубера**, что не война, но мир должен рассматриваться как нормальное состояние, а армия должна быть средством для этого.

Таким образом, политика вооружения, ремилитаризация Рейнланда и связанное с этим расторжение Локарнского договора нашло в 1935-37гг. широкую поддержку в историческом сообществе, которое рассматривало военную силу как безотказное средство и приветствовало разрыв версальских положений. Как тесно были связаны эти меры с форсированной подготовкой

немецкого общества к «тотальной войне», - об этом предпочитали не рассуждать раньше времени. Следовавшие одна за другой победы уничтожали тогда все сомнения. В 1936г., когда были преодолены ограничения в вооружениях по Версальскому договору, Немецкий Рейх продемонстрировал, что он действует односторонне, не обращая внимания на риск военной конфронтации, намереваясь и дальше идти в этом направлении. Германия вновь была признана великой державой, а Франция проявила явную слабость. В мировой политике было мало случаев, когда победоносная держава отступала на полпути.

Сложившаяся ситуация побудила Германию изменить последовательность действий. Между 1936 и 1938гг. была проведена массированная антикоммунистическая кампания. Новое властно-политическое самосознание отразилось в публикациях историков второй половины 30-х годов. Происходило изменение научной парадигмы, отразившее общее ожидание государственно-политических изменений в Европе. В 1937г. Зрбик открыто встал на защиту программы нового порядка в Центральной Европе и подчинения центрально-европейских народов. В том же году на Эрфуртском конгрессе историков Плейер и Шюслер призывали к организации экспансии на Восток. С новым самосознанием утверждалось «различие в рангах народов» /Раумер/, и выделялось особое историческое значение немецкого народа. Стратегические дебаты о будущих европейских отношениях, снова в значительной степени определяемых Германией, отразились в контрверсии о Центральной Европе или национальном государстве. Первую отстаивал Генрих фон Зрбик, вторую – Бранденбург/Хартунг. Пространственно-политическое обоснование экспансии было представлено Вебером-Крозе, фёлькиш-идея – Фрицем Рёрихом.

Сразу после вступления немецких войск в демилитаризованную зону Рейнланда ряд историков, наряду с представителями Вермахта, высказались по поводу 200-летия смерти Принца Евгения Савойского /принца Ойгена/ (3). С его личностью были связаны актуальные проблемы: связь Австрии с Рейхом и борьба на два фронта – безопасность границы на Рейне и экспансия на Восток. Крупный полководец XVII-XVIII веков Принц Ойген прославлялся как «создатель сознательно руководимой в немецком духе Центральной Европы» и «хранитель Рейха, чей вечно обязывающий последний завет немецкой нации еще должен быть выполнен».

Во второй половине 30-х годов в национал-социалистической пропаганде, а также в публикациях ряда историков выражалась готовность к переговорам с Францией, от которой, однако, требовали согласия с немецкой внешней политикой. При этом подчеркивалась западноевропейская общность интересов в конфронтации с большевизмом. Это происходило в 1936г. на политическом фоне строительства «Оси» /Германия, Италия, а затем Япония/. В ряду других мер Антикоминтерновский пакт /1936-37/ и гражданская война в Испании должны были успокоить западные страны в отношении их безопасности.

Многократно повторяющаяся тема тогда была – «Европа против Азии». В оценке «Ежегодных сообщений» /«Jahresberichte», 1937г./: «Немецкая политика из внутренних рамок перешла к выполнению намеченных европейских

задач. Принципы народного государственного порядка, руководствующиеся западноевропейским понятием человечества, нашли свое политическое воплощение и противостояли азиатскому большевизму требованием нового строительства европейской семьи народов». В публикациях Альфреда Розенберга и Эриха Бранденбурга это было представлено как «растущее участие всех европейских народов в решении совместных проблем, связанных с их прошлым».

Лейпцигский профессор Бранденбург, ушедший на пенсию франкфуртский историк **Георг Кюнцель** и молодой доцент из Франкфурта **Ульрих Ноак** /Noack/ на разной теоретической базе характеризовали ситуацию второй половины 30-х годов, как мировой политической перелом при подобающем Германии руководящем положении в единстве европейских народов. Только так гарантировалась перспектива ведущей роли Европы и «белой расы» в мире, решающего ужесточения фронтового противостояния с большевизмом Советского Союза и успехов антиколониального движения против господства «старых» держав.

«Этику, регулиующую освобождение и характеризующую расовое деление земной сферы в древней области Европы» Ноак объявил «новым принципом пространственного порядка мира». В последние десятилетия, по Бранденбургу, образовалось охватывающее весь мир сплетение интересов нового типа. Произошло объединение культурных кругов в новое единство, проявляющееся в борьбе. «Мы не должны удивляться тому, что сегодня в центре внимания стоит развертывание борьбы народов с ее распространением и резкостью, которых еще никогда не было», - писал Бранденбург. Мир должен быть сохранен, считал Бранденбург, не из-за его полезности, но потому что существует «этический постулат, гласящий, что земля должна принадлежать духовно и физически сильнейшим народам и что слабейшие должны уступить». Такие народы, по его мнению, есть теперь только в Западной Европе, и они должны быть объединены в ожидании «борьбы с цветными расами», чтобы сохранить господство белых на континенте. – Этому единству угрожает «отчужденность высоких колониальных властей от старой культурной общности».

Вновь и вновь Бранденбург применял расовые критерии: когда называл прием цветных во французскую армию или их возможную женитьбу на француженках, как предательство Европы, и когда квалифицировал интеграцию евреев в европейское общество, как опасность для дальнейшего развития европейской культуры, соответствовавшей преобладающему типу населения. Россию, «накладывающую отпечаток монгольской, татарской и азиатской крови», *Эрих Бранденбург* исключал из границ Европы. В советско-французском союзе 1935г. он видел «измену» Европе.

Подобным же образом мыслил *Г.Кюнцель*. Этот союз, по его мнению, имел «прямо катастрофическое значение для здоровья Европы». – Тогда создалась переломная ситуация, которая влекла необходимость реставрировать систему европейских государств, чтобы сохранить мировое значение Европы.

Для Кьютцеля ориентиром служила «система Великой Державы» Ранке. - Разрыв с Версалем подчеркнул ведущую государственную роль Германии и должен был символизировать конец французских притязаний на господство. «Свобода от Версаля, от хаоса, который он принес на континент, укрепит положение Европы и белой расы в мире и снимет ощутимые, тяжелые барьеры», - утверждал Кьютцель. – Актуализируя Ранке, он писал о России: «В то время как противостоящие Германии силы борются на переднем фронте Востока, должно быть достигнуто европейское национальное и народное обновление, которое обретет планетарное значение».

Бранденбург предостерегал против недооценки гражданской войны в Испании: «Европейской культуре угрожает опасность тысячелетия. Речь идет о том, будет ли здесь, на древнем европейском культурном теле образована азиатская колония... Здесь и вдоль восточной границы, от Балтийского до Черного моря Европа должна обороняться от азиатской России». Ноак требовал установить «защитный кордон для устранения большевистской чумы... Система России есть хаос, ее суть – отсутствие структуры».

Гарантом защиты от опасности, угрожавшей европейскому единству, для этих трех историков был национал-социализм. «Мы видим», - утверждал Бранденбург в своей книге, - «симптом осознания и выздоровления в укреплении идеи народной общности и расового единства у отдельных народов; стремление к объединению политических и научных сил под единым руководством, начавшееся, однако, еще очень медленно распространяющееся убеждение, что общее состояние народов европейского происхождения и культуры против цветных есть важный вопрос будущего». По его мнению, /1937г./, Европа не должна быть единым государством, но политически унифицированным союзом, в котором ее народы в какой-либо форме должны принимать в расчет новые идеи народного единства и политического руководства».

Центральноевропейской концепции Зрбика Бранденбург противопоставил идею защиты национального государства, но потребовал внутреннего приспособления других стран к национал-социализму. Одновременно он советовал избегать надежды на внутренние процессы фашизации в европейских государствах и на их насильственное подчинение но, прежде всего, предостерегал против войны с Англией. Позднее с этим соглашался Ноак, уже на Мюнхенской конференции 1938г. рассчитывая на взаимопонимание с этой страной. Идея абсолютного центральноевропейского господства не находила широкой поддержки научного сообщества. Зато с пристрастием обсуждалась колониальная проблема. В Азии, неограниченное подчинение которой Бранденбург считал нереальным, народы должны привлекать принадлежность к Великому Рейху, но в Африке необходимо осуществить европейское господство считал он. Историк мечтал о долгосрочной перспективе «солидарности белой расы», включая австралийцев, американцев и южноафриканцев /господствующий слой буров/, против угрозы со стороны черной и желтой рас.

«Новый порядок» в Европе и мире, дебатировавшийся после большой победы 1940г., публично обсуждался уже между 1936 и 1939 годами. Полити-

ческие дебаты велись вокруг возможности осуществления и ценности стратегических планов Германии. Спор Бранденбурга и Зрбика вокруг работы «Немецкое единство» выявил диссонанс между преимущественной точкой зрения о центральноевропейской гегемонии Германии, включающей возможность конфликта с соседними государствами /Зрбик/, и колониальной ориентацией, отводящей остроту противостояния на периферию /Бранденбург/. - Второй подход комбинировался с конфронтацией с Советским Союзом.

Тема сплочения Европы против Востока попала в центр пропаганды во второй половине 30-х годов. Акцент на ожесточенное противостояние с Францией временно сменился подчеркиванием германо-романской общности. Лишь изредка историки касались гражданской войны в Испании, выделяя антикоммунистический характер действий генерала Франко. Наряду с Эрихом Бранденбургом этим занимался исполняющий обязанности главы европейского отдела «Общества Кайзера Вильгельма» Альберт Бракманн. 01.12.1937г. он писал: «На испанской почве разрешалось решающее противоречие между народно-национальным и интернационально-марксистским мышлением».

Ряд историков был непосредственно вовлечен в национал-социалистическую пропаганду. Это подтвердила выставка «Судьбоносная борьба Европы на Востоке», сопровождавшая Съезд НСДАП в 1938г. Выставку подготовил в ноябре 1937г. Отдел по надзору за литературой в ведомстве А.Розенберга. Мероприятие сопровождалось речами йенского профессора Эриха Машке и преподавателя Высшей технической школы в Данциге Вальтера Реке, а также публикацией Отто Бруннером специального выпуска «Книжных известий» /«*Bücherkunde*»/, издававшихся Отделом Розенберга. К обсуждению выставки служба Розенберга пригласила нескольких профессоров, в том числе Машке, Рейна и Карла Рихарда Ганцера из Рейхсинститута Франка.

В центре внимания заседания историков и выставки стояло «строительство и органическое развитие Европы и белых народов этого континента с направлением внимания на Восток». За год до этого подчеркивалось единство Европы, ценность греко-римского наследия и германо-романская «народная общность». Внутриевропейские конфликты рассматривались тогда как семейные раздоры. Теперь общей задачей объявлялась агрессивная позиция против СССР, угроза для Западной Европы со стороны «еврейского большевизма» и Азии. В этом контексте Машке назвал обновленный Восток «подобающим немцам и через кровь охраняемым жизненным пространством», а Вальтер Реке настаивал на примыкании Польши к Германии для строительства общего фронта против большевизма. Отто Бруннер восхвалял аншлюс Австрии и требовал примыкания всего европейского юго-востока к могущественному Немецкому Рейху, описывая достоинства «естественного порядка, который сделает возможной защиту от враждебных государств на Востоке».

Историки выражали мнение, что присоединение Австрии к Рейху, по которому был достигнут консенсус ученых еще во времена Веймарской республики, завершило процесс национального объединения. Позитивную оценку аншлюса дали Фридрих Майнеке и Франц Шнабель. «Присоединение Ав-

стрии», - писал Майнеке эмигрировавшему Г.Холльборну, - «дало толчок всей немецкой истории». Шнабель, которого либералы в свое время вытеснили с его должности, высказался о перспективах национального демократического движения, как о событии, «давшем новый шанс Великогерманскому движению, которое после двадцати лет ошибок и путаницы, через все противодействия исполнило свою задачу наилучшим образом». «Исторический журнал», ранее воздерживавшийся от актуальных политических комментариев, теперь назвал последние события «высшей точкой государственного развития нашего народа». Впервые «коренная масса немецкого народа /«Kernmass»/» объединилась в своем государстве», - так Александр фон Мюллер оценил результат внешнеполитических действий Адольфа Гитлера.

В день голосования в Австрии Зрбик на главной странице «Фёлькишер Beobachter» назвал аншлюс высшей точкой тысячелетней истории. Он восхвалял «новую эпоху народной общности» и «высокоодаренного человека – Гитлера»: «Великогерманский Рейх, рожденный по воле нации и созданный действиями гениального немца, - возродился! Восстановлена общность крови, происхождения, сердец и духа». - Новый президент Австрийской академии наук потребовал от науки «верного служения народу» и выражал «верность народу, Рейху, Фюреру!». В сентябре 1938г. Зрбик вновь призвал население Австрии к «неустанной работе на пользу общему делу». Если раньше фоном таких восхвалений была неукротимая враждебность к прежнему правительству, то теперь ученый выражал глубокое удовлетворение тем, что «старая немецкая Восточная Марка была выхвачена из антинемецкой системы». Но всё же для Зрбика, всегда подчеркивавшего исторические и культурные достижения Австрии, практический опыт новых отношений с их недостаточным вниманием к австрийской *самостоятельности*, содержал определенный конфликтный потенциал. Несмотря на некоторое разочарование от несовпадения его расчетов с практикой, Зрбик, однако, продолжал свою общественную деятельность пропагандиста «Великогерманского Рейха».

Австрийские историки не только приветствовали аншлюс 1938г., как Уэберсбергер, Зрбик или Бруннер, но активно содействовали вотуму доверия к Великогерманскому Рейху и национал-социалистической власти. Переселившийся в Германию в 1934г. национал-социалист Уэберсбергер, увидел в воссоединении спасение от шествующего по стране «кровавого террора и систематического обнищания всей Австрии за исключением евреев и их сателлитов в правительстве». «Ежегодные сообщения» утверждали: «1938 год должен стать всемирно-исторической вехой». «В клочья разорванным лежит в пыли то, что с позорным злоупотреблением словами было названо миром Версаля. Исчезло бессилие. Немецкий Рейх снова стал господином своей судьбы, подавая пример другим народам», - писал Йоханнес Халлер.

Теперь К.А.фон Мюллер и Генрих фон Зрбик формулировали откровенные требования к перестройке Европы. «Немецкий народ с «молодой объединенной ударной силой» вступил на путь образования великой, единой Национальной Европы... Ее объединение должно стать началом выздоровления Ев-

ропы, первой частью ее нового и лучшего строительства», - утверждал Мюллер. Зрбик также выразил убеждение, что после создания немецкого единства «органическая организация Центральной Европы останется для нашего народа решающей задачей на будущее».

Историки, уже ранее тесно связанные с национал-социалистической идеологией и политикой, поставили себя на службу почти неприкрытой мобилизации на войну. «Франция осталась в одиночестве, и пред немецкой народной общностью открылись новые горизонты!», - восклицал В.Шюслер. – «Теперь мы все чувствуем, что необходимо защищать признанный порядок, и появилась возможность построить новую Европу, чьи контуры уже обозначились на горизонте». Со ссылкой на исторический пример в 1938г. он поставил под сомнение существование Чехословакии, и сказал, что «порядок на Востоке, Юго-Востоке и в Центральной Европе вообще есть немецкий порядок, а не чешско-богемский». Доцент и референт по научной работе Немецкого Трудового Фронта Рудольф Кремер сослался на аншлюс, как пример одновременно осуществления национальных и имперских задач в немецкой истории, а также – обязанности по наведению справедливого немецкого порядка.

Последующая оккупация Германией Судет, Чехословакии и Мемеля из далеких соображений не встретившая сопротивления западных держав, сопровождалась успокаивающей немецкой пропагандой. Захват Чехословакии был представлен как воссоздание Средневекового Рейха. Атаки историков на это злосчастное государство начались еще в 1937г. Они участвовали в пропаганде, направленной на оккупацию Судетов и уничтожении Чехословакии, как аморфного и составленного из разнородных, несливающихся частей государства /чехи, словаки, словенцы.../. В опубликованной в 1938г. работе «Рана Европы» Р.Кремер считал Чехословакию «преступлением в жизни Европы». Захват немецкими войсками Судетов он назвал «судом мировой истории». – «Иллюзия Версальского мира устранена. Рейх восстановлен!... Из воли к самоутверждению, несмотря на все превратности, поднялась судето-немецкая общность, и осуществлено ее требование о народном управлении областью».

Уже в октябре 1938г. Кремер писал о том, что «предстоит решить судьбу России, чтобы в последнем столкновении предотвратить еще существующую опасность мировой революции». В апреле 1939г. Кремер с ликованием встретил уничтожение чехословацкой республики, как нейтрализацию европейского очага войны, осуществление исторических связей и немецкого права, а также – «достройку Рейха». В начале 1939г. доцент из Грайфсвальда **Герман Христерн** /Christern/ открыто атаковал государственный строй Чехословакии и говорил о праве Германии дать «мирный порядок» другим народам в их пространстве и вместе с тем осуществить «истинный немецкий порядок в Европе». Преподававший в Галле и работавший в министерстве иностранных дел историк **Вернер Фрауендинст**, подобно Кремеру, оправдывал каждый шаг в национал-социалистической экспансии.

Подготовке и оправданию экспансионистских шагов в 1938-39гг. содействовали авторитетные историки - фон Мюллер, Зрбик и Йоханнес Халлер,

ссылаясь на новые властно-политические требования и актуальную задачу реорганизации Европы. После присоединения Судетов и ликвидации Чехословакии круг защитников экспансии среди историков значительно расширился. «Испытания прошедшего года привели нас к величию, которое было даровано лишь немногим поколениям. С Австрией и Судетами оторванная часть немецкого народного тела и ядро старого Рейха вновь вернулись на Родину... Так поднимается за нашим Великогерманским Рейхом в его теперь достигнутом виде тень другого, Средневекового Рейха, первого Рейха, в котором политическое бытие немцев нашло свой образец и форму», - писал Фридрих Баэтген в начале 1939г. **Перси Эрнст Шрамм**, который, как и Баэтген, не был национал-социалистом, в мае этого же года признал законность оккупации Судетов, как осуществление права на самоопределение и устранение «случайного политического расположения народных границ». С созданием Протектората Богемии и Моравии, по его мнению, «были вновь установлены древние отношения в государственно-правовой форме».

За очередным экспансионистским действием каждый раз следовали подобающие исторические обоснования, часто со ссылкой на воссоздание Средневекового Рейха. Й.Халлер, Зрбик или Аубин в пробуждении старого Рейха видели «неизменяемую силу, вновь введенную в действие». – «История, чей фундамент укладывался в течение 700-летней немецкой колонизации, объединилась, таким образом, грандиозным сводом с современностью», - заявил Герман Аубин. Ссылка на решающее культуртрегерство на Востоке, утверждения о «естественном превосходстве немецкой формообразующей силы» и «культурообразующем немецком народе» служили тогда обоснованием экспансии.

«Не являются ли Богемия и Моравия древним немецким культурным организмом, несмотря на их сегодняшнюю чешскую принадлежность?», - спрашивал Вернер Фрауендинст. Указывая на отсутствие сопротивления при создании Протектората, комментаторы писали о «добровольном подчинении чехов», что принесло им «грандиозную свободу». - Рейнхард Гейдрих, как протектор нового образования, ввел довольно гуманный по тем временам порядок, ужесточенный после его убийства засланными из Англии диверсантами. Подчеркивалась тщетность надежд чешской и словацкой интеллигенции на выполнение союзных обязательств западными державами. - Только связь с Германией и подчинение ей создало благоприятные перспективы для обоих народов. Новое государственное образование становилось стражником против силового порядка Версаля и форпостом Германии. Теперь Чехословакия убеждается, что «молодой в культурном развитии и разорванный на малые нации Восток не мог стать для нее решающей жизненной силой», писал Фрауендинст. Герман Аубин утверждал, что «Чехия в общем ходе своей истории должна осознать вынужденную необходимость опираться на Германию». Ульрих Карштедт назвал оккупацию Чехословакии «путем к самоопределению и объединением жизненного пространства немецкого народа», что продолжалось в «праве и пригодности Германии к колониальной деятельности».

Подобное же обоснование было представлено историками и при захвате Польши. Так комментировали это событие влиятельные ученые: Р.Кремер, Фрауендинст, Г.Христерн, Уеберсбергер, О. Бруннер, Зрбик, Аубин, Баэтген, П.Э.Шрамм, Ф.Петри и Хаймпель. Летом 1939г. все они требовали от Франции сдержанности в отношении прогрессирующей немецкой экспансии. Ульрих Карштедт предлагал «тактично дать понять это враждебному Volkstum» и надеялся на то, что теперь появились «основания для колониальной деятельности». Й.Халлер связал разрушение Чехословакии с достигнутым господствующим положением Германии. Однако он призывал к сдержанности: «Мужество и благоразумие должно ограничить необузданное тщеславие, которое может быть отомщено». Но подобную осторожность в оценках соблюдали далеко не все. Наряду с этим появлялись агрессивные статьи и речи /Штайнакер или **Эрвин Хёльцле** в «Историческом журнале»/. В сознании того, что национал-социализм переживает новую эру господства, раздавались призывы к широкой экспансии.

Герман Аубин в марте 1939г. призывал к «военному броску на край восточного пространства, потребность в котором ясна уже из итогов голосования, когда народ потребовал, чтобы мы ввели новый порядок». В юбилейной статье ко дню рождения Гитлера Зрбик настаивал на необходимости «единодушно и энергично бороться за осмысленный порядок в культурной Европе» и на обязанности не забывать «о собственном тесном жизненном пространстве». Ясно сообщалось, что Рейх не желает довольствоваться достигнутыми летом 1939г. властными позициями.

Голоса опасений раздавались, как всегда, из умеренного лагеря, который представляли Ф.Майнеке и Г.Риттер. Герхард Риттер, приветствовавший всеобщую воинскую повинность и ввод войск в Рейнскую область, теперь критиковал *в частных письмах* риски немецкой политики. Его разочаровала уступчивость Англии на Мюнхенской конференции, согласившейся с ликвидацией Чехословакии, как «обоснованным требованием неудержимого национального развития». - Этот видный историк не разобрался в хитросплетениях международной политики, тон в которой с западной стороны определяли сторонники устранения Германии, как самостоятельного, сильного государства. В ноябре 1938г. Риттер в письме Герману Онкену выразил опасение, что «последняя преграда теперь должна будет рухнуть, и разлив устремится без задержки в дикий водоворот. Куда?». Майнеке летом 1938г. также беспокоился о сохранении мира, но ошибся в оценке ситуации, когда по аналогии с ролью Сербии в 1914г., увидел в Чехословакии потенциального агрессора.

В 1938/39гг. обнаружилась двойственность позиции Фрица Хартунга. Этот консервативный историк после 1933г. настаивал на «научной солидности» и предупреждал Зрбика об опасности пренебрежения другими нациями, перед лицом начавшейся экспансии, защищая право других народов на заботу о собственном «жизненном праве». Однако Хартунг приветствовал социализм Италии и Германии, как принцип, указывающий новый путь в будущее.

Г. Онкен, дистанцируясь от всеобъемлющей государственной системы, в феврале 1939г. сделал доклад собиравшимся по средам в его Обществе историкам. В нем он признал правомочность отстаивания государственно-политических интересов обоими контрагентами – Германией и Англией. – Патриотическая настроенность уступила место абстрактному «объективизму», как будто оправдывавшему стремление Англии «в безопасности и мире наслаждаться через силу приобретенными владениями». - Немецкий же народ, напротив, стремился изменить установившийся порядок и после 1919г. «мог бы восходить только с помощью беспощадной концентрации власти и хитроумного использования конъюнктуры». Онкен опасался того, что исходящая от Германии динамика, угрожавшая английской мировой империи, приведет к широкому международному конфликту. Как и Риттер, Герман Онкен ожидал от британской политики сдерживания экспансионистских стремлений национал-социалистического руководства. Еще одна абстракция этого историка проявилось в его понимании демократии, которую он описал в 1937г. как «моральную силу», стоящую между национал-социализмом и большевизмом.

Подходящим фоном для подобных признаний было стремление Адольфа Гитлера достичь взаимопонимания, а если возможно, и союза с Англией, как родственной по «нордическому» происхождению державой. Этого направления национал-социалистическое руководство придерживалось до начала 1938г. В 1937г. Арнольд Оскар Мейер опубликовал актуальную работу «Англия и британская мировая империя» /переработанный вариант статьи 1929 года/, где выразил восхищение единственным в своем роде международным колониальным образованием. Он доказывал, что не геополитическое положение, но пригодность народов к господству и осознание своего призвания лежало в основе управления такими огромными территориями с разнообразным населением. Несмотря на множасьшиеся проявления социального кризиса, Мейеру казалась незыблемой прочность Британской империи. Он подчеркивал немецко-английскую общность и надеялся на совместную политическую работу двух государств. - Германия и Англия были представлены родственными по духу «противниками общей опасности омассовления /Vermassung/ и потому – носителями избирательных гуманистических идеалов». Эрих Бранденбург в 1937г. также разделял эту точку зрения.

В 1939г. подобные признания прекратились. С началом 1938г. национал-социалистическая политика взаимопонимания с Англией была свернута, а в конце года пропаганда против нее набрала силу. Об этом свидетельствовали газетные комментарии Бранденбурга по поводу 25-летия начала Первой мировой войны. В августе 1939г. он писал, что «Англия сейчас играет такую же роль, как и в 1914г.». Он не без основания утверждал, что под лозунгом борьбы за свободу и демократию против немецкого милитаризма и немецких гегемонистских устремлений Англия выстраивает антинемецкое окружение, чтобы «установить собственную гегемонию на континенте. Исходя из этого, она готовится к войне, как и Польша, играющая в 1939г. роль провокатора, наподобие Сербии в 1914г. Германия же с ее требованием Данцига и необходимого

сообщения с Восточной Пруссией преследует исключительно легитимную и дарованную судьбой цель для исправления несправедливости, которую принес нам Версальский мир», - заключал Бранденбург - /Польша действительно сыграла отведенную ей роль англо-саксонского агента в развязывании Второй мировой войны – И.Б./.

Через три недели после публикации Бранденбурга Карл Александр фон Мюллер сделал доклад в исследовательском обществе «Анэнэрбэ», доказывая, что Англия отвергла Германию как мировую державу. Мюллер говорил, что «из нордической волны народов со времен Великого Переселения сформировались два независимых лидирующих центра, развивавшихся совершенно различно». «Пространственные /*erdräumliche*/ условия» и «народный характер», по его мнению, были причинами неустойчивого немецкого развития и непрерывного английского восхождения к положению мировой державы с XVI столетия. Лишь с XIX века Германия переживала подъем и с этим впервые неизбежной стала схватка обоих руководящих центров. Англия представлялась Мюллеру мировой империей, доживавшей свой век вместе с капитализмом и парламентаризмом, которой угрожало катастрофа, подобная крушению Римского мирового Рейха. А национал-социалистическая Германия «в союзе с судьбоносно преобразованной Италией и юными развивающимися народами была призвана к совместному строительству нового здорового порядка народной жизни».

Динамика событий, приведших к мировой войне, требовала обобщений. В феврале 1934г. геттингенский историк Карл Бранди заявил, что созданное Версальским договором «время отдыха» должно быть использовано в интересах «сбора и приведения в готовность к духовной борьбе». Северонемецкое исследовательское сообщество в августе 1934г. при участии почти всех известных исследователей Остфоршунга констатировала необходимость изменения Договора: «Мы должны работать так, чтобы уже через десять лет можно было использовать обстоятельства в свою пользу». Середина 30-х годов не устранила враждебную антипольскую тенденцию в восточных исследованиях, но временно задержала ее открытое проявление. Немецко-польский договор потребовался не из одних тактических соображений, но был связан с необходимостью в совместных действиях против большевизма. Указывалось на необходимость «сплоченности против враждебных держав западноевропейского Востока».

Всё это происходило в условиях интенсивной подготовки к ликвидации зависимого положения Германии, которая по праву не хотела быть объектом хищных манипуляций враждебных держав. Риттер, Онкен, Халлер и Хартунг высказывали сомнения в необходимости бурного вооружения, аншлюса и в требованиях Германии, как «обойденной нации». Однако тон их публикаций изменился после освобождения от пут Версаля. Бранденбург и Хартунг оптимизировали представления о международной безопасности, первый – тезисом о господстве белой расы, второй – в континентальной версии. Г.Риттер в работе «Фиговый листок» оправдывал агрессивные намерения национал-

социализма. Авторитетный историк Йоханнес Халлер в 1938г. приветствовал ревизию Версальского договора: «В лоскутках лежит у наших ног то, против чего долгие годы велась борьба». К этому периоду относились выступления и публикации К.Плейера, В.Шюслера, К.фон Раумера, Э.Бранденбурга с обоснованием «силы наследственности», «различия в рангах народов», с требованием того, что земля должна принадлежать «духовно и физически сильным народам». В 1938г. Раумер констатировал «коперниковский поворот» государственной и народной истории. Концепция Г. Аубина о целостности Восточного движения обосновала экспансию на этом направлении и призывала к надысторическому преобразению немецкой и западноевропейской жизни.

В 1939г. в центре публикаций крупных экспертов по Восточной Европе – Уеберсбергера, Кейзера, Лауберта и Бракманна стояли требования антисоветской ориентации соседних стран и агрессивная постановка вопроса о польских границах. Так, данцигский историк Эрих Кейзер в антипольском выпуске «Народ и Рейх» /август 1939/ потребовал от Польши возмещения произведенного Версалем несправедливого разделения, корни которого уходили в XVIII век. Кейзер и Эрих Машке участвовали в пропагандистской кампании 1939г. «Германия и Коридор» /выход к морю/, настаивая на «праве великого народа и его поколений обладать открытым жизненным пространством». Кейзер писал о «культурно-бедной польской массе», которая должна передать власть способной к руководству господствующей группе населения /имелись в виду Данциг и Восточная Пруссия/. Одновременно пропаганду против Польши вело само немецкое правительство.

В сентябре 1939г. исторически обоснованные претензии к Польше предъявил Ганс Уеберсбергер. Он указал на сформулированные Дмовски «чрезмерные» польские требования в отношении исконно немецких территорий, на несправедливо проведенные в 1919г. границы и раздел Верхней Силезии. При этом Уеберсбергер имел в виду не только границы Германии, но также беззастенчивое стремление Польши к расширению своих *восточных* границ, пренебрегая правом на самоопределение большинства населения этого района /включая бывшую белорусскую территорию!/. В работах, вышедших на нескольких языках, доказывалась немецкая принадлежность Данцига и Восточной Пруссии. Альберт Бракманн назвал целью Германии подавление польского государства.

Первого сентября 1939г. последовал германский ультиматум Польше с угрозой войны. Территориальные требования к этой стране сформулировали представители немецкого исторического сообщества. Последовало обилие публикаций с историческим оправданием агрессии, как это сделал в октябрьском журнале «Рабочего содружества Рейха по исследованию пространства» Альберт Бракманн – глава Остфоршунга и «Объединения исследователей немецкого Севера и Востока». А.Бракманн подтвердил особую роль своего источника информации также для министерств пропаганды, иностранных и внутренних дел. Карты Объединения исследователей украсили стены рабочей квартиры главы «Фольксдойче Миттельштелле» /Управления СС по репатриа-

ции этнических немцев/, обергруппенфюрера СС Вернера Лоренца. Разработки Конрада Мейера по стратегии немецкого экспансионизма легли в основу подбора сообщений для Вермахта под заголовком «Наша борьба в Польше». Его материалы были также опубликованы в брошюре для «Анэнэрбэ» СС.

Эти материалы и карты послужили для подготовительной работы по определению новых границ, планов переселения и германизации населенных пунктов. Уже в сентябре 1939г. Г.Аубин поддержал Бракманна в его утверждении о том, что ученые теперь должны предлагать свои знания в обоснование последующих мероприятий в Польше. Тогда же Аубин, Шнайдер и Петри обсуждали план «меморандума о восточных границах Рейха и немецкой народности». С оправданием захвата Польши сразу же выступили также Уеберсбергер и Рудольф Кремер. Все видные историки Германии поддержали затем эту немецкую акцию: Е.Кейзер и Вальтер Реке из Данцига, Е.Машке, М.Лауберт, **Людвиг Петри** /Petry/ - все исследователи Восточного пространства и ученые из широких кругов исторического сообщества – В.Платцхофф, В.Шюслер, О.Шеель, А.Рейн, Т.Майер, В.Хоппе, **Теодор Шидер** /Schieder/, Ф.Петри, Г.Кюнтцель, **Петер Рихард Рохден** /Rohden/, а также Онкен и Майнеке.

Захват Польши аргументировался указанием на ее военную вину и обоснованием немецких притязаний на польскую территорию с использованием старого культуртрегерского тезиса. Немецкий Рейх представлялся снисходительным партнером, принявшим необходимые меры после длительного промедления. Указывалось, что Германия в августе 1939г. сделало Польше «великодушные и приемлемые предложения», которые были отвергнуты. Уеберсбергер же доказывал, что Польша готовилась к наступлению на немецкую территорию. Р.Кремер указывал на «последовательно империалистическую политику» этого государства. Несомненным в этих обвинениях было притеснение немецкого населения западной Польши и явное провоцирование военного конфликта со стороны ее руководства. «С уничтожением Польши исполнилась ее собственная судьба... Вина за страшную катастрофу кроется в особенностях самого польского народа», - писал Альберт Бракманн. Описывая раздел Польши в XVIII веке, он утверждал: «История показала основной недостаток поляков – отсутствие глазомера для оценки возможности ее государственного существования... В Версале с осуществлением ее чрезмерных и полностью несправедливых требований эта тенденция продолжилась, и результат этой огромной иллюзии польского народа принес конец его государственному существованию».

В этой связи целенаправленным атакам подвергалась польская наука, предъявлявшая территориальные претензии к Германии. Это, наряду с другими факторами, вменялось в вину польскому руководству за катастрофу своего государства, когда оно через его возвышение и обширные притязания отказывало в праве на самоопределение другим народам. Отягчающее соучастие в военном поражении несли западные державы, которые непосредственно поддерживали Чехословакию и Польшу в их империалистических требованиях, -

поясняли немецкие историки. В историческом сообществе Германии наблюдалось широкое согласие о прямой ответственности Англии за развитие событий, приведших к уничтожению Польши. Ее отказ возвратить Германии Данциг и обеспечить ей выход к морю, писал Г.Онкен, «стал роковым решением и этим категорически определил поворот к войне».

В обосновании захвата Польши отразилось не только требование ревизии Версальского договора, но и ряд других мотивов. Так, доцент из Бреслау Людвиг Петри приветствовал «возмещение исторической несправедливости относительно Силезской границы». Т.Шидер подчеркнул «с победой немецкой армии восстановление единства страны на реке Висла /Weichselland – нем. название Польши/ после двадцати лет пространственно-враждебного порядка». На территории бывшей Польши были образованы две новые Рейхсгау /области Рейха/ - Пруссия/Данциг и Позен/Вартеланд. Районы же Восточной Пруссии и Силезии вошли в состав подчиненного Рейху Генерал-губернаторства во главе с известным юристом Гансом Франком. Таким образом, были превышены границы запланированной ранее ревизии. Адольф Рейн утверждал, что Польша, как и Австрия с Чехословакией, была искусственным государством и «была брошена на кучу мусора истории, так как больше ни на что не годилась».

Однако не только национал-социалист Рейн, но также консерватор Георг Кюнтцель приветствовал «распад каждого полностью искусственного национального государства, которые существовали в атмосфере внутренних раздоров». И в дальнейшем Польша изображалась как неспособная к построению собственной крепкой государственности. Кюнтцель обобщал сложившуюся ситуацию: «Европейское развитие стремилось к организации великопространственной политической структуры и системы государств, и потому обязано было преодолеть аморфную малую государственность субъектов Европы ради достижения целостности... В пределах широко задуманной, великопространственной и завершенной общей организации континента на должно быть места промежуточной Европе». – Тезис об ущербности национально-государственной организации «промежуточной Европы» разрабатывался еще во времена Веймарской республики. Теперь он обрастал плотью происходящих перемен.

Герман Аубин также различал права «великих» и «малых» народов. Он утверждал, что неспособность малых народов к поддержанию порядка собственными силами проявилась еще во время Первой мировой войны между Германией и Россией, когда «не доставало строительного материала для больших государственных наций... Но и в будущем наши малые соседи не смогли бы самостоятельно достигнуть полной автаркии своего экономического и духовного существования». «Решение богемского и польского вопросов восстановило положение, отвечавшее соблюдению государственных пропорций в Восточной Европе... Германия должна была вновь занять подобающее положение действием природы вещей... Недвусмысленный урок истории состоит в том, что Европа только тогда находилась в спокойствии и мире, когда немец-

кое господствующее положение в Центральной Европе было непоколебимо», - писал В.Шюслер.

Сообщение «О немецкой культурной работе в прежней Польше» в сборнике Г.Аубина содержало отчет об организованном Геббельсом совместно с верховным командованием Вермахта писательском туре через Польшу. Эта страна и особенно ее прусские провинции изображались здесь как несущие решающий немецкий отпечаток в экономике, торговле, культуре и городском развитии /«чисто немецкий культурный ландшафт»/. Польский же народ, по утверждению Аубина, снова и снова уклонялся от этого влияния. Относительно первоначально образованных немецких городов историк говорил о «загрязнении их поляками и особенно евреями» /в период оккупации польское население самостоятельно отгораживалось от евреев и помогало немцам в организации еврейских гетто/. «Теперь в третий раз бóльшая часть страны передается под немецкое влияние. О значении и ценности этой эпохи вновь вынесет решение история», - замечал Герман Аубин.

В докладе, сделанном в «Рейхсуниверситете Позена», Эрих Машке говорил о «немецком праве на Восток», ссылаясь на «право первородства германо-немцев относительно славянского мира», о «высокой работе» и упорядочивающей строительной роли Германии. Альберт Бракманн еще раз назвал Польшу ленивой и неспособной страной низкой культуры, говоря о «древненемецкой области, которая теперь должна была вновь отойти к Германии». Только «немецкая строительная работа» временно сделала Польшу, как и Венгрию, «способной к успешной активной политике». «Что совершила эта Польша для восстановления восточноевропейского пространства?», - спрашивал он риторически. – «Немецкий народ будет единственным носителем культуры на Востоке... Он строит восточный вал против бескультурья».

Непрерывность между ревизионистским направлением Остфоршунга в Веймарской республике и обоснованием национал-социалистической экспансии выявили также работы данцигского историка Эриха Кейзера. В 1940г. он выпустил новым тиражом свою «Историю Weichsellandes». Кейзер указал здесь как на естественно образуемое немцами единство территорию между Торном и Данцигом. Всякая культурная работа там была немецкой, польской культуры не существовало, - утверждал он. «Никогда Польша не оформляла художественный облик страны... Никогда не оказывалось ею духовное и культурное влияние на население и не могло быть оказано. Польша показала себя неспособной к культурной работе, она могла только подражать», - писал он в 1940г. в другом месте.

В 1939-40гг. и в последующие годы многие историки разделяли господствующее в государственном и партийном аппарате, а также в широких экономических кругах мнение о необходимости всеобъемлющего переустройства Европы и, прежде всего, о том, что польскому народу необходимо указать его ранг и место. Крупный эксперт по восточным делам и востребованный интерпретатор актуальных проблем в их исторической перспективе, ординариус из Бреслау Герман Аубин в эти годы исследовал «Первый Немецкий Рейх, как

попытку европейского государственного строительства и историческую опору для нового строительства на среднегерманском Востоке». Он писал о «необходимости установить родственный прошлому государственный порядок нашей эпохи, в котором вокруг немецкого государственного ядра должны располагаться народы иностранного происхождения».

По приглашению верховного военного командования «Восток» Аубин выступал перед немецкими офицерами в оккупированной Польше и участвовал в организованном НСДАП Восточном совещании в Бохуме, где также сделал доклад. Кроме того, он был оратором на торжественном совещании Восточно-европейского института в Бреслау по поводу 25-летия его существования. Герман Аубин и Манфред Лауберт были среди тех выдающихся историков, которые поддерживали деятельность «Института по немецкой восточной работе» в Кракове /IDO/, основанного вслед за оккупацией страны. Концепцию и персонал Института представил на утверждение Франку и Зейсс-Инкварту Герман Аубин. Президентом IDO, как частью аппарата оккупационного управления, стал генерал-губернатор Польши Ганс Франк.

Этот Институт представлял собой «идеологический центр политики германизации» /акции переселения и пр./, обеспечивая ее научным сопровождением. IDO занимался также борьбой с гуманитарной частью польской науки, искореняя все националистические проявления. Так, 06.11.1939г. было уволено всё руководство Краковского университета, а националисты в его составе арестованы. В июне 1940г. прошло первое рабочее заседание IDO, связь которого с оккупационной политикой продемонстрировал доклад Г.Франка. Г.Аубин произнес речь «О Немецком Рейхе и народах Востока».

20.04.1940г. в Генерал-губернаторстве был учрежден тесно связанный с IDO «Рейхсуниверситет Позен» /RUP/. В связи с этим ректор Берлинского университета, историк Вилли Хоппе в речи перед университетскими преподавателями говорил о политическом призвании науки, в просветленных словах выразив свое воодушевление: «Полное сил войско науки принимает в этом участие. Восточная земля /Ostland/ в своей почти необозримой дали должна служить защитой для Немецкого Рейха, охраняя немецкую судьбу с древних времен». Несмотря на подобные призывы, часть видных историков не откликнулась на приглашение работать в тесной связи с IDO и RUP. Щедро финансируемый персонал этих Институтов рекрутировался в значительной части из переселенных прибалтийских ученых-немцев.

В Позене работали молодые ученые – **Вернер Конце** /Conze/, **Х.Лудат** /Ludat/, **Ф.Виттингхофф** /Vittinghoff/, **Г.фон Раух** и Рейнхард Виттрам. Однако без соблюдения субординации, но и без внешнего нажима сотрудничал с IDO, кроме Г.Аубина, также ряд видных ученых – Манфред Лауберт, К.фон Раумер, Е. Машке... Они вели совещательную деятельность, делали доклады и публикации в Институте, участвовали в концептуальной и пропагандистской работе IDO и в подготовке его персонала.

Исторический опыт и перспективы немцев на Востоке с наибольшей последовательностью обобщал Герман Аубин. В эти годы устойчивое содержа-

ние у Аубина приобрело понятие «Abendland». Историк из Бреслау всегда подчеркивал германо-романскую общность с ее фундаментом в античной традиции и в христианстве. Главной тенденцией этого кровнородственного союза Аубин называл противостояние Востоку. Францию он отнес к субъектам формирования Великого Рейха, который должен стать основой «великой концепции европейской общности». С наведением германо-романской народной границы, считал Аубин, европейская задача будет выполнена. Иностранцам на Востоке в этой схеме было отведено зависимое положение в преддверии Рейха. Понятие «Abendland» в его связи с христианскими ценностями и германо-романской общностью подразумевало дистанцию от расовых и германоцентристских концепций, когда это касалось Запада.

Однако в отношении Востока Аубин придерживался идеи немецкой гегемонии. Он говорил о «биологическом народном движении», об угрозе немецким поселениям со стороны славян и приветствовал национал-социалистическую политику семейного переселения немцев на присоединенные территории, настаивая на необходимости избегать смешения с польско-украинским населением. Изъятие немцев из «враждебного окружения» предполагало выселение славянского этноса за пределы компактного немецкого проживания. Но политику германизирования национал-социалистическое руководство проводило в октябре 1940г. также в Судетах в отношении французских поселенцев, не прибегая к жестким мерам, практиковавшимся на Востоке.

«Abendland» означало у Аубина и резкое разграничение с Востоком, прежде всего, в отношении России и Турции. Актуальной здесь представлялась «активная защита немецких поселений», а оккупация Польши – «актом охраны западноевропейских границ от восточных варваров», обновившим «древнее западноевропейско-восточное пограничное разделение». Отсюда Аубин еще не выводил одобрения агрессии против Советского Союза. Историко-политическая концепция Германа Аубина была экспансионистской и националистической, но он, как и многие крупные историки, воздерживался от выражения симпатии к жестким мероприятиям оккупационных властей также и после июня 1941г. Теперь он не публиковал общие рассуждения о переустройстве на Востоке, однако еще в 1944г. участвовал в антибольшевистском совещании ведомства Розенберга.

Значительно дальше Аубина в этом направлении пошел Эрих Кейзер, обеспечив научное сопровождение национал-социалистической политики германизирования. Его явно воодушевляла депортация части населения оккупированных территорий. С переселением в Польшу немцев из восточных Рейхсгау и созданием немецких поселений «наступила большая пора народного исследования на Востоке», - писал Кейзер. В интересах поддержки национал-социалистической политики он выдвигал на передний план в научной работе историю заселения территорий немцами. - «Высокий порядок, который будет испытан на Востоке, должен стать, скорее народной /völkische/, чем культурной перестройкой... Это должно не только выявить успехи немцев на Востоке, но, прежде всего, - обнаружить биологические основы их существования».

Народная история имела «воспитательное значение». «Так как стимулы для людей и опасности, угрожающие их крови, принципиально не изменяются со временем, опыт прошлого может стать надежной путевой нитью для будущего поведения», - утверждал Эрих Кейзер. Он предлагал рассматривать историю, в первую очередь, как «борьбу народов», предостерегая против смешения с другими народами, назвав «продвижение славянского потока» «дизентерией», проникавшей из Польши и Чехии после Первой мировой войны. В противоположность этому Кейзер выделил «заботу о наследственном здоровье», задачу «улучшение потомства» и «деюдизацию немецкого народного пространства».

Подобным же образом Эрих Машке предлагал наполнить приобретенное пространство «немецкой кровью в его лучшей сущности». Решающим для успешной германизации он считал использование крестьянства, этого «биологического источника силы», чтобы «после меча плуг мог освоить приобретенную землю». Концепция «крови и почвы», которую отстаивал Машке, существенно не отличалась от точки зрения берлинского доцента Рудольфа Кремера. В ежегоднике «Института научных работ Немецкого Трудового Фронта» за 1939г. Кремер писал: «Отныне к внутренней области Рейха присоединено расширенное и сплоченное восточное пространство, и польская передовая зона стала областью немецких интересов, поскольку каждое обширное и унифицированное образование на Востоке может гарантировать немецкое будущее». Вслед за этим он указал, что должны быть предприняты государственные и народные мероприятия, так как «чисто языковое германизирование не может быть успешным, когда там остается чуждая кровь».

В 1939/40гг. Кремер настаивал на «новой восточноевропейской колонизации» и «новом онемечивании» на базе германских корней. Это связывалось с разделением народностей в процессе отбора и вытеснением враждебных немцам групп из оккупированных областей. В современной литературе часто вуалируется тот факт, что, по мнению Рейхскомиссара по укреплению германской народности Генриха Гимmlера, «отбор» и «онемечивание» на оккупированных территориях должны были производиться не только на основе «крови», но также исходя из внешних данных представителей восточного населения /осанка, рост, цвет волос и глаз и др./, исключая евреев.

Если Кейзер и Машке считались откровенно пронацистски настроенными историками, и их политизированные оценки не всегда находили отклик в историческом сообществе Германии, то работы Рудольфа Кремера сочувственно воспринимались именитыми коллегами по профессии. К их числу относился знаменитый берлинский историк и восточноевропейский эксперт Манфред Лауберт. Компетентность в восточных проблемах этого призванного в 1938г. из Бреслау ученого доказывалась полнотой и содержательностью его научных публикаций по Польше. Но и его выводы были связаны с интересами национал-социалистической оккупационной политики. Лауберт высказывался за «использование опыта прошлого» для выполнения актуальной задачи «встраивания Прусской Остмарки к непоколебимому немецкому народ-

ному организму». Еще в 1943г. историк выражал надежду на то, что его работы о «перестройке Вартегау» /польской территории/ оккупационными органами будут использованы в практической работе.

В феврале 1943г. М.Лауберт совместно с IDO развил активную деятельность, приняв поручение Гимmlера участвовать в конференции по теме «Немецкие исследования в прикарпатском и висленском пространстве, как фундамент для практической народной работы». Конференцию открыл глава «Фольксдойче Миттельштелле» в Кракове, оберштурмбанфюрер /подполковник/ СС доктор Вайбген. Дискутировалась постановка задач и организация исследования народностей в рамках ведомства Гимmlера.

В своих научных публикациях Лауберт двигался по пути исследований и обобщений, сделанных им еще в 20-е годы. Уже там были заложены националистические и антипольские позиции, позднее переакцентированные на фёлькиш-оценки. Их последствия проявились в измененном контексте событий 40-х годов, послужив обоснованию национал-социалистической экспансии в восточном направлении. В 1942г. по инициативе директора IDO было выпущено обновленное издание впервые опубликованной в 1920г. работы Лауберта «Польская политика Пруссии с 1772 по 1914 год». 1920 год был представлен здесь «шагом в борьбе против Версальского диктата, ... завершившимся в ходе 18-дневного военного похода оформлением воли Фюрера неожиданно быстро и сверх всяких надежд». «Путеводной звездой для выполнения огромной задачи, ожидающей немцев в восточном пространстве, должно быть понимание необходимости избежать ошибок и неудач, которые преследовали нас в прошлом, когда мы вступали на ложный путь», - писал Манфред Лауберт в августе 1942г.

Занятие Лауберта польской политикой Пруссии взяло своим исходным пунктом вопрос о пути и препятствиях к прочному овладению отведенной Пруссии области при разделе Польши на Венском конгрессе (4). Полячество /Polentum/ оценивалось как «враждебная сила» и обвинялось в «подрывной работе» и «разложении». В целом позитивная оценка Фридриха II и Бисмарка сопровождалась оговорками. Например, о Бисмарке говорилось, что хотя он боролся с польским дворянством и духовенством, но рассматривал польское крестьянство как содействующую силу, «не желая ни народной, ни духовной германизации», и «не был предшественником сегодняшнего национально-государственного мышления». Лауберт критиковал курс на умиротворение этой территории, который велся при литовских князьях Радзивиллах в XVI-XVII веках и при Фридрихе Вильгельме IV /1795-1861/. Он осуждал политику прусского обер-президента Флоттвела, добивавшегося наряду с онемечиванием «расплавления» поляков в немецком котле; его неосознание «дремлющей силы народного организма». Лауберт «высмеивал гуманистические идеалы Флоттвела, политика которого только усилила объединенный фронт сопротивления польских общественных кругов.

После оккупации Польши в 1939г. немецко-польские отношения рассматривались не в плане исторической легитимации прежней прусской поли-

тики, но с точки зрения «борьбы народностей». Лауберт и раньше ратовал за последовательное онемечивание школы, церкви и власти, за утеснение польского языка. Он призывал к борьбе против польской политической и духовной элиты, осуждал экономическое и культурное содействия Польше и защищал политику *völkisch*-переселения для обеспечения немецкого превосходства. «Нам нужен Восток, весь Восток, мы нуждаемся в нем, так как он для нас есть Суд истории и человечества», - писал Лауберт еще в 1920г.

«Бесконечно большая задача возложена на немецкие плечи. Новая цель, новые конструкции для создания твердого народного барьера через гигантскую работу переселения посреди борьбы – быть или не быть – показывает непреклонное желание национал-социалистического руководства обеспечить безопасную восточную границу нашего Отечества, окончательно освободиться от войны на два фронта и навсегда затоптать польский очаг пожара, оставив славянству лишь подобающее ему свободное пространство для жизни», - завершал Лауберт свои размышления. – «Но будущие решения должны постоянно покоиться на прошлом, знание которого одно может указать правильный путь. При этом решающее значение имеет создание сплоченного немецкого фронта, который должен включить все круги трудящихся и не оставить в будущем места для нового иностранного проникновения, для нового ослабления снизу».

За три года до того, как была написана эта фраза, Рейх начал войну против Польши. Осенью и зимой 1939/40гг. историкам стало ясно далеко идущее значение первого сентября 1939г. /день нападения на Польшу/. Те из них, кто приветствовал вооружение Германии и аншлюс /Каелер, Риттер.../, возрождение старого Рейха с оккупацией Судетов и Чехословакии /Баэтген, Шрамм.../, воздержались от комментариев к захвату Польши, опасаясь конфронтации с западными державами. Но с победой над Францией некоторые из них /в их числе Онкен/ отказались от сдержанности. В непосредственной же связи с началом войны ряд историков - Бракманн, Уэберсбергер, Кремер, Фрауендинст, но также Аубин – готов был признать законность уничтожения соседнего государства, как это раньше сделали в отношении Польши Л.Петри и Т.Шидер. В центральном пункте отзывов историков стояло теперь великодержавное требование господства над малыми народами. Прежде всего, Е.Кейзер, Машке, Кремер и Лауберт приветствовали национал-социалистическую политику в Польше. В 1942г. Манфред Лауберт увидел, что национал-социалисты выполняли его желание.

В 1939 и в начале 1940г. в немецких публикациях обсуждалась обширная военная программа Германии. Формировался образ врага на Западе и предусматривалось столкновение с главным противником – Англией, третьего сентября объявившей войну Германии. С октября 1939 по май 1940г. сохранялось состояние неопределенности по поводу дальнейшего хода военных операций. Зимой издатель «Исторического журнала» К.А.фон Мюллер говорил о «смутном напряжении». «Была ли какая-то надежда на скорое или медленное успокоение мира? Или теперь должно ожидать мощное сосре-

доточение сил, прежде чем произойдет столкновение?», - спрашивал он. Несмотря на эти сомнения, для Мюллера было само собой разумеющимся, как возложение вины на «государства Версаля», так и выраженная от имени исторического сообщества Германии солидарность с национал-социалистическим строем: «Мы можем и должны в этот час быть солдатами на посту и выполнять работу немецкого народа и его великого Фюрера». 31.10.1939г., накануне переселения балтийско-немецких ученых в Позен Рейнхард Виттрам провозгласил в Риге: «То, что непригодно для жизненной борьбы Германии, должно исчезнуть, то, что может ему служить, должно быть сохранено».

Высшая школа посчитала своим долгом внести вклад в усилия немецкого военного руководства. Уже в ноябре 1939г. на конференции ректоров университетов и высших научных школ были приняты тезисы с торжественным признанием «немецкой науки» в верности «Фюреру и народу». «Борьба для защиты народа и Рейха и установления справедливого порядка в Европе решается не только силой оружия. Она требует также участия политического и духовного вооружения и обнаруживает готовность немецкой высшей школы, а вместе с этим всей немецкой науки стать кузницей духовного оружия народа», - говорилось в тезисах. В Марбурге Теодор Майер /Mayer/, В.Моммзен и **Фриц Таэгер** /Taeger/ участвовали в организованном университетами и Вермахтом оборонно-научном цикле докладов. В начале 1940г. в Бонне доцент Й.Люст выступал с темой «Что мы должны знать о противнике?». В это же период Адольф Рейн выпускал антианглийские пропагандистские брошюры.

В той же фазе событий, между польским и западным походами, естественные науки и высшие технические училища внесли свой вклад в научное обоснование национал-социалистической политики по примеру образованного в начале войны «Военного подразделения гуманитарных наук», представившего свою позицию в «Кильской газете»: «Отдельные силы гуманитарной науки пронизываются единой волей в стремлении совместно добиваться единства и свободы немецкого народа». Организация «Военного подразделения» показала готовность профессорского состава поставить себя на службу войне. Широкие круги исторического сообщества встали на сторону политического руководства Германии и в конфронтации с Англией.

В 1939/40гг. историки пропагандировали продолжение войны, как борьбу за жизненное пространство и единую политическую организацию Европы. Война не могла носить лишь оборонительный характер, утверждал кёльнский историк *Мартин Шпанн*: «Она велась с нашей стороны с полной самоотверженностью для того, чтобы обеспечить новый порядок для нас и для всего мира». Грайфсвальдец *Герман Христерн* в мае 1940г. говорил о войне вокруг строительства Новой Европы, о «цели народного усиления и создания нового жизненного пространства для всех немцев в Европе». Немецко-английский конфликт классифицировался *Рейном и Рохденом* как

всеобъемлющее отделение либерального капитализма от фашизма, представлявшего принципы Нового Порядка».

Медиевист и ректор Марбургского университета *Теодор Майер* еще 30.01.1940г. представил Германию в роли победоносного повелителя Европы, силой, которая вновь и вновь «должна решать важные проблемы для всего мира». Как историк, он чувствовал себя обязанным согласовать современность с «органическим ходом национальной истории и показать народу вероятный ход событий в будущем». Майер считал «знаком времени» порядок, в котором «после строительства великопространственной политической структуры и системы государств под немецким руководством малым странам в Европе не будет места». Он назвал «принципом порядка и структуры установление и функцию германского центра в Европе». Франция и Англия, по его убеждению, играли антиевропейскую роль, преследуя эгоистические интересы господства. – Англия не была заинтересована в «едином ясном руководстве и в европейском порядке». «Мы сознаем, как великую европейскую задачу тысячелетия, охват и политическую организацию общего европейского пространства», - писал он.

С национал-социалистической политикой, в которой Майер видел продолжение средневековой имперской политики, Европу ожидает не только порядок, но также новый подъем. Через Гитлера, утверждал он, «Европа отойдет от пропасти исторического беспорядка, и под германским руководством «белая раса» утвердит свое положение в мире. - «Национал-социалистическая Германия, как Рейх XX столетия, должна бороться за будущее Европы и мира против держав XIX века... Судьба Европы, как и будущее мира, сегодня вновь должна решиться... Немецкий народ вновь обрел свою всемирно-историческую, вечную задачу», - констатировал ученый. Теодор Майер, который и после 1945г. остался высокоценным исследователем средневековья, претендовал тогда на классическую роль политического историка, чья задача была указать народу предполагаемый путь в будущее. Война на Западе, казалось, подтвердила его идею приведения в порядок Европы под немецким руководством.

Державами XIX века, против которых призывал бороться Майер, были, прежде всего, Англия и Франция, которую тогда называли «буксироносителем лондонской политики и британского империализма». В характере и уровне публикаций об Англии были существенные различия: от пропагандистских брошюр А.Рейна до серьезного анализа политического положения у Онкена и «Державы и утопии» Риттера. В рамках полуофициальной пропаганды министерство иностранных дел приглашало гамбургского историка Адольфа Рейна. Немецким институтом внешнеполитических исследований и Гамбургским институтом по внешней политике в содружестве с Немецким научным институтом зарубежных стран издавалась серия «Британская империя в мировой политике». Она была открыта брошюрой «Почему Англия ведет войну» и специальным выпуском, озаглавленным «Правда о Гитлере записанная английскими устами». Эти материалы, настоятельно рекомендован-

ные официальным бюллетенем министерством воспитания Рейха, комбинировали резкие антибританские настроения с предложениями о взаимном смягчении нападков. Преследуя прагматические цели, они не претендовали на глубокое научное содержание.

Адольф Рейн исходил из оправдания оккупации Польши, которую объяснял необходимостью отразить угрозу английской агрессии. «Ответственность за это пространство с его народными, экономическими и политическими данными имеет обоснование в природе и истории немцев», - писал он. Одновременно Рейн через обращение к глубоко укорененной в народном сознании ужасной картине Версаля утверждал, что Англия имеет целью, используя Польшу, устроить Германии второй Версаль. – «Это государство никогда не потерпит рядом с собой другую великую державу. Англия приводит в движение программу окончательной истребительной войны против Германии – мирной державы, устранившей нетерпимое состояние, созданное в Версале». Населению Рейн дал понять, что мир ожидает перспектива расширяющейся борьбы с «плутократическими державами».

Петер Рихард Рохден в своей пропаганде также использовал антикапиталистические аргументы. В феврале 1940г. он опубликовал в «Национал-социалистических ежемесячных тетрадах» /«NS-Monatsheften»/ статью «Путь Англии и Франции к плутократии», воспроизведенную в 1941г. в ряде изданий НСДАП. Оба государства были представлены здесь как «денежные державы», в которых господствовала хищная плутократия, попирающая интересы собственных народов. Рохден противопоставил им Германию – представителя «нового мышления о европейском порядке». Он видел в этом принципиальное различие государственно-политических интересов Германии и Англии. Собственной темой Рохдена были «напряженные» англо-французские отношения. Франция на почве ее тысячелетие длящейся неспособности сделать выбор между континентальной гегемонией и притязаниями на мировое господство постоянно уступала инициативу Англии, извлекавшей для себя пользу из этих колебаний.

Рохден утверждал, что еще в 1933г. на почве немецкого Восточного движения и с улаживанием противоречий по вопросам колониальной экспансии, возможно было достичь немецко-французского соглашения. Однако Франция с начала нового века демонстрировала антинемецкое реваншистское мышление и в собственных экспансионистских интересах заключила постоянный союз со «смертельным противником немецкого международного авторитета». - В 1939/40гг. вопрос был в том, «свалится ли мир к безответственному, неопишумому, через тысячу невидимых нитей сплетенному плутократическому господству, или придет к порядку свободных народов под руководством ответственных творческих личностей», - писал Рохден.

Национал-социалистическая аргументация отличала публикации кильского историка Отто Шееля, например, его «Подъем и падение английской мировой державы» - переработку доклада, произнесенного в Верхнерейнском оперативном районе. Как Рохден и Рейн, О.Шеель исходил из геополитиче-

ских соображений, описывая конфликт с Англией. Указав на угрозу для Германии и Европы в целом, он утверждал: «Предстоит борьба за свободу Великобритании и европейского материка, европейская освободительная война против противника, который, как уже повторялось в истории, преследует цель разрушить континент и сделать его жертвой британской деспотии и интернациональной диктатуры». В этой борьбе, предположил Шеель, Англия не имеет шансов, так как ее мировая империя представляет собой «неестественную постройку». – На почве своих естественных условий Англия не способна ни к большой европейской, ни к мировой политике. Германия же «физической народной силой немецкого пространства» предназначена к руководству континентальной Европой. – Только политическое бессилие соперников Англии со времен Средневековья сделало возможным английское государственное развитие. Теперь с «гением» Гитлера континент пробуждается с «подаренной ему природой силой», и это доказывает «необходимость повиноваться приказу, который им дан», – заключал Шеель.

Немецкое жизненное право против английских притязаний на мировое господство – это противопоставление, опиравшееся на народнические представления и идею жизненного пространства, разделяло большинство немецких историков со времен Первой мировой войны. Вилли Андреас издавал и комментировал написанные между 1903 и 1923г. работы Эриха Маркса об английской государственной политике, в которых излагалась «генеральная линия нашего врага вчера и сегодня». Теперь Э.Маркс писал, что национал-социалистическая Германия «на новой ступени общего мирового развития и с другим расположением сил» вновь поднялась на борьбу за жизненное пространство. Идею англо-немецкого противопоставления /притязания – право/ разделял также Герман Онкен, начиная с публикаций 1914г., и подтвердив ее в конце 1940г. Марбургский историк Фриц Таэгер в конце 1939г. соглашался с «бесспорным правом нашей борьбы. Ее фундаментом должна быть вина Англии и Франции в Версале и право всех развивающихся народов». В перспективе нового порядка Таэгер усматривал также «поддержку права слабых народов на землю в общественной структуре Европы».

В своей солидарности против Англии немецкие историки полагали, что теперь /1939-40/ новыми методами могут быть достигнуты цели, с которыми Кайзеровский Рейх в 1914/18гг. потерпел неудачу, и стало возможным устранение Англии, как мировой державы. Публичное обсуждение планов перемещения схватки далеко на Восток пока исключалось. О.Шеель приветствовал немецкую договоренность 1940г. с Советским Союзом. В 1939/41гг. доминировала концентрация усилий на Англии. Оппозиция господству Англии на континенте и в мире после 1940г. развилась в противоборство различных принципов формирования европейского порядка. Здесь боролись друг с другом разные мировоззренческие системы и отвергалась схема равновесия, обслуживавшая одни английские интересы, как нетворческая и направленная против Европы. Политика Англии представлялась эгоистичной, жестокой и бесчестной. Англию обвиняли в том, что она вела войну с «континентальным

воином», избегая жертв своего населения. На примере союза с Пруссией в XVIII века делалась убедительная ссылка на ненадежность и двуличие Англии, как партнера по договору. Английские государственные мужи /Кастлеревф, Каннинг и др./, изображались «умственно ничтожными» и «одноглазыми среди слепых».

Специалистом по атакам на английскую политику стал многолетний ректор Франкфуртского университета, историк Вальтер Платцхофф. Во время Нюрнбергского военного совещания историков /февраль 1941/, в «Историческом журнале» и в других публикациях он применял антианглийскую аргументацию. – «С Утрехтского мира 1713г., завершившего Войну за испанское наследство (5), вела отсчет английская политика равновесия; эта же политика лежала в основе Второй мировой войны». Цитируя Гитлера, Платцхофф назвал 1713г. «началом дезорганизации европейского континента на пользу британского мирового империализма». Центром этой политики равновесия стала Европа и, прежде всего, Германия, которую нужно было расколоть и ослабить, утверждал франкфуртский историк. - «Расширение зоны мирового господства Британии /*Rex Britannica*/ неминуемо вовлечет континент в продолжительный кризис и войну». В противоположность этому немецкая гегемония должна стать путем к европейскому расцвету. - «Когда немецкий народ борется сегодня за новый европейский порядок, то эта борьба ведется не только за собственное право на жизнь и за немецкое жизненное пространство, но равным образом – за право на самоопределение европейского континента и его независимость от Англии», - писал Платцхофф.

Английская «судебная вышка», «дьяволический принцип европейского равновесия», по выражению Фрица Рериха, «не допускал жизненной необходимости и порядка, как и развития надлежащего своеобразия озадаченных народов». Берлинский историк А.О.Мейер, еще в 1937г. горячо защищавший немецко-английское сотрудничество, видя в политике равновесия законное выражение практических интересов, через три года также занял антианглийскую позицию. Он заявлял: «Сегодня идея Англии – это борьба за гибнущий мир либерализма. В этой войне речь идет о структуре политического мира согласно древним и новым идеям».

«Право на жизнь» против «плутократического мирового господства»; порядок и крепость континента или раскол и ослабление в целях «равновесия»; национал-социализм или либерализм – этими парами противоположностей была отмечена немецко-английская конфронтация. В немецком представлении о борьбе идей создавался «особый путь» Германии, который включал эру национал-социализма, отвергавшего чуждый и враждебный народам либерализм.

Герман Христерн придавал подобной аргументации антисемитский характер, называя евреев «носителями либеральных идей», которые британские плутократы использовали в своих целях. В его статье для «Военного подразделения гуманитарных наук» распространение и защита буржуазных идеалов и пропаганда «английской свободы» связывались с притязаниями Англии на

мировое господство. - Коалиция, в составе которой Англия участвовала в лицемерной борьбе против нарушителей мира, выдавалась ею за «воплощение благородной этической идеи». Этот прием был расчетливо применен Англией в современной войне, указывал Христерн. Герман Онкен также нападал на высокомерную английскую политику, прикрывавшуюся мнимо-моральными принципами.

Герхард Риттер в известной работе «Государственная власть и утопия» разъяснял демагогический характер английского «островного мышления», особенно опасный из-за искусного сокрытия Англией собственных государственных интересов. Историк написал эту книгу в годы войны. Риттер дискутировал в ней немецко-английский конфликт и проблему отношений великих держав. Впервые в 1940г. и до окончания войны, а также после 1945г. книга выходила в разных изданиях, подвергаясь переработке. Во времена национал-социализма она то восхвалялась, то рассматривалась скептически. Два последних послевоенных издания расценивались как завуалированный протест против национал-социалистического государства. Всё это имело обоснование в тексте книги. Отправной точкой для всевозможных оценок был антианглийский тон книги, сохранившийся во всех изданиях. «Национал-социалистические ежемесячные тетради» описывали книгу как «образцовый пример того, как ученый, исходя из своего знания событий мог быть убежденным и твердым сторонником в нашей борьбе». Поздние издания книги запечатлели осторожные сомнения в перспективах войны и в возможности устройства «долговременного порядка».

В апреле 1940г. в примечании к первому изданию Герхард Риттер охарактеризовал свой труд, как описание конфликта островного и континентального типов мышления – «оба великих типа поведения относительно проблемы власти», исследуя «смысл современного государства». «Государство и утопия» - это признание автора в приверженности политике силы и авторитарному государству. Борьба здесь рассматривается как необходимый элемент государственного руководства и «жизненно важное проявление государства». Это суждение облекается в эмоционально-напряженную форму: «Демон власти есть ничто иное, как одержимость воли, без которой не осуществляется ни одно великое государственное строительство, в котором одновременно кроется опасная разрушительная сила. Необходимо увидеть и сдерживать эту опасность, но также раскрыть ее благословенную эффективность».

Гуманизм и демократический принцип в действиях власти Риттер тогда не принимал во внимание. Они были для него лишь опасной и демагогической завесой. Историк отвергал гуманизм Эразма Роттердамского, как «дегенеративное явление», а в утопии Томаса Мора видел «идеальную картину утопически-островной политики, которая прятала стремление к власти за лицемерным фасадом этической идеологии». Атакам здесь подвергалась, прежде всего, Англия 1940г. В противоположность Англии, упрекаемой в попытке «умалить значение морально борющихся друг с другом сил», Риттер с изряд-

ной долей наивности предложил признать основным типом континентального мышления естественный характер *чистой* политической борьбы. Он представил Макиавелли сторонником «возрождения нравственно испорченных и политически расколотых народов через воспитание в новой военной добродетели, чтобы затем вознести их к новой свободе и величию».

Таким образом, классический образец политики, использующей все средства для достижения цели, Риттер применял по отношению к Германии, имевшей, по его мнению, *моральное право* для применения силы. Утверждение историка о том, что «государственная деятельность только тогда будет поднята на самую высокую ступень, когда разум, право и нравственность ограничат разрушительную силу демонизма», производила впечатление двусмысленности. Едва ли политика его родной страны нуждалась в оправдании таким философски изощренным способом, разве что

в целях пропаганды. Не нужно быть философом для понимания того, что такая трактовка политической целесообразности устраивала обе борющиеся стороны. Но общая логика рассуждений Риттера доказывала относительную правоту немецкой трактовки конфликта: именно Англия с огромным напором постоянно пыталась переустроить европейские отношения в свою пользу, тогда как Германия, будучи самой крупной и сугубо континентальной державой, имела гораздо больше оснований взять на себя эту роль.

Корни своей неприязни к демократии Герхард Риттера вывел из Французской революции, назвав ее «повальным опьянением масс». И только до 1914г. Риттер наблюдал в Центральной Европе «равновесие между авторитетом и свободой». Но подлинный авторитет власти утвердился, по его мнению, с 1933г. В «молодой государственной форме» Риттер признал «немыслимую динамику». «С современным *народным государством* исключительно через слияние государства и нации принципиально прекратятся напряженные отношения между властью и нравственностью... Власть добивается неразличимости в слиянии нравственного и политического сознания», - утверждал ученый в 1940г. Не удивительно это восхищение опытного историка абсолютной новизной происходящего, образом власти, невиданным в прошлом.

Но уже в первом издании «Власти и утопии» сквозь очарование происходящим проступало робко высказанное опасение «безмерной попытки завоевания мира» и «непредвиденной опасности жестокостью вызвать к себе ненависть», сопровождаемое призывом к «добровольному самоограничению насилия, как проявлению благоразумия». В 3-м и 4-м изданиях книги, вышедших в высшей точке войны /1943/, Риттер яснее формулировал мысли в этом направлении: «Всякое государственное поведение, берущее на себя серьезную историческую задачу,... и через голую силовую борьбу, наконец, добивающееся устойчивого мирного состояния, не будет нуждаться в стадных, но в гражданских добродетелях, которые эллины объединяли общим понятием «юридического смысла». Тогда Риттер в дополнении к «Двойному смыслу политическому» указал на обязанность государства сохранять право-

вый порядок, подчеркнув разницу между «возрастающей жизненной конкуренцией» и «жизнеразрушающей борьбой на уничтожение».

Учитывая стойкие антианглийские настроения Риттера и его одобрение политикой центральноевропейских завоеваний Германии, опасения историка были вызваны войной на два фронта и ощущением надвигающейся катастрофы. Моральные соображения в его рассуждениях можно не принимать во внимание. Далекие перспективы военного успеха всегда значили для серьезных аналитиков гораздо больше, чем этически окрашенные размышления о войне и мире.

Весной 1940г. немецкие историки публиковали статьи, предупреждавшие о французской угрозе Германии. Вильгельм Моммзен пятого мая поместил статью в газете «Немецкое будущее», где обвинил Францию в ведении агрессивной внешней политики в духе Ришелье. В Гамбурге Эрнст Анрих двадцать девятого мая /начало Западной кампании/ писал о французском стремлении уничтожить Германию, уже готовую к переговорам. Во время немецкого наступления Генрих фон Зрбик утверждал в редакционной статье о намерении Франции приступить к осуществлению своей военной цели – отбросить Германию «назад к Вестфальскому миру» (6), к эпохе немецкого раскола и слабости.

Теодор Моммзен писал: «То, что во времена Ришелье было для Франции рациональной государственной политикой, в 1940г. обернулось положением, при котором преувеличивалась сила внутренне слабого французского народа, подвергая опасности Францию, так как сегодня ей противостоит не расколотое государство, а сильная Германия. Поэтому «утопия» проходит вместе с планами разбить «одинокое» немецкое государство». В январе 1940г. боннский доцент Лео Юст обратился к истории, которая с XIII века представляла картину «постоянного возобновления борьбы Франции против Рейха». Так продолжалось до настоящего времени, когда Франция «отвергла руку мира, поданную Гитлером». При этом она руководилась интересами буржуазии /*Bürgertum*/, тогда как Германия преследовала интересы «сообщества рабочих и крестьян» /*Gefolgschaft* – национал-социалистический термин/. – Это уместное в данном случае классовое противопоставление отражало представление о «народной общности», реализованной национал-социалистами. Францию такая политика привела к конфликту с Германией, боровшейся за мир и право на жизнь /*Lebensrecht*/, заключал Юст.

Подобные публикации историков в первой половине 1940 года складывались в картину концентрированной антифранцузской пропаганды, готовившей население Германии к военному походу на Запад. Вестфальский мир и Ришелье стали синонимами распространения французского господства на континенте. Разыскания исторической науки Германии давали для этого основания. Лейпцигский медиевист **Герман Хемпель** во «Всеобщей немецкой газете» писал о немецкой воле к миру и французской агрессивности: «Франция вновь начала борьбу с Германией». Особенность его аргументации заключалась не в ссылках на Ришелье. Он видел корни немецко-французского

противостояния в общем происхождении Рейха Карла Великого, так как при его разделении Германия унаследовала жизнестойкую, расширенную часть Востока. Франция же была ограничена в возможности расширения за счет Германии, что дало ей повод для постоянного возобновления борьбы с Германией вокруг общего наследия. «Немецко-французская общность, которую мы здесь имеем, не подходящая причина с промедлением в вооруженной борьбе», - угрожал он.

Когда 10 мая 1940г. начался Западный поход, и немецкие войска уже через три недели маршировали в Париже, это большей частью исторического сообщества было воспринято как триумф. Сомнения в отношении дальнейшего развития политических событий после победоносного похода на Запад были отброшены. Фридрих Майнеке 04.07.1940г. выразил общие чувства словами: «Радость, восхищение и гордость нашей армией переполняли меня». С.А.Каелер 12.06. писал своему другу о «страсбургском возвращении потеряннго»: «Как же может сердце не биться! Насилие должно было совершиться, как звено могущественных общих усилий в исполнении наказания Франции за Версальский мир». Известный историк старого поколения Фриц Керн в декабре 1940г. восхвалял Гитлера и победу над Францией. Для него 1940 год был, прежде всего, реваншем за 1918 и 1923 годы. Его высказывания разъясняли принцип позитивного отношения к войне: «Гитлер пророчески увидел в этом годе движения /Ruhrjahr/ то, что эта Франция должна быть еще раз разбита. Честная война в 1918г. была прервана, а в 1923г. борьбу обесчестило коварство. Работа народа после всех искусственных уловок еще раз уравнилась на ужасных весах истории, прежде чем смогла завершиться страстно ожидаемым умиротворением. Народ ценен своими людьми, а не устаревшими притязаниями» /о Франции/.

Уже в мае 1940г. Мальмеди, Эйпен и Морено были отняты у Бельгии. Эльзас, Лотарингия и Люксембург находились теперь под немецкой гражданской властью, которую возглавлял гауляйтер соседней немецкой области, а в начале августа эта территория была фактически присоединена к Германии. «То, что необходимо природе и истории, должно быть! Эльзас был немецким и всегда останется им!», - провозгласил авторитетный историк Йоханнес Халлер. По этому вопросу уже в Веймарской республике было общее согласие историков. Гейдельбергский историк **Фриц Эрнст** в небольшом сочинении, посвященном военному руководству, объявил о «возвращении этой немецкой земли» и о том, что «после тысячелетия, заполненного чужеземными разбойничьими набегами, будущее Лотарингии должно быть определено силой вновь объединенного народа».

Однако не только возвращение утраченных в 1919г. областей, но также аннексия Люксембурга была обоснована историками с помощью гипотезы о «немецком народном организме». Так, Франц Штайнбах нападал на люксембургскую «идеологию нейтралитета». Участие этого государства в Лиге Наций он назвал «односторонним установлением». «Люксембург должен рассматриваться как часть немецкого народного организма, как высокообо-

гащенный немецким языком и выдающийся пункт немецкой безопасности на Западе», - утверждал он. Из истории немецких поселений Штайнбах сделал вывод, что «нет никакого основания для особого положения Люксембурга в пределах немецкого народного организма».

В продолжение войны на Западе остался открытым вопрос о немецко-французской границе в этом регионе, как и о будущих аннексионистских требованиях Германии. Конкретное планирование положения оккупированных областей на Западе и возможной аннексии было предпринято национал-социалистическим руководством в начале июня 1940г. – во время кампании и затем в период подготовки перемирия. На этом этапе предусматривалась активизация промышленных групп, собиравшихся работать в оккупированных областях. Экономическое и территориальное представление о целях и методах осуществления господства разрабатывалось в ходе дебатов, недоступных для общественности.

О влиянии историков на планирование нового порядка в Европе имеется мало информации. В основу этих планов была положена Докладная записка статс-секретаря министерства внутренних дел Вильгельма Штуккарта о будущей западной границе согласно приказу Гитлера, отданному в мае 1940г. Границу предполагалось провести от устья Соммы на восток, через северную часть Парижского района и Шампани до Арагона, затем на юг через Бургундию и на запад до Женевского озера. Особое место в планах аннексии отводилось Северу и Востоку Франции. Предполагалось, что северофранцузские департаменты будут отделены от Франции и присоединены к Бельгии, попав в подчинение военного командования в Бельгии и Северной Франции.

Бывший член Комиссии по перемирию Герман Бёме вспоминал, что в Докладной записке было подчеркнуто геологическое и гидрографическое единство северной и восточной частей Франции с прилегающей частью немецкой территории. Указывалось также, что население этих регионов Франции по расовому составу обнаруживает явные следы давних германо-французских поселений, и что историческое развитие со времен Каролингов протекало здесь в тесной связи с Рейхом. Поэтому их культура связана с немецким пространством гораздо теснее, чем с остальной Францией. Подобная аргументация могла опираться на развитие тезисов Штайнбаха и Франца Петри о расовой связи населения Северной Франции с Германией и продолжающемся действии германского наследия.

Западнонемецкое исследовательское сообщество, очевидно, оказало прямое влияние на разработку границ. Активность в этом направлении проявлял гамбургский профессор Эрнст Анрих. Перед началом войны он представил себя в распоряжение ОКВ и по инициативе «Фольксдойче Миттельштелле» /«ФМ»/ организовал «Научный западный штаб», который намеревался сделать секретным центром по исследованию событий для последующего применения его разработок «ФМ». «Научный институт Эльзас-Лотарингии в Рейхе» также с гордостью указывал, что он «с первыми сообщениями о пере-

движении наших войск, используя карты, иллюстрации и описания, почти мгновенно, мог давать ответы по запросам военных служб о народных и языковых отношениях, о страноведении и экономике, об искусстве, культуре и духовной жизни».

Победа над Францией, сверх работы по перемещению границ 1919г., стала завершением тысячелетней борьбы против «наследственного врага» и его гегемонистских устремлений. – Триумфальное завершение 1940 года, заявлял **Вольфганг Виндельбанд**, означала, что «через столетия после поражения Европы Франция по собственной вине будет разрушена самым жалким образом». Еще во время Западной кампании фон Зрбик в новой газете Геббельса «Das Reich» оправдывал притязания Германии на власть над

Францией. Э.Анрих – подобно тому, как это дела раньше А.Рейн – выпускал официальную серию брошюр под названием «Франция против цивилизации». Боннский профессор Франц Штайнбах на митинге в университете произнес речь об «историческом смысле перемирия с Францией». В этот период быстро росло число публикаций о реванше за поражение в Первой мировой войне и ревизии понесенной тогда утраты областей, а также о борьбе с Францией за господство на континенте.

В центре аргументации, развитой Зрбиком в июне 1940г., стояло значение Западной кампании для немецкого господства в Центральной Европе: «Великогермания имела силу и свое право в мире, право на самоопределение, исходя из своей исключительной потребности, совершенно естественной, добиться преобладания в жизненном пространстве, покрывающем бóльшую часть Европы... Пространственно-политическое единство центра земли /Erdteilmittle/, который определяет свои границы через Балтийское и Северное моря, Финский залив и Черное море, Адриатику и на Востоке дугу Карпат, является в преобладающей мере немецким народным и культурным организмом и нуждается в порядке и силе руководства, которое может лежать только в немецких руках».

Франц Штайнбах описывал перемирие с Францией, как последним субъектом исторического противостояния вокруг руководства и организации порядка по всей Европе. Боннский ординариус объяснял развитие Франции не просто стремлением расширить свое влияние, но – желанием добиться на этой основе перемещения европейского центра из Германии на Запад. Ее гегемония в Европе была закреплена Вестфальским миром. В соответствии с этим «Франция неоднократно пыталась установить новый европейский порядок на месте старого». Но ее «неспособность к руководству Западной Европой исторически доказана», - утверждал Штайнбах. - Логическим следствием этого явилось то, что «Фюрер совместно с Дуче взял на себя ответственность за организацию нового порядка в Европе».

Смысл войны и перспективы «нового порядка» Штайнбах, в противоположность другим авторам, выводил не из борьбы против Ришелье, Людовика XVI или Вестфальского мира У него речь шла не о защите Германии от раскола или о пограничной борьбе с Францией. «Германия должна воевать во

Франции против застоя в политическом мышлении французов и против английской кабалы над французским правительством, за независимость континента от англо-саксонской мировой державы... Сегодня мы стоим на повороте общеевропейской судьбы», - писал Штайнбах. Однако историк уклонился от произвольных параллелей: «Народная Европа /das völkische Europa/ сегодня имеет другие задачи, другие предпосылки для определения границ и руководства, чем в западноевропейской общности Средневековья». Но история, по мнению Штайнбаха, может укрепить глубокую убежденность в немецком успехе: «То, что национальные опасности в политике Рейха не возобновятся, в этом ручается за нас народная личность Адольфа Гитлера».

Эрнст Анрих уже летом 1940г. открыто выставил требование «добывания новой границы» и «порядка в народном сообществе и жизненном пространстве» Европы. Гамбургский профессор называл Германию представительницей интересов Европы. – Борьба вокруг этого должна остановить «угрозу европейским законам жизни, европейской плодотворности, европейской наследственности... Немецкий Рейх выступает за истинный европейский порядок и новые принципы организации народов и пространств». Из этого возникает «новая эпоха рас, народных общностей и пространств». Франция же, согласно Анриху, стремилась к «империалистической гегемонии и порабощению народов Европы, руководствуясь противоестественными законами».

В 1940г. обостренная расовыми соображениями аргументация Анриха, как и откровенное требование аннексий, не были типичными для исторического сообщества Германии. Однако наряду со Зрбиком и Штайнбахом ряд выдающихся историков верил в то, что Германия по праву победителя должна была диктовать новый порядок в европейских отношениях, а Франция - довольствоваться своим подчиненным положением. Фриц Керн в 1940г. утверждал, что «немецкий народ, стоявший наготове в своей лучшей форме, вновь заслужил насчитывающее много столетий, подобающее ему место». По представлениям Германа Онкена, немецко-французские отношения снова должны равняться на раннее Средневековье. А Лео Юст написал на Пасху 1940г.: «Рейх Адольфа Гитлера после забытых традиций Старого Рейха вновь пробудил Германию также на Западе. Это может дать историку возможность увидеть ожившим великое прошлое». На полях сражений, в исторической борьбе за Рейн, во Фландрии и Северной Франции Курт фон Раумер увидел «восхождение вверх новой Европы». Перспектива обширной европейской перестройки стала реальностью после завершающей цикл завоеваний оккупации Дании и Норвегии.

Национал-социализм увидел, как ранее дистанцировавшиеся от его политики историки изменяли свои взгляды с победой на Западе. Историческое сообщество, для которого государственное развитие было высшей ценностью, нашло правовое обоснование военным успехам немецкого руководства. Генрих фон Зрбик, чьи идеи воплотились в жизнь, убедился в том, что «новый порядок стал теперь неизбежен». Фридрих Майнеке приветствовал,

прежде всего, «экономическое единство в форме таможенной общности», связав это с «охраной и защитой присоединенных к нам народов, к которым могут также принадлежать французы». Он понимал, что при этом неизбежно будет применено «внешнее давление» со стороны Германии.

Ранкеанец Георг Кюнтцель убедился «в необходимости испытать мировой поворот высокого стиля». В восхищении от немецкого подъема и достигнутых успехов он уверился в середине 1941г. в том, что превзошедшая всех Германия по праву вводит новую мировую систему с немецким руководством Европой и уменьшением английской власти на континенте. Умеренный Фриц Хартунг, до того сомневавшийся в правильности немецкой военной политики, теперь восхищался национал-социализмом. «После благополучного начала войны в 1939/40гг.», - писал берлинский ординариус, - «немецкий народ может со спокойной уверенностью идти навстречу будущему». Даже либеральный, испытывавший давление национал-социалистов Франц Шнабель, признал свою причастность к решению «задачи, которую судьба возложили на нас с учреждением нового европейского порядка».

Всё это доказывает, какой *притягательной силы достигло летом 1940г. властное положение Германии*. Тогда в историческом сообществе на базе достигнутых военных успехов стало доминировать одобрение «нового порядка в Европе». Убедительным свидетельством для этой фазы стали размышления Германа Онкена в сентябре-декабре 1940г. Историк, в 20-е годы из тактических соображений согласившийся с существованием Веймарской республики, но никогда не признававший потерю Германией положения великой державы, в конце 1940г. встал на сторону Гитлера. Он защищал национал-социалистическую внешнюю политику, как охраняющую мир, и атаковал Англию как агрессора. - В современной войне эта борьба вновь должна быть поднята, как в Первую мировую войну. Обе войны, считал Онкен, «связывает всемирно-историческое единство». - Сущностью немецко-английского конфликта стало осуществление немецкого права на жизнь, а со стороны Англии – сохранение мировой державы, которая считает немецкое право несовместимым с ее интересами.

От отстраненного понимания английской позиции в 1939г. теперь не осталось следа. Германия, утверждал Онкен, должна идти к ревизии Версальского договора, протестуя против «политики увековечения немецкого бессилия». Правообоснованность немецких целей он признал и в восточном направлении: «Мы хотим распространить ревизию Версаля также на сферу наших жизненных интересов на Востоке – в Австрии, Данциге и в Коридоре». - На пути фюрера стояла мирная возможность, осуществления которой англичане любой ценой старались не допустить. После Западного похода война могла быть прекращена, но «Англия еще раз оттолкнула руку Фюрера. Она развязала войну против немецкого права на самоопределение и должна нести ответственность за ее продолжение», - сообщал Онкен. Победа Германии в конфликте с Англией казалась историку в конце 1940г. неминуемой.

Исторические очерки Германа Онкена оставались в традиционной плоскости. Берлинский историк вел линию от Вестфальского мира, как учреждения французской гегемонии, через мир в Утрехте /1713/ и Венский конгресс, на котором Англия и Россия подтвердили свое господствующее положение, до «отвратительного мира – властного порядка Версаля», который был опрокинут и сменился новым порядком. «С разрушением Польши, с контролем над скандинавским Севером и, прежде всего, с капитуляцией Франции, Голландии и Бельгии, исчезло военное противостояние, завершилась организация Юго-Востока, и стали ясны очертания управляемого из Центра Сообщества народов», - писал Онкен.

– «В новой Европе немецко-французские отношения должны уравниваться приблизительно таким образом, как в Средневековье. В этот процесс в исходящей из центра динамике и с признанием естественных географических условий вовлекаются малые соседние государства, несмотря на их независимость и особый характер... Через экономический товарообмен, как он уже сегодня систематически подготавливается немецким руководством, должен развиваться организм этой становящейся новой Европы». Онкен настаивал также на том, что Германия должна сохранить за собой часть колоний, чтобы вновь мог регулироваться доступ в Африку. «Германия должна быть руководителем Европы и носителем его нового порядка; с выполнением этой задачи на континент возвратится мир, который приведет к счастливым временам», - заключал историк.

Таким образом, Герман Онкен использовал свой авторитет для оправдания наступательной внешней политики Германии, хотя его представления о немецкой гегемонии не были фёлькиш- или расистской моделью. В его концепции не было места войне на два фронта. Он не хотел, чтобы его страна пошла по стопам французского императора: «Немецкая политика далеко ушла от ошибок Наполеона в 1812г., чтобы из своей естественной сферы влияния выйти в русский мир, несущий в себе собственный закон жизни». В 1941г. Онкен уже не поднимал тему военного положения Германии.

Кёнигсбергский историк Курт фон Раумер, напротив, проявлял активность в освещении военных тем. В марте 1941г. он написал статью для оккупационного органа «Краковская газета» под названием «Немецкое жизненное пространство и европейский жизненный порядок». Раумер рассматривал немецкую историю с точки зрения ее осуществления через «вечную силу немецкого народа и пространства», поставив задачу согласовать «господствующую политическую форму, жизненное пространство и европейское развитие». Исходная предпосылка статьи объясняет сложившуюся ситуацию немецким центральным положением, в котором предназначением природы история сплавляет страну и народ Центра в один блок для ответственной реализации великой европейской задачи». – Политическая легитимация национал-социалистической политики открыто и просто подтверждалась традиционно геополитической, а также народнической аргументацией.

Курт фон Раумер исходил из Средневекового Рейха Оттонов, салических /приморских/ франков и Штауфенов, как обширного союза немецких народностей и земель. Для него важным было то, что этот Рейх вобрал граждан других национальностей, в результате чего «сложились предпосылки для объединения и европейского руководства близко расположенными народами». Распад этих подвластных германцам областей через образование независимых государств – от Швейцарии до Голландии – Раумер считал враждебной Рейху акцией Франции.

В июле 1940г. Александр фон Мюллер писал в «Историческом журнале»: «Очертания будущего оформления немецкой истории уже становятся ясно видимыми. Совершенно новый порядок на нашем континенте должен стать полным изменением отношений между державами». В «Фелькишер Беобахтер» Мюллер объявил, что «революционная война за новый социальный и мировоззренческий порядок» состоялась, и что переживается «новая эра», в которой немецкий народ является «первенцем этого нового мирового возраста и первым творческим борцом за сознательное преобразование Европы». Содержанием этой новой эры историк назвал падение господства морской державы, парламентской демократии и капитализма с помощью воздушной и наземной силы, автократического государства и «народного социализма». Объектом оформления требований становился уже не только европейский континент, но весь мир. Главной же целью должна была стать Европа, организованная «из органически ответственного немецкого центра на новых социальных принципах», а также – «порядок и мир в ее крупных народах и естественных народных группах».

В 1940/41 годах избежать очарования силы смогли лишь немногие и, как правило, маловлиятельные историки. С.А.Каелер в письме Майнеке выразил опасения о возможном проигрыше войны и ожидаемой враждебностью к Германии утомленных войной государств. Открытому воодушевлению Герхарда Риттера немецким успехами противостояла робкая оппозиция лейпцигского историка **Отто Фослера** /Vobler/, который в июле 1940г. на Коллоквиуме по внешней политике и государственному информированию высказался «по вопросу мира в нашем мышлении и действии». Фослер обсуждал и отверг идею Канта о вечном мире, как и концепцию Гегеля о неограниченной власти государства. Историк описал войну как полезное, но аморальное предприятие. Эта противоречивая формулировка выявила обезоруженное яркими событиями либеральное сознание, не достаточно национальное, чтобы стать ясным и твердым.

Из-за концентрации внимания на подготовке вторжения в СССР будущее Франции не укладывалось в единую концепцию. Оккупационная политика здесь, как и в других западноевропейских странах, по идеологическим и историческим причинам явно отличалась от той, которая практиковалась в Польше, а затем в Советском Союзе. Планы германизации в Западной Европе отличались мягкостью проведения, а культурная и экономическая политика оставляла достаточно свободы для самостоятельного национального выраже-

ния. К «великодушной, граничащей с заботой о французской культуре» оккупации, **Е.Йекель** отнес немецкую выборку из французских архивных фондов, к которой были причастны историки. Как члены Архивной комиссии, они работали по запросам министерств финансов, иностранных дел, СС и других учреждений. Под руководства министерства пропаганды были обработаны свыше 20 тысяч объектов хранения. Изучение документов обнаружило, среди прочего, ценные материалы о подготовке мировой войны еврейскими банкирами Уолл-Стрита и британскими финансовыми кругами.

Среди научных институтов, учрежденных в оккупированных областях, крупного значения достиг *Рейхсунiversитет Страсбурга*. Факты об исследованиях этого Университета в области медицины с применением опытов над заключенными, распространявшиеся после войны, не нашли серьезного документального подтверждения. К тому же медицинская сфера занимала в его работе ничтожно малую часть. Гитлер поставил перед Университетом задачу «любыми способами персонально и разумно содействовать распространению достижений немецкой духовной жизни на романском Западе». Эрнст Анрих, как уполномоченный руководства доцентуры Рейха и доверенное лицо шефа гражданской администрации Франции, незамедлительно приступил к работе.

В рамках подготовленной концепции 129 ординариусов и внештатных профессоров получили работу и щедрое финансовое содержание. На философский факультет Университета в начале 1941г. были приглашены пять ординариусов. Среди них – Франц Петри с поручением «исследовать германское народное наследие в юго-восточной Франции и Швейцарии», Гюнтер Франц /история реформации и Тридцатилетней войны, а также история «немецкого народного организма/, **Штах** /Stach/, Анрих и Хаймпель. Они получили задачу, исходя из национал-социалистического мировоззрения, смоделировать практику распространения немецкой идеи о новом порядке Великогермании в Европе.

В этот период и позднее систематически развивалась концепция «немецкого духа», но национал-социалистическую гегемонию на Западе историки обсуждали весьма скупно, очевидно из-за недостаточной разработанности этой модели. Картина французской истории в изложении немецких ученых была отмечена разными тенденциями. Особому рассмотрению подвергалась внешняя политика Франции. Отмечалась ее агрессивность, особенно на Рейне, и неспособность к руководству Европой. В выпущенном в 1940г. издательством «Народ и Рейх» сборнике приняли участие историки: Э.Анрих, Р.Кремер, К.фон Раумер, М.Шпанн и Ф.Штайнбах. Теперь, когда «можно было отказаться от строгой сдержанности в западном вопросе», они сформулировали задачу описать «западное пространство в его функции, как части Европы».

С народническими геополитическими аргументами, со ссылкой на *Volksboden* и на единство пространства Маас-Мозель-Рейн, через обоснование «историей, кровью и почвой» Штайнбах, Шпанн, Раумер и Кремер рас-

пространяли немецкие претензии на Францию, Нидерланды и Люксембург. Адольф Хельбок доказывал, что в этих странах процессы «выращивания и отбора» проходили значительно слабее, чем в Германии, выделяя особенную неполноценность Франции в этом отношении. Анрих подчеркивал недостаток расового сознания у этой страны, «лишенной нордического качества», и осуждал продолжительное влияние евреев, из-за чего эта страна переживала упадок.

Обобщенный образ Франции запечатлен в пятом издании книги Йоханнеса Халлера «Тысяча лет немецко-французских отношений» /1941/. (7). «С развертыванием силы, кажется, превышающей всё возможное, и благодаря руководству, которому может завидовать мир, Германия повергла в прах врагов на Востоке и на Западе, открывая свободный и светлый взгляд в будущее», - писал Халлер. Именно сейчас, считал историк, необходимо помнить о тысячелетних немецко-французских связях. В 1943г. была опубликована «Французская история» Петера Рихарда Рохдена, которую он рассматривал в традиционной политико-династической перспективе. Историк утверждал, что французская гегемония «всегда означала для Европы анархию». «Способна ли еще французская нация к творческому действию и желает ли она вспоминать о своей европейской задаче?» - заключал он с сомнением.

Боннского профессора **Ганса Халльманна** /Hallmann/ в 1942/43гг. занимала проблема ослабления Франции через «руководящую форму парламентской демократии», как оно проявлялось во внешнеполитической деятельности. В этой связи он указывал на постоянную слабость этой страны в выборе руководящих деятелей в сравнении со Средневековым немецким Рейхом, и на то, что французская государственная форма во многом уступает национал-социалистической системе руководства. «Франция должна готовиться к возвращению устойчивого состояния, которым она обладала в кайзеровское время Средневековья в составе сильного Немецкого Рейха», - считал Халльманн.

В 1943г. тенденция, подчеркивавшая западноевропейское единство в отношении врага на Востоке, претворялась в идею немецко-французской общности, заглушавшую мотивы подчинения Франции и акцентирования «нового порядка в Европе». В это время появилась работа **Вальтера Кинаста** /Kienast/ о принципах немецко-французских отношений в императорскую эпоху под названием «Внутреннее единство германо-романских народов», которое, по его убеждению, должно определять судьбу Европы также и в будущем. Историк признавал «долгом чести» быть справедливым к противнику, которого» нужно понять из его собственных предпосылок». Кинаст даже критиковал «необоснованное беспокойство немецких историков злоупотреблениями и насильственными действиями Франции на западной границе в прежние времена», называя их «здоровым толчком к распространению свежей жизненной силы». С этим пониманием сочеталось признание историком «европейской руководящей силы» и «властного порядка, установленного

Немецким Рейхом». Кинаст мог позволить себе эту вольную формулировку с позиции победителя, так как германская гегемония вытекала из критического ослабления Франции.

Европоцентристское сознание немецких историков дополнялось концепциями, выходящими за пределы Европы. Как было сказано выше, Г.Кюнтцель в 1941г. предлагал испытать новую мировую систему в действии. К.А.фон Мюллер в наступающем *völkisch*-порядке видел возврат к старому миру в его лучшем для немцев виде, а Г.Онкен потребовал права на немецкие колониальные владения в Африке. Требование выйти за пределы европоцентристских перспектив сформулировал прежде других Эгмонт Цехлин в 1940г. Тогда он преподавал историю в Марбургском университете, затем перешел в Гамбург и, наконец, обосновался в Берлине, где стал университетским профессором заокеанской и колониальной политики на факультете изучения заграницы. Одновременно Цехлин руководил отделением колониальной истории в Исследовательском совете Рейха. Он видел свою задачу в создании научных предпосылок для будущей колониальной деятельности Германии.

В декабре 1940г. в «NS-Monatsheften» появилась статья Э.Цехлина, написанная совместно с известным идеологом Георгом Лейбрандтом из службы Розенберга. В ней были сформулированы на научной основе перспективы европейской сферы господства. Наука, говорилось в статье, должна изучать весь окружающий мир, а народы необходимо исследовать «не только как субъекты европейской принадлежности, но в их собственных жизненных условиях, в присущих им формах, с их расовыми и пространственными предпосылками». Это служило обоснованию требования признать Германию, Италию и Японию «носителями нового мирового порядка». Авторы допускали возможность участия стран Оси в войне в заокеанских странах.

В декабре 1941г., после вступления в войну США, Цехлин интерпретировал ее как борьбу представленных Германией и Японией «великих жизненных пространств» /*Groß- und Lebensräume*/ против американо-англосаксонских устремлений к мировому господству «долларового империализма». В США и Англии, а не в Советском Союзе /!/ Цехлин видел главного противника Германии. Он писал: «Народ европейского центра в течение тысячелетия был лишен национальной государственной формы и полагающегося ему положения в мире. Сегодня Германия в союзе с Италией твердой рукой приняла миссию, придавшую глубокий исторический смысл борьбе нашего времени. Это задача, которая через сообщество культур и политическую историю судьбоносно связала народы истории, чтобы вместе привести их к единой жизненной форме». В 1942г. Цехлин вновь описал войну со стороны Германии, как европейский объединительный процесс и подготовку нового порядка на основе «идеи социальной общности народов и естественного жизненного пространства». – Германия должна стать ведущей силой этого процесса «с органическим включением европейских народов в немецкий мирный порядок»». К европейскому великому пространству Цехлин от-

нес будущие немецкие колонии. Он рассматривал Африку как «естественное тропическое дополнение к европейской экономике».

Подобно Цехлину, Петер Рихард Рохден ожидал, что его современники в 40-е годы станут свидетелями всеобъемлющего переломного процесса, в рамках которого старая система государств сменится новым великопространственным порядком под руководством держав Оси. Его «новая рейхсидея» связала идеологию великого пространства со старой рейхсидеей. Рохден полагал, что «великое пространство /Großräume/ будет установлено с помощью народа Рейха /Reichsvolk/ благодаря естественной силе воздействия природы и истории этого пространства». Равным образом Адольф Рейн в работе 1943г. предполагал, что «с перестройкой Европы подобный процесс пойдет на Дальнем Востоке... Это будет каждый раз осуществление потребностей оседлых народов, противоположное империалистическим действиям мировых держав».

Снова и снова указывалось, что сегодня, когда миновала эпоха европейского господства над миром, в Европе должна быть узаконена немецкая гегемония, так как в конкурентной борьбе на континенте примут участие также неевропейские регионы, и Европа сможет выстоять в этой борьбе только под единым руководством. В 1944г. вышла работа Эгмонта Цехлина, писавшего, что еще в 1942г. «нужно было прекратить эту бессмысленную войну в западноевропейском пространстве». Его публикации с 1940 по 42 год подтверждали убежденность немецких историков в том, что на базе военных успехов национал-социалистическая Германия могла управлять Европой, а Африка попасть в колониальную зависимость от нее. Так планировалось разделение обширной части мирового пространства между Германией, Италией и Японией.

В мае 1940г. были оккупированы Нидерланды, Бельгия и Люксембург, место которого в национал-социалистической концепции было вполне самостоятельным. Затем с молниеносной победой над Францией – главным конкурентом в борьбе за континентальную гегемонию, стало ясно, что в Европе будет установлен подчиненный Германии порядок. Немецкие историки подчеркивали экономическую и культурную самостоятельность этих стран в перспективе политического единства континента под гегемонией Германии. Позиция Рейха в отношении Нидерландов была особенно ясной. Здесь уже в мае 1940г. Рейхскомиссариат, подчиненный Зейсс-Инкварту, сменил военное руководство. Так была продемонстрирована тесная связь этого государства с Рейхом. Наряду с экономическими выгодами преследовалась цель постепенно склонить население Нидерландов к принятию национал-социалистической идеологии. Публикации Рейхскомиссариата о «Нидерландах в переломное время» выполняли поставленную Зейсс-Инквартом задачу «изучения старого и нового путей двусторонних отношений».

Историки подчеркивали, что несмотря на совершённое немецкими князьями отделение этой страны от Первого Рейха, «сохранились экономические и культурные связи между обоими германскими народами...на базе значи-

тельной общности крови». О месте, приготовленном Нидерландам в германизированной Европе, не было точных указаний. Речь шла о «новом товариществе и предстоящей судьбоносной общности». При этом преследовалась цель оставить возможность этой стране «самостоятельно найти путь в будущее германо-европейское великое пространство... В народе Нидерландов должна пробудиться потребность идентификации собственной экономической и культурной жизни с немецким центром», - говорилось в публикации Рейхскомиссариата. В 1941г. была предпринята попытка наладить совместную работу широких буржуазных кругов с фашистскими группами Нидерландов, завершившаяся частичным успехом. – Промышленные объединения этой страны с выгодой для себя работали на немецкие военные нужды. В 1943/44гг. была, наконец, принята концепция СС о постепенном введении страны в Великогерманский Рейх.

В другом положении оказалась Бельгия, находившаяся в военном управлении почти до вступления союзных войск на ее территорию. В прямой временной связи с немецкой оккупацией западных стран стояла работа кельнского историка Франца Петри «Нидерланды /Голландия и Бельгия/ и Рейх» (8), которая подавалась как историческое отражение актуальности отношений этих стран и Германии. Историк написал большую часть этой работы перед началом военного похода на Запад, а завершил ее по его окончании. Петри объяснял старую нидерландскую общность и ее связь с Немецким Рейхом. Исходным пунктом этой трактовки стала общая история и родственность между немцами и населением Нидерландов с народнической /*völkisch*/ точки зрения. «Первоначально в Нидерландах развивалась германская жизнь. Прежде всего, язык указывает на то, что не природа и происхождение, но исключительно различное историческое развитие немецкой и нидерландской народной общности отделили друг от друга близкородственные народы», - сообщал Ф.Петри.

Историк подробно остановился на процессе этой дифференциации и распада общности. Он объяснил отделение Нидерландов разрушением старого Рейха, особенно в пограничных районах, а также продвижением Франции. Франц Петри не признал уважительным предоставление независимости Нидерландам после крушения наполеоновской империи. Мятежи и движение к независимости в их пределах он интерпретировал как «борьбу вокруг германского клочка земли», в которой «германский инстинкт обороны» против Франции имел жизненно важное значение. В обращении же Нидерландов к Франции Петри видел тенденцию исключительно высших слоев общества, которую он охарактеризовал как «далекую от народа духовную позицию».

Историк стремился к пониманию сложной реальности в отношениях нидерландцев к немцам, ссылаясь на «расходящуюся политическую фундаментальную позицию с XIX века» и страх нидерландской буржуазии, вытекавший из пацифизма, воспринятого у Эразма Роттердамского. Антагонизм Голландии ограничивался, по его мнению, тем, что «небуржуазное большинство» этой страны добивалось дружбы с Германией, отвергая «поддержку за-

падной военной политики в отношении Рейха». Он утверждал, что немцы и фламандцы вместе борются против общего врага – Франции, рекомендуя вести политику «уважения и признания всех истинных нидерландцев» и осмотрительно содействовать пронацистским тенденциям. «Земля, которую Голландия сохранила в собственной высокой традиции, порождает творческие усилия. Если страна обратится к своим первоначальным корням, она вновь достигнет внутренней связи с силами, под знаком которых однажды возникнет новая Европа... Благодаря возможно более тесной связи с Нидерландами «общий германский мир мог дать жизнь непоколебимому германскому народному единству», - писал Петри. Непосредственно перед Западной кампанией историк потребовал от этой страны внутренней ориентации на новую руководящую силу в Европе.

С Бельгии дело обстояло иначе. Петри подчеркнул ее привязанность к Франции и связанное с этим дистанцирование от Германии. В «офранцуженной Бельгии» настрой фламандцев учитывался как пронемецкий, тогда как южнобельгийские валлоны были скептически настроены к национал-социализму. Франц Петри критиковал нейтральную, но фактически прозападную политику Бельгии, хранившую опасность антинемецкого союза. Политическому нейтралитету Голландии и Бельгии в его концепции не было места. Французское влияние в этой трактовке всегда отождествлялось с буржуазией и демократией. Ориентируясь на официальную немецкую позицию, Петри воздерживался от радикальных призывов к подчинению голландцев и бельгийцев. Позднее он, однако, открыто взял под сомнение целесообразность существования малых государств на Западе.

К немецким историкам, занимавшимся отношениями Голландии и Бельгии с Германией, кроме Франца Петри, принадлежали: Ф.Штайнбах, Л.Юст, М.Шпанн, Курт фон Раумер и молодой ученый Вернер Ризе. Последний, как и Петри, был активным чиновником оккупационной администрации. Штайнбах занимал должность приглашенного профессора в Генте. Юст, Петри и Шпанн публикациями в ежедневной «Брюссельской газете» содействовали работе оккупационных властей. Петри и Эрих Кейзер печатались также в издаваемой с 1943г. рейсхкомиссаром Зейсс-Инквартом газете «Westland». В Брюсселе демонстрировалась в специальном варианте пропагандистская выставка «Немецкое величие», находившаяся в компетенции историков.

Все названные ученые на различный лад обосновывали ориентацию Голландии и Бельгии на руководящую немецкую роль в Центральной Европе. Публикации в период с лета 1940 до конца 1943 года представляли сходную картину. После начала войны с Советским Союзом настойчиво подчеркивалась германская общность. Здесь были представлены три вида аргументации – народнический, геополитический и государственно-политический.

Такие авторы, как Мартин Шпанн и фон Раумер, обратились к старой гипотезе организации Рейха с включением системы рек Рейна, Мааса, Шельды и Мозеля. Бисмарковский Рейх 1871г. показывался в этой перспективе как

«остаточное единство», так как тогда его «естественное единство» с включением Рейнской области не могло быть реализовано. – «Из тела Старого Рейха были вырезаны зависимые от Запада малые государства». В изданном министерством пропаганды выставочном каталоге Пауль Вентцке придерживался тезиса, что «только на полном обладании обоими берегами Рейна покоится величие и сила Рейха».

Наряду с этим тезисом часто указывалось, что существование независимых малых государств не должно быть поддержано, прежде всего, из-за противоречий между Германией и Западом. Ссылка на предполагаемую прозападную ориентацию этих стран служила оправданию немецкой агрессивности: «До 1940г. оба нидерландские государственные образования /Staatswegen/ оставались британской передовой зоной». - Голландия и Бельгия, утверждал Юст, имели выбор между ориентацией на Немецкий Рейх или «существованием в виде придатка западноевропейских держав». Такой, по его мнению, была Бельгия в XIX веке – «политически пустое пространство без собственного властного оформления и без своих государственных традиций». – Сегодня, в 1943г. Голландия и Бельгия должны усвоить, что «часть может преуспевать только в связи с целым». – «Нидерланды были не более, чем плацдармом Запада, вырезанным из центральноевропейского Рейха, к которому они первоначально принадлежали». «В Нидерландах с древности здоровая жизненная фламандско-брабантская сила и, можно сказать, сила всего германского Volkstum сохранилась через тысячелетие вопреки политическому и культурному иностранному засилью до нового времени, когда открылся путь к свободному развитию... Французское влияние захватило только высшие слои, но не затронуло народную, почвенную субстанцию», - заключал Юст.

В статье «Новые Пропилеи мировой истории» Альберт Бракманн заявлял, что до 1939/41гг. могли существовать основания для подобного представления о государственном устройстве таких стран, как Нидерланды, Бельгия и Швейцария. - «Но теперь, когда выяснилось, что развитию всего континента через подобные малые государственные структуры мог быть нанесен чувствительный ущерб, когда они не осознают границы своих политических задач и своей силы, немецкие историки должны руководствоваться другими критериями и учитывать, что малые страны могут иметь значение только в рамках широкой общности».

Среди авторитетных немецких историков, работавших в 40-е годы над немецко-нидерландскими отношениями, был Вернер Ризе. В обширной исторической работе на соискание профессорского звания «Нидерланды и Новый Рейх», вышедшей в 1939г. в Берлине незадолго до смерти автора /1941г./, «пламенный национал-социалист» Ризе, намеревавшийся закончить свою работу после победы, поставил задачу исследовать глубокую и продолжительную связь Нидерландов и Рейха и объяснить причину того, что, несмотря на «природой установленное единство», могло произойти разделение двух стран. Такие уважаемые историки как В.Андреас, Ф.Рёрих, А.О.Мейер и

Франц Петри, в рецензиях называли описание истории Ризе «высшим достижением в исследовании», подчеркивая ее новаторство и политическую актуальность. Петри увидел в работе Ризе «революционный переворот в понимании нидерландской истории». Собственные исследования Франца Петри показывали Нидерланды исключительно как часть «всеобъемлющего германского целого».

Андреас, Петри и Франц Штайнбах опровергали утверждение нидерландской исторической науки о социально-экономической и культурной самобытности европейского Северо-Запада. Теперь их работы получили дополнительный актуально-политический вес. В 1943г. Петри писал: «Требования правящих кругов Нового Европейского Порядка, в котором мы находимся около четырех лет, придали непредвиденную политическую актуальность вопросу о западных границах». Штайнбах и Петри уже считали необоснованными представления 20-30-х годов о языковой границе, как единственном естественном рубеже между Западной и Центральной Европой. Геополитическая ценность и народнические соображения теперь определяли идеологию общности различных частей Европы. По мнению Петри, «на месте резкой границы между Германией и Румынией прошла теперь пограничная полоса, охватившая всю зону между Луарой и Рейном, и чья внутренняя ориентация на германский Центр или романский Юг каждый раз зависела от преобладавшего в Европе властного и культурного напора».

Работа Вернера Ризе также подтверждала, что «ни в народном, ни в культурном смысле Нидерланды не были отделенными от единства с Германией. Через актуальную переоценку всех политических ценностей и господствующих отношений со всей неотложностью должен быть поставлен вопрос о происхождении значения самостоятельности нидерландского мира в отношении Германии». Франц Петри, как и Ризе с 10 мая 1940г. работал в Бельгии на ответственных культурно-политических должностях. Он был военным советником в управленческом отделе Военно-административного штаба и референтом в группе 3 по немецкой и фламандской народностям, а в группе 4 – референтом по Высшей школе, науке и исследованиям. При оценке фламандского влияния в Бельгии и Северной Франции Франц Петри играл важную роль. Так, летом 1941г. он составил памятную записку для командующего вооруженными силами о великофламандских устремлениях в Северной Франции, добиваясь отторжения этой области от Франции и ее включения в Великие Нидерланды /Groß-Niederland/.

Во вступительной речи в должность ординарного профессора в Кёльне Франц Петри соглашался с правомочностью требований, как фламандцев, так и валлонов на северофранцузскую область. По мнению историка, «народный характер /Volksart/ должен повлиять на промежуточное положение этой территории». Петри неоднократно указывал на то, что романо-германскую границу в значительной мере определяет «народно-культурная общность преимущественно нордическо-германского происхождения». Конкретно он не высказывался о новом пограничном «розыгрыше» в этом районе. Историк

говорил о значении языка, как критерия пограничного оформления в будущем и о своем вкладе в устранении опирающихся на языковую общность границ при переходе к основанной на *völkisch*-принципах Европе под немецким руководством. Альтернативой планам разделения Бельгии была ориентация Фландрии и Валлонии на совместное введение в Немецкий Рейх.

Одновременно с составлением упомянутой Докладной записки Штуккарта в «Брюссельской газете» была опубликована статья, которая, как и ряд других текстов 40-х годов, показала сопротивление военного руководства любому обоснованию самостоятельного существования Бельгии. Статья агитировала за вступление этой страны в «германскую» /*germanisch*/ Европу, руководимую немцами. Валлоны должны были признать, что возврат к их традициям возможен лишь «после того, как германцы оформят открытый пограничный район в рамках этого единства».

В статье, озаглавленной «Бельгийская идея и германское народное наследие» /«Бельгийская газета», 1941г./, Ф.Петри рассмотрел два варианта бельгийского мышления. Он решительно отверг предположение, что Бельгия осуществило социально-экономическое развитие силами собственной цивилизации и культуры. Петри писал о «малоценной народной силе» и «бельгийском мифе, ненародном в своей основе /*unvölkisch*/, преимущественно западноевропейско-французском и потому либеральном». Сдержанной была его оценка второго, профашистского варианта бельгийского мышления: «Признание принципа порядка, развитого авторитарными государствами, и его антифранцузская тенденция содержали определенную возможность развития в будущем. Франц Петри скептически относился к внутрибельгийским идеям профашистского толка и к их способности подвести фундамент под самостоятельное государственное существование Бельгии. «Необходимо учитывать все силы, связывающие Бельгию с германским миром, и понимание того, что фламандско-валлонское расовое единство подтверждает право на сохранение современного бельгийского государства в качестве коренной германской области», - писал он.

Эта интерпретация была подкреплена Петри в докладах 1942/43гг. и в статье журнала «Westland» /1943/, которая с удивительной откровенностью нападала на бельгийское стремление к автономии, тогда как германская европропаганда в целом концентрировалась на антибольшевизме и сдержанно освещала аннексионистские планы национал-социализма. Историк занимался Валлонией, как «явно германо-романским пограничным районом, чье население должно быть понято как важный германский компонент». Требование научной солидности сочеталось здесь с расово-биологическим восприятием в контексте исследований, выполняемых в Валлонии по инициативе рейхсфюрера СС Гиммлера.

В 1942г. Франц Петри ссылаясь в одном из докладов на «расовый фундамент народностей» /*Volkstümer*/. С точки зрения «современного расового восприятия» он теперь не видел смысла в резком разграничении фламандской и валлонской областей, но предлагал рассматривать их принадлежащи-

ми к одной «нордической зоне» в европейской структуре. Петри писал: «Существование бельгийского государства в эпоху народнического мышления должно быть оправдано перед лицом народной истории в его в целом нордической государственной сути». Опираясь на подобную историческую аргументацию, ученый приветствовал намерение Валлонии «включиться в великий нордическо-германский фронт». Противоположную тенденцию он относил к «буржуазным элементам», оставшимся в Бельгии. «Народное сознание валлонов через закон истории приведет к тому, что они вступят в плодотворное взаимодействие и симбиоз с германо-немецким миром», - утверждал Петри.

Он вновь и вновь говорил о том, что независимым нидерландскому и бельгийскому государствам нет места при национал-социалистическом порядке в Европе. В 1943г. Петри настаивал на том, что руководство объединенной Европой должно находиться в руках Великогерманского национал-социалистического Рейха, благодаря чему может быть создана принципиально новая ситуация также для германо-романской пограничной области по Рейну и Маасу, Мозелю и Шельде. – «Новые, указывающие в будущее силы господствуют в немецком мире. Они должны быть способны к любым действиям, от которых их величие не позволит никогда уклониться... Страстное желание найти путь к европейскому порядку обновляет ранние идеи о Рейхе в духе времени, преобразуя их в новую европейскую форму, в мышление о подлинном социальном строительстве... Конкретная форма нового Рейха еще твердо не установлена, однако уже сегодня началось оформление этого нового порядка на Западе, который неминуемо должен находиться в гармонии с историей европейских стран», - утверждал Франц Петри.

Историческая аргументация подвела фундамент под национал-социалистическую политику. Это показала и выставка «Немецкое величие», показанная бельгийской публике 16.03.- 30.04.1942г. в приспособленном для этой страны варианте. Каталог выставки предваряли комментарии группы культуры военного руководства, которой руководил Франц Петри. Фландрия и Валлония были представлены здесь «в неразрывной связи и контактах с германо-немецким миром». Указывалось, что Валлония также «глубоко в своей крови и сути несла нордическое наследие» и, несмотря на политический процесс дифференциации в прошлом, «продолжала выпрямление своего народного и культурного устройства, соответствующее ее природой и историей заданной связи с Германией». «Бурные дни в мае 1940г. разрушили ядовитые фантазии сторонников выделения страны из единой общности», - писал Франц Петри.

«Для того чтобы Европа и в будущем сохранила ведущее место в мире, творческие силы национал-социалистической Германии должны содействовать ее единству и сплоченности», - считал историк. Он назвал Бельгию «предпольем германо-немецкого центра нашего континента с его замечательным прошлым». В каталоге выставки было сказано, что «на место враждебного народу прозападного централизма должен прийти порядок, который

сохранит народное единство в двух естественных частях страны – фламандской и валлонской». Подразделения СС из Фламандии и Валлонии, добровольно несшие трудовую повинность и организующие экономические связи с Германией, выставлялись образцом для подражания остальной частью населения.

Кроме Ф.Петри, право на самостоятельное существование стран северо-запада с различными аргументами оспаривали Шпанн, Раумер, Юст, Бракманн, Штайнбах, Андреас и Мейер. Еще в конце 1943г. притязания на немецкое руководство этими территориями сохраняли силу и дополнялись призывами к активной «защите нашей западноевропейской культуры от большевизма». Наряду со стараниями показать политическую необходимость и историческую закономерность вхождения Голландии и Бельгии в национал-социалистическую Европу, после 1941г. предпринимались попытки склонить Нидерланды к антисоветской борьбе и к экспансии на Восток. К идеологическому обучению добровольцев из этих стран подключились немецкие историки. Х. Грундманн, Рёрих, Франц и Андреас в интересах мобилизации для похода против СССР объясняли «германским офицерам» смысл «германской общности».

Исследовательские объединения фольксдойче участвовали в разработке акции по заселению нидерландцами оккупированных территорий Востока. Летом 1942г. по инициативе данцигского историка Э.Кейзера разрабатывались планы национал-социалистической поселенческой политики на Востоке, как отклик на призыв Зейсс-Инкварт к содействию исторической науке. В феврале 1943г. годовая конференция Северо- и Восточнонемецкого исторического сообщества в Позене занималась выяснением и анализом исторических связей Нидерландов в восточном пространстве. Нидерландские общественные круги также изучали возможность расселения значительной части своего народа на восточных территориях. На Позенской конференции Кейзер и Бракманн призывали не афишировать эти планы, по мнению историков, отвечающие традициям нидерландцев. «В нидерландских народных песнях обнаруживается стремление средневековых германцев к освоению пространств на Востоке», - указывалось в выставочном каталоге /об активном участии голландских купцов в предприятиях Ганзы говорилось выше/.

В различных публикациях Эрих Кейзер называл связь Рейна с Вислой «жизненной артерией немецкого народного организма» и говорил о «судьбоносной тождественности» Западной Пруссии, Фландрии и Голландии, подтверждая ее 700-летним опытом общей активной торговли. Изложением экономических и торговых отношений, как и участием Нидерландов в колониальном движении в восточной Европе, доказывалась необходимость конструировать долгосрочный путь на Восток. Большевизм изображался врагом, намеревавшимся уничтожить «столетиями выполнявшуюся работу». – «Задача современного европейского союза народов состоит в том, чтобы защитить свое наследие на Востоке». В персональной и институциональной кооперации с оккупационными властями и в акциях мобилизации нидерландцев для

восточной экспансии осуществлялась особенно тесная связь национал-социалистической политики и научной работы.

Фашистская Италия, как важнейший партнер по союзу с Рейхом, немецко-итальянские связи и «Ось» трех держав до лета 1943г. /свержение Муссолини/ были темами, которыми активно занимались немецкие историки. Проводились различные параллели между античным Римом и современным итальянским государством, господствующим в Средиземном море. Наряду с этим Средневековый Рейх привлекался как прообраз немецко-итальянских отношений, опиравшихся на господствующее положение в Европе. Опора на античность и средневековье, отражавшая актуальную политическую тенденцию, обладала также научной доказательностью, так как население Италии, /прежде всего, ее правящий слой/, в оба эти периода резко отличалось от южных и восточных соседей. Не только в поздней, - но и в раннеантичном Риме, господствовал тип, поведением и внешностью близкий к нордическому. Поскольку древний период Апеннинского полуострова хранит много загадок, историкам еще предстоит выяснить пути его первоначального заселения.

В январе 1940г. ведущий берлинский историк древности Вильгельм Вебер сделал доклад: «Рим: цезаристское видение Муссолини». Он назвал в нем Дуче наследником Цезарей, а фашистскую Италию – реанимацией античного Рима. В этой исторической преемственности, согласно «закону крови и пространства», «жизненному инстинкту» и итальянской «жизненной необходимости», Вебер видел факторы, которые обосновывали право на господствующее положение Италии в Средиземном море. Всё это огромное пространство историк назвал «улицей» Муссолини, в которой этот «полицейский» не стал бы терпеть вмешательства других держав. Оно включало Африку, чье окончательное освоение должно было обеспечить полное господство Италии в Средиземноморье. «Видение великого Рима силой воображения великого героического человека современности станет действительностью», - сказал Вебер.

Параллели между античной и фашистской Италией проводил также Фриц Таэгер, используя для этого геополитические конструкции. В статье «Силовое поле Средиземного моря в истории», опубликованной в «Фёлькишер Беобахтер», он писал о «судьбоносном предназначении» Италии, о полуострове, как «сердцевине ее великого пространства» и вытекающем отсюда праве на господство в Средиземноморье. В этом факте ничего не изменилось со времен античности, если кто-то желает здесь жить по-другому, утверждал Таэгер. Историки использовали сопоставления национальных движений за освобождение Италии и Германии. Обе страны изображались жертвами обмана при раздел мира после Первой мировой войны.

Подробно исследовал эту ситуацию молодой кёнигсбергский историк Теодор Шидер в статье «Фашизм и Империя» для издания «Величие мировой истории» /Die Große Weltgeschichte/. Достаточно объективное изображение событий Шидер сочетал с благожелательным отношением к фашистскому движению. Он назвал Муссолини «созревшим виновником происшедшего»

/Täter/, но хвалил его «творческую работу». Шидер изобразил Дуче «мстителем, совершившим социалистическое превышение власти» вместо преставшего действовать государства. Историк говорил о возникновении фашизма: «Повсюду у молодых и полных жизни народов континента первые элементы творческих политических преобразований возникали из общей солдатской платформы войны». Шидер видел в Италии и Германии «две динамичные нации континента», чья общность нашла выражение в создании «Оси». – Для Италии с развитием экспансионистского движения вовне приблизилась «пора удовлетворения всегда осознаваемого итальянской нацией решающего требования: не иметь больше противников в Средиземном море, но быть там господином. Это требование проявилось в начале освободительной войны, когда Италия 10.06.1940г. выступила на стороне Германии», - заключал Теодор Шидер.

Объявление Италией войны Англии и Франции использовал Вернер Фрауендинст для комментирования фашистской внешней политики. Воодушевленный «братством по оружию», он оправдывал итальянскую экспансию, демонстрирующую, подобно немецким требованиям, историческое право на жизнь. Жизненное пространство, свобода и новый справедливый мировой порядок, считал Фрауендинст, является целью Италии, как и Германии. Отношения обеих держав в 40-е годы нашли у него свой аналог в итало-немецких связях Средневекового Рейха. Вильгельм Шюслер находил, что «Ось соответствовала Рейху в широком смысле». У него «Рейх, как европейский державный порядок», воплощенный в «Оси», играл роль главного фактора европейской организации в истории и современности. Курт фон Раумер подобным же образом объяснял иерархический характер отношений «Север-Юг»: «Не впервые Германия искала и нашла свое пополнение на юге, как это сегодня установлено с помощью Оси и с началом освоения Африки».

Но не только эти знаменитые представители профашистского исторического понимания проявили готовность преобразовать немецко-итальянский союз в постоянную величину европейской истории. Берлинский историк Фриц Баэтген и геттингенский пенсионер Карл Бранди выступали с докладами в Немецком институте иностранной экономики, анализируя «дух и значение» итало-немецких связей, в надежде содействовать смягчению вытекающих из истории разногласий между двумя странами. Выявляя периоды напряженных отношений Италии и Германии, Баэтген старался избегать произвольных параллелей и осторожно конструировал предполагаемые закономерности. Оба историка пытались сблизить несовпадающие позиции двух стран, например, в политике Фридриха I Барбароссы и итальянских городов в середине XII века.

Определеннее выражался К.Бранди, оправдывая экспансионистскую политику. Он не только заботился об укреплении духовных уз итальянского и немецкого народов, но прямо признал законность господствующего положения в Европе держав Оси. Бранди говорил, что Муссолини и фюрер выросли из народа, и что система, базирующаяся на национальных государ-

ствах, должна сменить «механическое соотношение силы государств» на реализацию «здоровых требований великих народов». - «Великая Германия и Итальянская Империя взяли на себя историческую задачу старого Рейха: быть бастионом европейского мира и орудием общего блага своих народов». - Связь обоих государств нуждалась в европейском пространстве, которое когда-то принадлежало Рейху, пояснил Бранди свою позицию в январе 1941г.: «Географическая действительность и мировая история более чем двух тысячелетий позволяют с редкой убедительностью осознать решающие предпосылки для перестройки и удовлетворения всех нужд Европы». С распространением войны на Восток Карл Бранди скорректировал свою позицию. В мае 1942г. он добавил, что только в устойчивой Центральной Европе могут лежать «гарантии против всех государств варварского Востока, а также против возвращения к вечному тревожному соперничеству западных держав друг с другом, или к империалистической политике Англии в отношении континентальной Европы».

В июле 1943г. был свергнут Муссолини, а в октябре Италия объявила войну Германии. Тема «Оси» исчезла из публикаций, но указывалось, что в Италии, как и во Франции, немецкую оккупацию использовали для обеспечения сохранности общего культурного достояния европейских народов. Президент Рейхсинститута древней германской истории Теодор Майер /Mayer/ в 1944г. по предложению шефа СД получил необходимую сумму в рейхсмарках для захвата находящихся в итальянских архивах рукописных материалов по немецкой истории. Платежное поручение подписал глава «Анэнэрбэ» штандартенфюрер СС Зиверс. Именно он руководил Культурной комиссией, занимавшейся с 1940г. регистрацией немецкого культурного достояния в Южном Тироле, а после июля 1943г. – соответствующей операцией в Италии. В мае 1944г. Т.Майер писал официальному немецкому лицу в Риме К.Гриванку о своем желании приехать в столицу Италии для выполнения возложенного на него задания, но Гриванк указал на невозможность этой акции, так как Рим оккупировали американские войска. Сохранившиеся документы на эту тему содержат пробелы, но известно об участии Майера в охране части архивных материалов в тылу отступавших немецких войск.

После победы над Польшей, в Скандинавии и на Западе Немецкий Рейх обрел высшую точку своей власти в Европе. С лета 1940г. историческое сообщество демонстрировало широкую поддержку военной политики Германии. Ученые с международным авторитетом, молодые историки и заслуженные пенсионеры открыто защищали немецкую войну в Европе и расценивали господство Германии как благо для континента. Диапазон этих оценок простирался от сочувственных политических комментариев в научных работах до участия в пропагандистских инициативах государства и партии, а также в создании концепций, оправдывавших экспансию. При этом ведущие историки, как правило, воздерживались от самооценки по поводу изменения политически мотивированных позиций в своих исследованиях.

Ученые из сферы естественных наук и научно-технической области еще в 1937г. выразили готовность способствовать интенсивному вооружению Рейха через свое участие в Четырехлетнем плане экономического развития и в учрежденном тогда же Исследовательском совете Рейха. Затем в начале войны представители гуманитарных наук последовали их примеру в усилиях систематически использовать свои знания для нужд военного производства. Группа преподавателей высших школ через «Кильскую газету» предложила рейхсминистру воспитания Б.Русту «с воодушевлением мобилизовать силы немецких гуманитарных наук для совместного достижения единства и свободы немецкого народа». Как указывалось, в 1940г. под руководством Руста было основано «Военное подразделение гуманитарных наук». В качестве уполномоченного от министерства действовал ректор Кильского университета, юрист Пауль Риттербух. Финансирование осуществляло Немецкое исследовательское объединение. Среди национал-социалистических организаций, конкурировавших с «Военным подразделением», выделялось активностью ведомство А.Розенберга, но его усилия поставить под контроль эту гуманитарную структуру были безуспешными.

Уже 27-28. 04. 1940г. в Киле прошла первая конференция «Военного подразделения». В последующие месяцы собирались писатели, германисты, англоведы, географы и историки для составления рабочих планов своих действий. На конференции ректоров высших школ в ноябре-декабре 1941г. в Страсбурге в рамках «Военного подразделения...» была проведена акция инструментализации науки в поддержку немецкой экспансии. В высшей технической школе Берлина демонстрировалась выставка книг и документов «Немецкая наука в борьбе за Рейх и жизненное пространство». К.Гриванк подчеркивал «значение духовного оружия, которое поставляют история, география, государственное и народное право и другие науки для борьбы за существование и будущее положение Германии. Они дают возможность всегда в новых ситуациях в неожиданном свете оценить все изменения ситуации в стране с немецкой научной основательностью, глубиной и аккуратностью... Немецкая наука о культуре стоит перед категорическим императивом способствовать приведению немецкого образа мысли к окончательной победе». «Военное подразделение гуманитарных наук» проявляло активность почти до середины 1944г.

Важную работу в «Военном подразделении» выполняли представители исторического сообщества. «Немецкие историки осознают свою обязанность применить историческую вооруженность, выведенную в главных пунктах из развития прошлого, для объяснения характера текущей войны и предстоящего Нового Порядка в Европе... Они признают политический характер науки». – Это заявление сделали в феврале 1941г. руководители исторического отдела в «Военном подразделении...» Теодор Майер и Вальтер Платцхофф. В программе «Военного подразделения» перед гуманитарными науками, прежде всего, перед историей была поставлена задача «заняться проблемами текущей войны, борьбой за европейский порядок, его исторической основой и

силами, которые он несет, а также с которыми боролся в прошлом, и которые он, безусловно, разрушил в настоящем», - указывал Теодор Майер.

Планирование управления научной деятельностью всегда было заботой национал-социалистической власти. В 1940г. официально проектировались планы унификации управления научными и исследовательскими организациями после войны. В статьях, появившихся одновременно с Нюрнбергским историческим съездом /1941/, Т.Майер требовал, чтобы «общий план и единая цель были установлены для выполнения задач исторической науки, и первой задачей современности должна стать разработка европейского порядка, а также актуальных послевоенных планов». – Новые политические потребности должны соответствовать «общегерманскому пониманию истории германо-немецкого мира с древних времен». Для реализации великогерманского стремления к объединению необходимо было, по его словам, «спроектировать ясную историческую картину сознания германизированной Европы».

Подобные планы, разрабатывавшиеся в течение войны, значительно опережали ее ход, но послевоенное планирование осталось в зародыше. С созданием «Военного подразделения гуманитарных наук» всеобъемлющее управление исследованиями так и не было достигнуто. Политико-публицистическую деятельность историков не удалось скоординировать. «Политический историк», преподаватель, докладчик, публицист и журналист – все они работали индивидуально. Министерство иностранных дел, служба Розенберга, СС и ряд других ведомств работали самостоятельно, привлекая историков. Положительной стороной этого было разнообразие точек зрения, достаточно свободно конкурировавших друг с другом, что в целом шло на пользу дела.

Армия приглашала историков читать доклады, специальными выпусками издавала их научные работы в доступном для непрофессионалов изложении. Компетентность историков приносила пользу оккупационному управлению в Польше, Франции или Бельгии. «Исследовательским сообществом фольксдойче» руководили министерство внутренних дел, МИД, а позднее Главное управление имперской безопасности /RSHA/. В этой общей научно-пропагандистской системе «Военное подразделение гуманитарных наук» выделялось активностью, в чем была немалая заслуга историков.

Уже в мае 1940г. Майер и Платцхофф на Римской конференции представили программу деятельности историков в рамках «Военного подразделения». Вначале была запланирована разработка темы «Западные державы и Европейский Порядок», но от этого подчеркнуто противостоящего Англии и Франции лозунга затем отказались в пользу пропагандирующего немецкие требования названия «Рейх и Европа». Этой теме был посвящен большой съезд представителей средневековой и новой истории в феврале 1941г. в Нюрнберге. Как и на Эрфуртской конференции 1937г., здесь доминировали ученые из Рейхсинститута Вальтера Франка. Наряду с Майером и Платцхоффом речи произносили Рёрих и Уэберсбергер, историк древности Ганс Цайс и знаменитый юрист Карл Шмитт. Теодор Майер вновь признал политиче-

скую ответственность исторической науки. **Пауль Риттербуш** призвал историков к новому толкованию прошлого, которое признало бы закономерностью единство Европы и его воплощение в немецком руководстве. Ганс Цейс проследил процесс распространения германцев в Центральной Европе и вывел отсюда соответствующее «право и обязанность нашего народа на все времена».

Фриц Рёрих поддержал эти требования. Его работа «Средневековая Империя и поворот к европейскому порядку /1197г./» представила модель для нового европейского порядка. – «Мы стоим в кругу труднейших проблем восстановления значения этой Великой Германии, и однажды мы достигнем другого понимания эпохи, согласно которому немцы будут руководить хотя бы в центральноевропейском пространстве», - писал Рёрих. Он указал на «прямо-таки священное призвание» немецких королей в Западной Европе и на неизбежное распространение сферы влияния европейского Центра от Северного и Балтийского морей до острова Сицилия. На этом фундаменте вырастет общее европейское строение.... Со времени Первого Рейха нас сплачивает сознание того, что только единодушная политическая готовность к действию внутри этого пространства сохранит влияние нашего Центра на Европу и ее порядок», - заключал Рёрих.

Обвинения в эгоистичной и враждебной политике в адрес Англии вновь выдвинул в Нюрнберге /1941г./ Вальтер Платцхофф. В докладе «Английская континентальная политика» он приводил доказательства британской агрессивности, осудив искаженное понятие Англией принципа равновесия в Европе. «Когда сегодня немецкий народ борется за новый действенный порядок в Европе, и берет на себя за это ответственность, то эта борьба ведется не только за собственное право на жизнь и за немецкое жизненное пространство, но и за право на самоопределение европейского континента и его независимость от Англии», - утверждал он. Карл Шмитт говорил о «государственном суверенитете» и свободном море». В преодолении «своеобразия моря» через господство в воздушном пространстве, он усмотрел «новый пространственный порядок» и настаивал на необходимости установить «великопространственный порядок земли», в котором на этот раз ведущую роль должен выполнять немецкий народ.

Другие доклады на Нюрнбергском съезде не стояли в прямой связи с пропагандой нового порядка в Европе. Теодор Майер занимался формулированием принципов земной поверхности государств, развитие которых пойдет на благо европейскому порядку. Ганс Уэберсбергер рассматривал конфликт Англии и России во внеевропейской сфере – вокруг Персии, Афганистана и Индии. Россия, подводил он итог, отказывается быть инструментом Англии и отстаивает собственные интересы в Европе: «Англия работает над тем, чтобы уложить русского медведя на землю за кольцо в носу». Выступление Фрица Хартунга было нейтральным по тону и не добавило принципиальных положения в ход заседаний. Таким образом, это единственное крупное собрание историков между Эрфуртской встречей 1937г. и концом войны носило в це-

лом политизированный характер и свидетельствовало о намерении ученых подтвердить закономерностями истории требования военного руководства.

После Нюрнбергского съезда 1941г. продолжалась активизация историков в рамках «Военного подразделения гуманитарных наук». Она выражалась в проведении малых собраний и в публикациях по теме «Рейх и Европа». Специалисты по древности выпускали самостоятельные сборники работ, в которых нередко игнорировалась военная тематика. Историки Средневековья проводили встречи совместно с рейхсинститутами в мае 1942г. в Веймаре и в ноябре того же года в Магдебурге. Зафиксированы встреча историков древности в апреле 1941г. и собрание историков Нового Времени совместно с преподавателями народного права в июле 1942г. в Веймаре. В мае 1942г. был прочитан реферат Германа Аубина «К вопросу об исторической непрерывности в целом». Отмечено выступление **Хайнца Цатчека** /Zatschek/ из Праги, который говорил о «германском пространственном охвате и государственном строительстве в Центральной Европе», и реферат **Александра Шарффа** /Scharff/ «О великих державах и борьбе за немецкое единство и европейский прядок в 1848-1851гг.» /соответственно ноябрь и июль 1942г./.

Реферат Шарффа базировался на его работе, опубликованной в рамках «Военного подразделения». В восьми изученных сборниках работ историков преобладали темы, связанные с историческими модификациями Немецкого Рейха и его противниками. В труде **Гисберта Бейерхауза** /Gisbert Beyerhaus/ о маршале Фоше доказывалось отсутствие у Франции конструктивной концепции для Европы. Гриванк и Шарфф поместили в сборниках работы о двух попытках учредить европейский порядок в XIX веке. Изданный Т.Майером в 1943г. шестой сборник с анализом сражения под Верденом в Первую мировую войну пропагандировал западноевропейское единство в перспективе установления нового порядка в Европе.

Пауль Вентцке разрабатывал биографию Карла V Лотарингского и роль Лотарингии в Рейхе. Теодор Майер написал работу «Дворянство и крестьянство в немецком государстве Средневековья» с описанием внутренней структуры немецкого жизненного пространства. Вальтер Кинаст исследовал немецко-французские отношения между X и XI веками, сдержанно отразив немецкие притязания на руководство, с отказом от обычной антифранцузской агитации. **Пауль Кирнс** в работе «Из ранней эпохи национального чувства» отказался от прямой актуализации темы, описав «народное пробуждение», как действенную историческую силу уже в раннее и высокое Средневековье.

В двух сборниках **Карл Христ** представил свои труды: «Новая картина античности» и «Рим и Карфаген», в которых, за исключением вступления и предисловия к первой части доминировали вполне традиционные методы и оценки, а прямая связь с современными внешнеполитическими задачами Германии фиксировалась лишь случайно. Гельмут Берве в предисловии к «Новой картине античности» утверждал, что «европейский характер науки о древнем мире /*Alttertumskunde*/ повысил свое значение в дни, когда Европа

намеревалась добиться внутреннего единства и органического оформления под знаком Нового Порядка». В одном из сборников Йозеф Фогт опубликовал работу «Представление о пространстве и пространственный порядок в римской политике», исследовав условия «пространственного господства». В соответствии с актуальным политическим фоном, гарантию успешной экспансии он видел в «народности» и «Фюрере». В работе инсбрукского историка **Франца Милтнера** Фогт с сочувствием отметил использование иррациональных и расовых элементов при описании античности.

По существу, тема «Рейх и Европа» не могла быть актуальной для историка древности. Например, в сборнике «Рим и Карфаген», несмотря на аккуратное применение расовых категорий, конфликт между этими державами не был представлен как расовая борьба. Однако постановке проблемы расового противостояния в разных публикациях содействовали историки: Ф.Таегер, **А.Хойс** /Heuß/, **М.Гайцер**, **В.Энслин** /Enßlin/ и особенно Фогт, Шахермейер и Милтнер.

Если незадолго перед этим в оценке хода немецкой истории центральными пунктами стояла внутригосударственная концентрация, а также политическое обобщение плотности заселения регионов немцами, то теперь их место заняла функция господства во внешнем мире. - Относящееся к Европе развертывание силы представляло намного больший интерес. Уже в 20-е годы «Рейх» был центральной идеологемой национальных сил Веймарской республике. В то время расплывчатая антитеза Веймару и демократии, неясная идея сильной руководящей Германии не была единственной, определяющей внешнеполитической концепцией. Теперь же «Рейх» означал историческую и принципиальную легитимацию немецкого господства над европейскими нациями. Уже оккупации Чехословакии в 1938/39гг., а затем европейского Востока и Франции, породила в историческом сообществе задачу воссоздания европейского порядка и структуры, подобной средневековому Рейху. Война национал-социалистической Германии восстановила видение старых границ и создала новую международную сферу господства. Объединение различных национальностей в политическую организацию под немецким верховенством должно было взять за образец «европейской государственной структуры» средневековый Рейх.

В середине 1941г. часто смешивали понятия «Рейх» и «Abendland». В период войны с СССР «Рейх» преимущественно обозначал притязание на немецкое господство и одновременно общеевропейский идеал. Понятие «Abendland» /Центральной Европы/, напротив, утратило ясное значение. Оно замещалось политической реальностью /рейхсидеей/, подразумевавшей требование господства. Центральная Европа, как было сказано в обобщающей статье «Исторического журнала», являлась теперь политическим фактом, «предварительной ступенью и предместьем Рейха». В соответствии с этим доминировала идея «великого пространства». Здесь проявилась гибкость и политическая функция «подлинно политического понятия» Центральной Ев-

ропы. Содержание же этого понятия, как *географически определяемого пространства*, раскрывалось через понятие суверенитета.

Такой знаменитый представитель центральноевропейской идеи, как Вильгельм Шюслер, в 1941г. представил прочитанный им в 1937г. доклад о Центральной Европе, в обновленном виде, развернув его направление в сторону рейхсидеи. Смысл истории, заявлял он в 1941/42гг., должен быть понят только в соответствии с понятием Рейха, ориентированным на старую рейхсидею. Приемлемой установкой для немецкого исторического сообщества теперь была готовность к экспансии. Грайфсвальдский историк Герман Христерн нашел, что реальность Рейха в сочетании с научным требованием правдивости должен стать «объективным критерием истории Европы», а историкам необходимо представлять каждое историческое событие в гармонии с действительностью Рейха. Вернер Фрауендинст также объявил опорой на Рейх обязательной задачей немецкой науки, которая должна вести «духовную борьбу за Рейх и основанный на нем европейский порядок».

От историков требовалось рассматривать прошлое как исходный пункт для современности, а руководимый немцами Рейх представлять закономерным результатом истории. Но «Рейх» означал не только сожаление о Средневековье. В публикациях 40-х годов это понятие преобразилось в модель, значительно отстоящую от средневекового образца. В центре всех представлений о Рейхе стояла радикальная перестройка всех европейских отношений под доминантой национал-социалистической Германии. Рейх и связанные с ним представления постоянно уточнялись. Примером могут служить четыре выпуска упомянутой выше работы «Новые пропилеи мировой истории» /1940-43гг./, под редакцией сначала В.Гётца, а затем В.Андреаса. В целом изменения сводились к тверже выраженному националистическому взгляду.

Гётц выделял экономическую и духовно-историческую проблематику /индустрия, городское развитие, рабочее движение и т.д./. Андреас же поставил в центр рассмотрения политическую историю, «историю действующих личностей». Как и в 1940г., Гётц писал: «Мы хотим и настаиваем на том, чтобы Европа в поднимающейся расовой борьбе утвердила преимущества новой эпохи». В последних изданиях «Пропилеев» подчеркивалась обязанность учитывать «расово-исторический духовный пункт», тогда как прежде расовые теории квалифицировались в целом как ненаучные. В «Пропилеях» были представлены все основные тенденции национал-социализма: народнические, экспансионистские и др.

В июне 1941г. выделялись две работы, детализирующие понятие Рейха. Кёнигсбергский историк Отто Вестфаль выпустил первый том своей книги «Рейх. Подъем и завершение». Исходными точками понимания истории здесь были «германство» и «раса». Расовая борьба названа Вестфалем «общим планетарным явлением» и подтверждалась радикальной иерархией народов. Историк говорил о «недочеловечестве» и «сверхчеловечестве», помещая немцев в превосходящую группу. Европа представлена Вестфалем образцом «мирового порядка», организованного немцами. **В связи с этим сле-**

дует подчеркнуть, что осуждаемую политическими информаторами расовую конструкцию истории невозможно научно опровергнуть. Она больше соответствует реальности, чем так называемая «классовая борьба» марксистов. Такие же понятия, как «толерантность» и «мультикультура» не могут быть признаны научными категориями.

Отто Вестфаль ссылаясь на расовые авторитеты Хьюстона Стюарта Чемберлена и Альфреда Розенберга и в своей трактовке проблем расы вышел за пределы университетской науки, с которой он расстался в 1937г. Крупный ученый Генрих фон Зрбик расценил книгу своего коллеги как поверхностную в научном смысле политическую публицистику. Но даже более солидные национал-социалистические историки, такие как **Герхард Крюгер**, указывали на то, что Работа Вестфала не может считаться авторитетным выражением национал-социалистической идеологии истории, которая стремилась к углубленному научному содержанию своих понятий.

Споры в кругах национал-социализма велись также вокруг книги **Христофа Штединга** /Christoph Steding/ «Рейх и болезнь европейской культуры». Еще в начале войны Штединг назвал Рейх «воплощением европейского порядка» и «субстанцией нашего европейского мира», без которого Европа будет больной. Эта книга широко распространялась в немецком обществе после того, как ее опубликовал сотрудник Рейхсинститута истории новой Германии Карл Рихард Ганцер. В частности вышло отдельное издание для Вермахта тиражом более 0,5 млн. экземпляров под названием «Рейх как европейская сила порядка». Эта книга, выдержавшая до 1944г. несколько изданий, опиралась на аргументацию, оказавшуюся особенно пригодной после нападения на Советский Союз.

Рейх в этом труде был назван «единственной несущей колонной европейского свода». Атака на него осуждалась как «преступление едва ли не метафизического уровня». Рейх становился специфически немецким принципом оформления, «политической структурой ступенчатого порядка» и «возвращающейся задачей каждой твердой немецкой эпохи». Экспансия признавалась «естественным феноменом политической биологии». Однако раса в этой работе не была центральной категорией, а власть имела также естественное происхождение. Гипотеза о «ранговом порядке народов» и «народном градиенте ценностей» направлялась, в первую очередь, против восточных соседей. Немецкое наступление на Восток легитимировалось с помощью политической и культурной шкалы ценностей. Оно «с необходимостью вовлекало бесформенное пространство в сферу высокой работы по установлению порядка». – Прежде всего, на Востоке, по убеждению Штединга, лежат «звенья пространства, подчиненные немецкому центральному ядру в Рейхе». Немецкие действия на Востоке основывались на «знаниях о специфическом биологическом весе, которые в течение тысячелетия руководили действиями нашего народа, как посольства Целого /Das Ganze/».

Примечательна работа Адольфа Рейна и Петера Рихарда Рохдена «Идея о Рейхе в европейской истории». Осуществление Рейха у них стало мерилom

оценки исторической эпохи и личностей, соотносившихся с воплощением национал-социалистического господства над Европой. Рейн и Рохден исходили из существующего «ранга народов», в пределах которого «малые народы должны быть подчинены, если они хотят, чтобы их интересы находились под охраной крупных народов». В этой классификации не было места таким «разновидностям малых народов, как чехи, поляки и сербы». Их безусловное подчинение представлялась само собой разумеющимся.

Адольф Рейн обосновывал господствующее положение Германии тем, что Европа должна быть «расово-народным /rassisch-völkisch/ Центром», в котором Германии уготована роль объединителя. Шюслер писал: «Немецкий народ делает упор на расовое учение особого свойства, которое относится к народу Рейха /Volksreich/». С точки зрения Франца Петри «народнический принцип» и идея Рейха могли быть примирены друг с другом: «В новом рейхсорганизме, который вырастает на поле битвы вокруг единственного немецкого ядра Рейха, должны располагаться свободно связанные с ним области, чье народное своеобразие гарантировано в другой форме и находится под надежной защитой Рейха». Важное значение имели работы Генриха фон Зрбика на ту же тему, еще в 20-е и 30-е годы ссылавшегося на идею Рейха, который, по его мнению, должен быть показан как прочный фактор «немецкого единства».

В 1943/44гг. Зрбик рассматривал Рейх, как модель европейского порядка: «Закон его бытия мог быть справедливым, только когда Европа руководствовалась своей великой идеей и силами властных принципов порядка в духе высокого, естественного исторически данного единства. Твердейшей, воодушевленной этой идеей державой, через тысячелетие стал Рейх». В сравнении со статьями 1940г. в эти поздние военные годы сменился акцент. Если раньше идея Рейха переживалась Зрбиком в смысле немецкого единства и призвания, то теперь оно проявлялось как «чувство судьбоносного единства европейской культуры и особенного жизненного единства Центральной Европы». Это вытекало из сознания того, что «Европа несет великую общую обязанность, а ее сердце, полное сил, должно быть в состоянии работать, если культура Европы не желает быть уничтоженной». В заключительные годы войны Зрбик констатировал: «Судьба возложила на нас древнюю обязанность Рейха: с нравственной силой применить власть для создания справедливого народного порядка в нашем старом и вечно юном континенте».

С 1941г. в понятии «Рейха» у Зрбика, как и у Рейна, Шюслера и Рохдена, появился твердый антисоветский компонент. Рейх конституировался теперь как единство в значительной степени через конфронтацию с Востоком. Здесь была применена рейхсидея и особое понятие Западной Европы /Abendlandsbegriff/. В 1943/44г. Зрбик настаивал: «Надэпохальную задачу Рейха необходимо вновь поставить таким образом: культурная Европа борется с Азией. Мать земли, подлинная создательница мировой культуры противостоит силам разрушения, и начало общеевропейской воли выступает против мировой революции красной Москвы и хаоса».

Отзвуком старых разногласий о картине мировой истории стали нападки в ряде публикаций представителя Немецкого студенческого сообщества Герхарда Крюгера на Зрбика и Шюслера. В 1933г. Крюгер работал при Партийной экзаменационной комиссии /Prüfungskommission/, а позднее – профессором в Страсбурге и в Позене. Он был верным национал-социализму историком, воспринимавшим Рейх, прежде всего, с фёлькиш-расовой позиции и как чисто германское, а не христиански-универсальное понятие. Христианство представлялось ему враждебным подлинному германизму. В центре немецкой истории, считал Крюгер, стояло «объединение народа вокруг чистого, свободного от враждебных наслоений германо-немецкого Рейха». Он видел в Рейхе «единственную в своем роде, подобающую только нашему народу форму политической организации, из собственного государства и собственной народности вытекающего строя мышления».

Представление Крюгера о Рейхе противоречило Зрбику и Ганцеру. Необычным представлялось лишь то, что историк не представил авторитетной для того периода национал-социалистической картины истории. Осуждение Ганцером античности, христианства и средневековой итальянской политики Карла Великого, ответственного за «удар по Саксонии» и христианизацию населения, всё меньше отвечали текущим потребностям национал-социалистического государства. – В 40-е годы понятие Рейха оказалось пригодным для легитимации немецкой экспансии и для создания межнациональных и международных союзов. Таким образом, те властители, при которых Рейх произвел наибольшие расширения своей территории, не могли быть принесены в жертву германскому централизму. Ганцер так оценил эту перемену: «На смену жестоким дебатам прошлых лет пришло понимание права на господство, внутренней святости ответственно управляющей и упорядочивающей власти в ядре Средневекового Рейха».

Во время войны пропагандистская выставка прославляла «великого немца» Карла и Фридриха Штауфена, управлявших Империей из Италии, как «гениальных политиков средневековой истории». СС в военные годы применяли разработки знаменитых немецких историков для обоснования своей идеи о «германской Европе». Таким образом, уже не существовало ясной границы между расово выраженной и христиански-универсальной идеями Рейха, которую еще ощущали такие историки, как **Шрайнер**. Шюслер, Рейн или Рохден применяли расовую аргументацию, как и Христерн, Фрауендинст, Майер и Платцхофф. Университетские преподаватели средневековой истории проводили параллели между Первым и Третьим Рейхом. В центральном пункте их рассуждений не подчеркивалась специфика Средневекового Рейха, но оба Рейха преемственно олицетворяли немецкие притязания на господство в Европе.

Еще в 1940г. Герман Аубин так реагировал на захват Польши: «Европа стоит перед новыми задачами. В сознании своей исторической миссии немцы пытаются установить родственный прошлому государственный порядок, в котором вокруг центрального немецкого государства расположатся соседние

государства иностранного происхождения... Средневековый Рейх еще раз указывает Европе путь к рациональному порядку. Этот образец должен быть принят во внимание для построения будущего Нового Порядка на восточном пространстве».

По мысли молодого кильского профессора **Карла Йордана** /Jordan/, в имперское время с 950 по 1250г. немцы вновь «внутренне сблизилась, как это происходит сегодня в ходе политических испытаний последних лет, когда пришло понимание мыслящей в широких рамках внешней политики, и упорядочивающая задача Рейха в Европе снова доказала свою необходимость. Нужно прямо сказать: только сейчас для нас открылся глубокий смысл имперской политики Средневековья. Мы сознаем сегодня, что средневековый Рейх стал первой великой попыткой сформировать европейский континент с немецким центром /Kernland/».

Снова и снова немецкие историки доказывали, что Новый немецкий порядок легитимировал восстановление старого, оправдавшего себя «Европейского порядка». Политическая структура немецкого центра постоянно привлекалась, как стимулирующий пример для вхождения в него других европейских стран в качестве структурных подразделений. «Средневековье носило универсальный характер, и его государственные обязанности поучительны для нашей эпохи, после того как иллюзии малых и малейших национальных государств в целиком смешанных народных пространствах полностью рассеялись», - утверждал в январе 1941г. Карл Бранди. – «На Западе и на Востоке должны быть определены смешанные пограничные зоны, которые смогут обеспечить собственное национальное и культурное развитие, только следуя твердой власти Центра».

Герман Хаймпель заявил в ноябре 1941г. в Страсбурге: «Этот Рейх должен стать организатором европейского порядка из своего центра. Современная система мнимого равновесия, связанная с распылением сил немецкого Центра, уклоняется от многолюдного европейского порядка, установленного однажды Генрихом I и реализовывавшегося в политике наших Кайзеров». Курт фон Раумер указывал на то, что Средневековый Рейх, как «руководящее немецкое государство, создал твердую пространственно-политическую основу европейского порядка и старался оформить вокруг него разнообразные формы зависимостей и влияния». **Генрих Миттайс** в 1941г. констатировал влечение к государственной концентрации в немецком прошлом и на этой основе выводил «закон развития германского государственного мира в его непрерывности». Альберт Бракманн описал унижающее отлучение папой императора Генриха IV в Каноссе /1077г./, как ключевое событие в утрате руководящей немецкой позиции в Европе. Он утверждал, что в современной войне Германия должна вернуть себе политическое руководство в Европе.

Пражский историк Хайнц Цатчек выступлением на конференции и публикацией в «Историческом журнале» попытался сделать детализированное обобщение внутренней организации господства в современном Рейхе.

При этом он критиковал использованное Гердом Телленбахом понятие «аристократия Рейха» и применительно к Средневековью применил современные термины – «политический руководящий слой». Он указал на то, что характер «политического руководящего корпуса» всегда должен иметь решающее значение для «германского руководства пространством иностранных народов». Цатчек отметил ущербность старого руководящего слоя в том, что он не всегда вытекал из «народной и родовой принадлежности немецкого политического руководства», а использовал вассальный статус связанных клятвой верности старых князей других национальностей.

Трудно было сравнить эту старую форму с протекторатом Богемии и Моравии или с положением, в котором находилась современная Телленбаху Словения по отношению к Рейху. В едином центральном пространстве формировались теперь пространственные части с разнообразными функциями, стоящие в различных отношениях зависимости и иерархического подчинения германскому Центру. Необходимость великопространственного порядка представлялась законом исторического развития. Уважаемые ученые, такие как Аубин, Бранди, Бракманн и Хаймпель, не сомневались в правомерности уподобления средневековой Империи национал-социалистическому Рейху. В 1942г. Г.Телленбах, сопоставляя Первый Рейх с Третьим, подчеркнул, что идея Рейха «не находится в единственном обладании немцами, но принадлежит всем великим культурным народам». Разница во взглядах перечисленных историков лежит, прежде всего, в политической последовательности их выводов и в незначительной степени – в восприятии исторических фактов. Серьезная исследовательская работа этих ученых сочеталась с искусно проведенной легитимацией экспансионистских действий национал-социалистов.

Так, высокоценный и после 1945г. медиевист Герман Грундманн составил для «Новых Пропилей мировой истории» во многом традиционное изложение политической истории X-XIII столетий. Со ссылкой на историю истолковывалось и оправдывалось господствующее положение Германии на континенте под руководством Гитлера. «Европа не сопротивлялась, оставшись в X веке без руководства», - пояснял Грундманн. - С отказом от немецкой Империи и в XIII веке «не обнаружился естественный народный порядок, но проявилась смута и раскол всех держав, боровшихся друг с другом за господство над Западной Европой». «Чем больше преодолевался ущерб от внутреннего раскола и иностранного господства в настоящее время, тем меньше осознавался смысл и результат работы в каждый из периодов расцвета Первого Рейха, в котором из его народной силы и смелой воли упорядочивалось управление Западной Европой из твердого Центра», - заключал Грундманн, подчеркивая значение древних этапов этой общей деятельности.

Некоторое время спустя этот авторитетный историк подключился к пропаганде национал-социалистической гегемонии в Европе. Он сделал доклад наряду в юнкерской школе СС в Бад-Тельце в рамках подготовки «германских руководящих кандидатур» и кадров СС для «германской Европы». Доклад Грундманна «Рейх и Империя Средневековья» обобщал результаты

научной дискуссии по этому вопросу. В докладе содержались одобрительные оценки германокентристской идеологии и актуальные высказывания. Так, Рейх Карла Великого был представлен как «новый пространственный порядок» и «первый политический европейский порядок, установленный германской силой», а его стабильность сводилась к «фундаменту германской народности» и к «связи по крови». Отрыв Франции от Рейха Грундманн назвал роковым отказом от европейского стремления Рейха к порядку на Западе, который разрабатывался на базе «естественного народного и политического превосходства Германии».

Для оправдания текущей войны историк проводил открытые политические параллели: «Сегодня мы из собственного опыта Средневекового Рейха, уже не мелочно и не умничая, подсчитываем принесенные жертвы и кровь, которая не экономилась при выполнении его европейской задачи, и видим, что все усилия в борьбе за сохранение общего германского наследия оправдали себя». Здесь Грундманн явно выступал как человек СС /сам он не был членом этой организации/. Восток всегда «открыто угрожал европейскому флангу», - утверждал историк, добавив, что борьба Германии за представительство собственных жизненных интересов отвечает интересам всей Европы. Он относил эти немецкие действия и к «охране европеизированных Богемии, Венгрии, Польши и балтийских стран от сплавления в русско-азиатском однообразии или московитского, царистского или советского господства». «Мы боремся сегодня на этой почве за право охранять европейское наследие Средневекового Рейха, за континент, как культурное единство, созданное на германском фундаменте, и за границы, которые должны быть выведены там, где они смогут защитить не нас одних, но всю Европу», - говорил Грундманн.

Фриц Рёрих также был историком, чьи научные достижения, особенно при исследовании Ганзы, были неоспоримы. Уже в 30-е годы он упорно добивался доказательства связи Ганзы с Volkstum, а в 40-е годы оправдывал военную экспансию Германии. Центральной идеологией у него было «великое пространство». Рёрих исходил из идей знаменитого идеолога НСДАП, крупного социолога и химика **Вернера Дайтца**. Непосредственно с началом войны Дайтц основал «Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики». Этим была установлена задача совместной работы «народов и государств в европейском великом пространстве», которая «должна была планомерно содействовать возрождению роли Европы, как вечного центра жизненного пространства народов белой расы». Для членства в Обществе Вернера Дайтца решающее значение имело весомое представительство кандидата в государственном аппарате, экономике или науке.

В Научный совет Общества входил Фриц Рёрих, публиковавший доклады о его работе в ежегоднике Общества. Историк снова и снова ссылался в своих публикациях на концепцию Дайтца о великопространственной экономике, отличавшуюся солидным научным обоснованием и ясным, точным

языком. При этом установлением параллелей между Ганзой и экономической политикой национал-социализма Рёрих преследовал цель достижения «отрадной гармонии исторического исследования и связанного с современностью толкования истории».

Историк описывал Ганзу, как пример «подлинной великопространственной экономики». В мировоззрении ганзейских купцов и в их достижениях, писал Рёрих в 1941г., «были заложены великие идеи о призвании немцев к наведению порядка в Европе не через корыстные притязания на господство, но исключительно для углубления этого порядка». – «Поэтому из ганзейской сферы могли последовать важные импульсы, необходимые для создания новой экономической структуры с целью выведения Европы из капиталистическо-империалистических связей с отдельными народами, и для создания экономических связей, основанных на здоровой, взаимно полезной экономической деятельности». Здесь Рёрих явно подразумевал реальность 1940 года.

После оккупации в апреле 1940г. Дании и Норвегии берлинский историк Рёрих неоднократно настаивал на необходимости освободиться от «западного враждебного засилья». Он постоянно противопоставлял выгоду экономических связей с Германией английской эксплуатации. В сознании этой выгоды и того факта, что всемирно-политический период западного господства должен закончиться, «нордические страны» могут быть уверены в преимуществах новых порядков в континентальной Европе, писал Рёрих. «Великопространственная экономика» и «европейский порядок из Центра» были идеалами, которые он представлял и видел воплощенными в национал-социалистической политике.

Как и Герберт Грундманн, Рёрих участвовал в чтении цикла лекций, после которых следовала принесение клятвы добровольцами СС из «германской Европы». Им были представлены тезисы об «отважных торговцах, которые первоначально не имели экономической мотивации Ганзы, но их оформленные в пространстве Балтийского моря притязания с помощью народных обязательств купечества способствовали присоединению к Рейху захваченных пространств. Через связь экономики и крови они установили выгодные для Скандинавии, а также для Фландрии экономические отношения с Германией». *Грундманн назвал Ганзу «дифференцированным, но высоко активным экономическим сообществом* //, образцом подлинно великопространственной экономики», действовавшим на пользу всех участников стран, группировавшихся вокруг Северного и Балтийского морей, что стало результатом «немецкого руководства» и осуществлением идеала «германской Европы». Такая трактовка могла содействовать пониманию этой проблемы СС.

Актуальную ссылку в этой связи сделал Рёрих: «С разгромом противника в 1940г. германский Запад вновь включился в организацию порядка в Центральной Европе. Расширился континентальный базис вокруг стран на реках Шельде, Маасе и Нижнем Рейне, вновь приблизившись к своему тер-

риториальному распространению в ганзейское время: до Риги, Ревеля, Праги и Кракова. Судьбоносный для Ганзы пролив, связывающий европейский центр с Севером, впервые за столетия снова поставлен под немецкий контроль». «Обстоятельства вернулись в свое естественное положение. Экономическое мышление Ганзы, явленное нам перед лицом столетий, сменяет чисто капиталистически-частноэкономическое и империалистическое направление и становится непосредственно действующей силой. Эта сила проявилась, я думаю, в немецко-румынском экономическом договоре – удачном испытании при строительстве новой Европы», - заключал Рёрих.

В 1940/41гг. в университете Бреслау прошел цикл лекций по теме «Мировые империи в истории и великопространственная идея современности». Здесь 24.10. 1940г. историк древности **Эрнст Корнеманн** сделал доклад «О первой европейской великопространственной организации» /Римской Империи/. Ученый прямо не высказывался о современной политике, предоставив возможность сделать выводы самой аудитории. Корнеманн сделал упор не столько на «великопространственном строительстве», сколько на общей апологии войны и власти, а также на отношениях Фюрера и массы. «Германия и Италия во времена слабости и угнетения снова и снова в интенсивной атаке пытались организовать оборону», - говорил историк. – В войне проявляется единство и сила народов, и «высшего благополучия достигает борющийся народ, когда им руководит обладающий героическим даром представитель господствующего слоя». Рассуждая геополитически, Корнеманн утверждал, что Европа через «поперечную улицу» - Средиземное море, Дунай и Балтийское море должна быть расчленена на три зоны, из которых одна всегда будет руководящей.

Среди историков древности, прежде всего, Йозеф Фогт в содержательных работах по античности приводил актуальные суждения: «Сегодня, когда идея Рейха вновь набрала высоту и силу, должен быть поставлен вопрос об отношении идеи Рейха к античности». В 1942г. историк употреблял существовавшее, как для античности, так и для Западной Европы понятие «Рейха», назвав его «бытием размашисто бегущей силы, которая в великом пространстве долговечно регулирует для многих народов вопросы господства и служения». «Рейх должен быть единством власти и силы в расширяющемся мировом пространстве», - писал Фогт. Для него духовные связи были существенным дополнением к властно-государственному понятию Рейха. Примечательно здесь, как естественно понимание «великопространственного порядка, который сегодня проходит становление», служило исходным пунктом размышлений о занятии всей Европы немецкими войсками.

Вслед за тезисом о «римской вере и римской мировой истории» Фогт в одной из научных инстанций НСДАП в Тюбингене заявил: «Становление великопространственного порядка должно происходить на фундаменте жизненных законов, отвечающих особенностям народов. Ведущие государства создают Рейх, отстраняясь от пространственно чуждых держав; но приобретенные нации должны в их отношениях повиновения также получить гаран-

тии своеобразия и охраны своей свободы». Историки древности применяли понятие великого пространства также к Средиземному морю. Относящиеся к этому параллели между римской историей и фашистской Италией устанавливались ими по примеру Фрица Таэгера.

Политической активностью в оправдании агрессии на Востоке отличался инсбрукский историк Франц Милтнер и его ученики, в их числе доцент **Петер Юлиус Юнге**, усмотревший борьбу «расовых сил Севера» против Востока уже в античной Европе. Грайфсвальдский профессор **Ганс Фолькманн** в 1943г. старался распространить на Восток и Восточный фронт идеологические построения Шахермейера: «Здоровая жизнь царит там, где гарантируется родовое содержание и видовое развитие. Это проявляется также через содействие культурному творчеству... Германия, как государство Фюрера, может и будет руководить европейской культурой и потому не должна рисковать затеряться во враждебных культурах».

В картине новой истории с национал-социалистических позиций переместились акценты. Важной осталась ссылка на Тридцатилетнюю войну и 1648г., когда был разрушен европейский Центр и в течение столетия утрачена возможность сделать Европу сплоченной и сильной. Утрехтский мир 1713г. также дал Англии возможность контролировать расколотившуюся и ослабленную Европу с помощью выгодной для нее системы равновесия. В этом процессе немецкие историки часто указывали на повышение роли принца Евгения Савойского на Востоке и на Западе, на его активное стремление установить новый порядок на континенте.

Одной из центральных фигур в этой картине истории был канцлер Бисмарк (9). Его представляли «упорядочивателем и руководителем Европы» в непрерывности ее развития вплоть до Адольфа Гитлера. Но отношение к этой сложной личности не было лишено противоречий. 30.01.1941г. Вернер Фрауендинст в университете Галле предупреждал против догматизирования мирной политики Бисмарка, как непоследовательного централизатора Германии, чрезмерно полагавшегося на возможности местного самоуправления. Вильгельм Моммзен обратился против тенденции приписать Бисмарку великонемецкие и народнические мотивы, представляя его идеологом «малонемецкого государства», которое стало «исключительно предварительной ступенью к Великонемецкому Рейху и необходимому возобновлению европейской задачи, заключающейся в том, чтобы установить властный порядок в Европе».

Большой интерес вызывал у историков Венский конгресс и революционный процесс 1848г. (10). Оба эти события по-новому освещались, как исторические ступени, ведущие от борьбы за европейский порядок в XIX веке к «возрождению Европы» под национал-социалистическим руководством и к его политике, как на Востоке, так и на Западе. В связи с этим общий интерес, наряду с работой «Рейх и Европа», вызвали две книги, базировавшиеся на докторских диссертациях. Одну из них написал берлинский доцент и референт Немецкого исследовательского сообщества Карл Гриванк, другую –

кильский историк Александр Шарфф. Солидная работа Гриванка была ориентирована на источники, представлявшие различные концепции европейских отношений после 1814/15гг. Расположение фактов в ней преследовало ясную цель: представить картину достижения центральноевропейского единства с учетом интересов народностей /Volkstümer/.

Для объяснения «порядка в Центральной Европе и в Европе в целом», Гриванк нуждался в новом взгляде, «исходя из ответственности, с которой немецкие историки сегодня выявляют проблемы европейского порядка, вытекающие из опыта прошлого». Англия, желала установления «европейского порядка, приспособленного к ее нуждам и подчиненного ее контролю». Гриванк осуждал пренебрежение «живыми народными силами, которое проявлялось в прошлой немецкой истории. Система 1814/15гг., по его словам, была несовместима «с органическим порядком в Европе, с динамикой великих выступающих народов, с Великогерманским Рейхом, как корневой структурой», что впервые полностью обнаружилось после Версаля. - Германия и Италия, чьё «справедливое участие в распределении благ мира» было необходимо, сменили теперь «старый порядок в осмысленно расчлененном иностранными державами европейском пространстве, и с помощью формирующей силы великих народов возвысились вокруг своего центра, вернув себе утраченное право управления континентом».

Книга Шарффа уступала в научном смысле работе Гриванка, но ее аргументация была политически актуальна и дополняла научные выводы этого авторитета. В представлении о «европейских великих державах и немецкой революции» Шарфф следовал идее переоценки национального и демократического движения с 1848г. до «народного возвышения». Он интерпретировал это движение как «борьбу за немецкий народный порядок» и за «лучший порядок во всей Европе». Volkstums-принцип, понимаемый как «становление расы, народа и пространства», должен был стать основной идеей немецкого национального движения, которое, однако, свелось к либеральному и демократическому содержанию, способствовавшему «иностранным засилью». Таким образом, Александр Шарфф увидел в узко демократической и либеральной стороне движения 1848г. антинемецкую, по сути, «борьбу народностей» /Volkstumskampf/. В Германии, как и в Италии XIX века «молодой народ вынужден был бороться за свои жизненные права». Но своей солидарностью с польским революционным движением немецкие либералы совершили «предательство народа» и «отказ от будущих восточных задач Пруссии», - писал историк.

Для Шарффа 1848-51гг. стали прелюдией к 1933-45 годам: «В мировом историческом противоборстве нашего времени, в мощном объединении сил в борьбе за свободу и жизненное пространство нашего народа и строительство новой Европы, которое мы сегодня переживаем, оттачивается взгляд на прошлую борьбу за народ и Рейх, на неизменные методы и главные идеи корыстной политики западных держав в отношении Центральной Европы». По словам Александра Шарффа, «враждебный немцам фронт 1848г.», в который

косвенно была вовлечена значительная часть враждебной немцам Европы, послужил уроком Германии на будущие времена. Соединив этот урок с поражением под Сталинградом в 1942г., историк вывел необходимость тесного сплочения Европы вокруг Германии, как гарантию против последующих неудач. Так, сложное политическое событие 1848г. привело Шарффа к выводу: «Европа должна найти путь к новой жизненной форме. Это освободит европейский Центр от состояния бессилия и разобщенности. Только тогда могут стать действительными силы, которые сделают возможной европейскую общность, подлинный порядок и немецкое руководство Европой».

Как уже говорилось, в 1940/41гг. была организована выставка «Немецкое величие» /*Deutsche Größe*/, которая должна была доказать немцам и населению оккупированных стран историческое право Германии руководить европейскими народами. В предисловии к выставочному каталогу Альфред Розенберг писал: «Немецкий народ ведет сегодня решающую борьбу за свою свободу и восстановление величия Немецкого Рейха. Эта борьба современности требует осознания смысла и силы объединения немцев в прошлые времена, что должно содействовать воспитанию людей нашей эпохи и укрепить сознание долга, чтобы пережить борьбу в непоколебимом духе величия немецкого народа».

Эта Выставка примечательна тесной кооперацией национал-социалистических идеологов с университетским историческим сообществом. Её открыл 08.11.1940г. в Мюнхене Розенберг, затем она демонстрировалась в разных немецких городах, а также в Брюсселе и Праге. Публицистическое сопровождение Выставки осуществляла газета Геббельса «*Das Reich*» и периодическое издание «Учебные письма» /«*Schulungsbriefe*»/. Выставку осмотрел Гитлер, после чего её посетило множество немцев. Наряду с ведомством Розенберга выставочные экспонаты разрабатывал ряд немецких историков. К совместной научной работе и авторству в каталоге были привлечены: Отто Бруннер, Гюнтер Франц, К.А. фон Мюллер, Ф.Рёрих и Эдмунд Штенгель. Соответчиком за экспозицию в Бельгии был Франц Петри.

Немецкая история была представлена там как противоречивый, но стремящийся к завершению в Гитлере процесс, и как путь к национал-социалистическому руководству в Европе. Во вступительной статье к Каталогу Мюллер неоднократно подчеркивал, что немецкий народ переживает грандиозный подъем из потрясающего обвала. – «Только теперь, в 40-е годы Фюрер создал первое народное немецкое государство и после семи лет вознес его, как во времена великих Кайзеров, к положению создателя и гаранта нового европейского порядка... После всех неудачных попыток и окольных путей в нашем прошлом медленно растущий немецкий народ взошел на вершину развития, завершив внутреннее и внешнее оформление своего господства над Европой. Одновременно с этим немецкой истории был дан ее обобщающий смысл и окончательное завершение».

Выставка в Австрии и Бранденбург-Пруссии рисовала картину постепенного возвышения Германии. - Рейх Карла Великого и Штауфенов, во-

сточная торгово-политическая экспансия Ганзы и Немецкого Ордена; решающий этап подъема после заката Средневекового Рейха /наполеоновских завоеваний/, как исходный пункт государственной концентрации. И, наконец, освободительная война против Франции и Бисмарк – «герой столетия», чье гениальное государственное искусство «привело государство утопавшего в мечтах и фантазиях» Фридриха Великого к твердейшему государственному объединению в немецком пространстве, принеся почти неожиданную силу и великолепие этому новому Рейху». Так теперь немецкие историки передавали динамику событий.

Затем наступил длительный упадок Германии. С помощью «разрушительных идей враждебного политического мира, и, в заключение через мировую войну, развязанную политическими врагами, Рейх был разрушен. И немецкий народ пришел к краю пропасти... Только с появлением Адольфа Гитлера, который ведет немецкий народ к новому величию, немецкая история восходит на вершину и близится к завершению». - Именно так преподносили авторитетные немецкие историки ход событий в речах и публикациях. На этом фоне стусевывались внутренние процессы в Германии, подаваясь только как процесс развития власти /*Machtentfaltung*/. Экспансия представлялась целью, особенно на Востоке, где обнаруживался известный враг. - Еще во времена Теодориха становящейся Европе «угрожала опасность уничтожения из степей Азии», и эта угроза постоянно оставалась живой.

В разных разделах каталога Выставки Фриц Рёрих повторял эти мотивы, изображая события прошлого как предысторию национал-социалистического государства. «Огромная работа по закрытию немецкого восточного пространства с целью внутреннего разрушения Рейха, по меньшей мере, политического, закончилась провалом», - писал историк. – «Фридрих Великий и Бисмарк в рамках возможности своего времени вновь энергично приступили к решению восточной задачи. Но впервые твердое объединение Рейха, как политической силы, при Фюрере предоставило необходимые возможности развитию немецкого наследия на Востоке».

Карл Великий против арабов и аваров, Оттон Великий против венгров, принц Ойген – победитель турок, Первая мировая война – всё это показано Александром фон Мюллером, как единый, всегда возобновлявшийся процесс сосредоточения против огромной угрозы извне. Героическая борьба, защита, победа и затем немецкое наступление, вплоть до блиц-удара Фюрера по Польше и Норвегии, Бельгии, Голландии и Франции «определили победоносный поворот немецкой судьбы». Крупные события в немецкой истории, имевшие неоднозначный смысл, подавались в русле движения к современности. Так, социальное содержание крестьянской войны 1524-25гг. сводилась к борьбе за новое, исходящее от народа создание «Рейха немецкого величия». Освободительная война против наполеоновской оккупации была этапом этого пути. «С тех времен, когда немецкий народ нес первую корону континента, он не терял страстного желания и не переставал, также и после утраты по-

литического величия, оставаясь в глубоком беспамятстве и нужде, воспевать и говорить о Кайзере и Рейхе», - писал Мюллер.

В модифицированном варианте выставки в Брюсселе /февраль 1942г./ этот аспект был специально выделен. Здесь документировалась историческая картина, которую немецкая пропаганда ориентировала на Европу в конце войны. – «Более тысячи лет насчитывает этот Рейх, как гарант политического порядка в Европе, сердцевина германских народов, несущий фундамент немецкого величия, источник высочайшей культуры. В огромной эпохе этого прошлого в живой связи и взаимовлияниях с Рейхом стояли мелкие страны Европы. Цель этой выставки – показать величие Рейха и его европейские задачи, то, что могло быть достигнуто в нашем древнем культурном пространстве», - так устроители брюссельской выставки обобщали требования военной власти в этом регионе.

На Выставке также была подчеркнута роль Рейха в создании «Нового Порядка» в Европе в ходе современной войны. В исторической части пояснений Рейх Карла Великого оценивался как развивающаяся /растущая/ Европа, а Вестфальский мир, как «пришедший на смену Рейху организованный беспорядок с целью сохранить господство Франции». Новым здесь было прекращение нападков на Карла Великого и средневековую итальянскую политику, которую раньше упрекали в пренебрежении к восточному направлению. От историков требовался реализм и научность выводов. Биологические и расовые элементы убирались с переднего плана обобщений. Об изображении истории, как борьбы рас в духе А.Розенберга, не было речи.

Вступление немецких войск в Советский Союз 22.06.1941г. означало глубокий перелом в ходе войны, отразившийся в публикациях историков. Теперь объектом разъяснений стало столкновение двух общественных систем. На рубеже 1942/43гг. и с призывом к «тотальной войне» внутренняя мобилизация вошла на новую ступень. Как реагировали на эту ситуацию историки? – Дистанцировались от национал-социалистического руководства, или позитивно реагировали на объявленную цель уничтожения большевизма? Какого мнения придерживались ученые о Советском Союзе и его истории, и какой характер приняло тогда видение обновленного Рейха? Об этом пойдет речь ниже.

Если нападение на Польшу было пропагандистски подготовлено, то пропаганда против СССР в 1937/38гг. была временно прекращена и в следующие два года переключилась на Англию. Между 1933 и 1941 годами Советский Союз редко был темой для исторического сообщества Германии. И даже выпущенный в 1942/43гг. том «Немецкого восточного исследования» - научной работы о результатах текущей мировой войны, не содержал специального доклада по России и СССР. В журнале «Восточная Европа» в 30-е годы публикации о Советском Союзе были приостановлены. Вытеснением с преподавательских должностей ординарных профессоров, специализирующихся на Восточной Европе – **О.Хётча, Карла Штёхлина, Фридриха Брауна и**

Р.Заломона – был дан сигнал к тому, что работа по СССР не должна быть темой для высших школ.

Георг Штадтмюллер из Восточноевропейского института Бреслау указал в частном письме, что каждая работа по Советскому Союзу вызывала подозрение, а в 1937г. даже запланированный перевод фондов библиотеки из Бреслау в Институт СС в Ванзее не состоялся. Новый ординариус Манфред Лауберт и Уэберсбергер, а также ведущие исследователи Востока Бракманн и Аубин, занимавшиеся до этого немецкой ролью на Востоке, или польской историей, приостановили публикации на этом направлении. Отдельные работы, в которых историки занимались Россией, концентрировались, прежде всего, на трех комплексах: общее подтверждение восточной и азиатской угрозы, союзная политика Бисмарка и Первая мировая война. Но уже здесь были поставлены агрессивные акценты.

Эрвин Хельцле и Курт фон Раумер еще в 1938 и в 1939 годах /соответственно/ выражали сожаление, что в Первую мировую войну были упущены возможности экспансии на Востоке. Хельцле утверждал, что там, «где сталкивалась нордическая и частично монгольская кровь, существовало конечное чуждое и непонятное ядро». Но при этом он не был сторонником основанной на расовых соображениях вражды между Германией и Россией. По его мнению, впервые после победы революции 1917г. был заключен рациональный союз двух стран, иначе Россия ринулась бы завоевывать позиции на Западе. – «Это было бы страшным началом разрушения Европы. Ее победа грозила открыть широкие возможности для борьбы против Западных держав всеми неисчерпаемыми средствами и работающими силами».

Курт фон Раумер также обратился к ситуации, сложившейся летом 1918г., когда «победоносные немецкие войска стояли от Финского залива до Черного моря и Кавказа», открывая «гигантскую возможность для организации экономического, пространственно-политического и поселенческого порядка на огромном восточном пространстве». При этом, естественно, предполагалось, что этот ретроспективный взгляд на свои упущения должен учитываться при определении задач на будущее. В 1918г., говорил Раумер, «отсутствовала великая фигура Фюрера, который в этом положении «мог бы осуществить мирный порядок на Востоке». - Но фундамент к новым действиям в будущем был заложен прошедшей борьбой.

С началом войны против СССР ряд историков уклонялся от открыто агрессивных публикаций по этой теме. Так, в работах Уэберсбергер об англо-русских отношениях или Шюслера – о роли Англии и России в стратегии Бисмарка, авторы придерживались традиционно дипломатической трактовки истории и не содержали прямых актуально-политических ссылок. Отдельные историки указывали на относительный характер немецко-русского соглашения 1939г., таким образом, осторожно касаясь темы легитимации военных действий Германии против Советского Союза.

Значительно чаще, чем Россией, историки по традиции занимались тогда Польшей. Здесь они видели готовое пространство для немецких дей-

ствий, признавая историческую обоснованность притязаний Германии. После сентября 1939г. немецкие притязания на Востоке сместились на пространство между Германией и Россией /«Zwischenland» - Т.Майер/. Когда Э.Машке в начале 1941г. пропагандировал «немецкое право на Восток», или В.Хоппе в апреле этого года разъяснял немцам это право «в его почти неизмеримых дальях», тогда казалось, что с аннексией большей части Польши требования «немецкого величия» будут удовлетворены. Но при закрытых дверях немецкие историки участвовали в разработке планов распространения агрессии на Советский Союз. К примеру, руководитель Северо-восточного исследовательского объединения Бракманн в последние месяцы перед нападением на СССР обсуждал этот вопрос в конфиденциальной переписке.

Сразу после нападения на Советский Союз историки предоставили в распоряжение Вермахта карты, статистические данные и сопровождающие материалы. В продолжение всего 1941г. ряд авторитетных университетских историков в статьях и речах оправдывал нападение на СССР, действуя в унисон с национал-социалистической пропагандой. В конце августа 1941г. кёнигсбергский профессор Курт фон Раумер поместил в краковской газете статью «Порядок против разрушения». В сентябре Альберт Бракманн написал для «Ганноверского Курьера» статью о «старом давлении с Востока». В ноябре Вильгельм Шюслер прочитал в Берлинском университете позднее неоднократно перепечатанный доклад «От Петра Великого до Сталина». В подобном же духе высказался Вольфганг Виндельбанд 23.11.1941г. в «Парижской газете».

Грайфсвальдский профессор Герман Христерн в октябрьском и ноябрьском докладах защищал национал-социалистическую агрессию. Зимой 1941/42гг. Ганс Уэберсбергер сделал доклад «Российское территориальное развитие и национальная политика» в цикле выступлений в университете Бреслау. В 1942г. он писал о «конце большевизма». Эрих Машке составил очерк истории Восточного пространства для внутренних учебных курсов НСДАП. Все эти публикации и доклады содержали два основных элемента. Они указывали на непрерывность угрозы с Востока и одновременно обнаруживали агрессивный настрой национал-социалистической Германии. Наряду с этим строго подчеркивалась мировоззренческая конфронтация. Большевизм перечисленные историки представляли как качественное возрастание восточной угрозы до уровня опасности для Германии и всей Европы, которая должна быть устранена германской армией. В 1944г. ведомство Розенберга учредило «Рабочее содружество по исследованию большевистской опасности».

Национал-социалистическая пропаганда использовала все эти мотивы. Уже нападение на Польшу было предварительным этапом большой войны, а вторжение в Советский Союз объявлялось превентивной мерой против восточной угрозы. Крестовый поход против большевизма был представлен немецкой пропагандой необходимым этапом спасения Западной Европы. Соответственно, идея «жизненного пространства» отошла на второй план. «Во-

енное противостояние с Советским Союзом представляет собой завершение длительного политического развития... Столетиями протекало постоянное продвижение России на Запад и непрерывная борьба за немецкие пограничные провинции и вокруг Балтийского моря. Россия всегда пыталась отсоединить Восточную Пруссию и Данциг и русифицировать их», - писал Бракманн.

В характеристике русского «пространственного расширения» расставлялись разные акценты. Сначала подчеркивался «азиатский» элемент, затем упор делался на утрате области Немецкого Ордена и на политике Петра Великого. Например, Герман Христерн проводил линию от 1241г. /битва при Лигнице против монголов/ к 1941 году «борьбы против нового Чингисхана». Он подчеркивал антиевропейский характер России, ее внутреннюю азиатскую суть, которая временно маскировалась европеизированием. Азиатскую и потому враждебную Европе сущность России подчеркивал с расовой подоплекой также Рейнхард Виттрам и особенно Э.Машке. Виттрам ссылался на «расовое смешение» через экспансию Великомосковского государства в XVI веке: «В конце этого развития стоит образ русско-монгольского мишлинге /помесь – И.Б./ Ленина».

Машке писал: «Громадная, но чисто разрушительная сила азиатских кочевых народов постоянно влияет на историю восточных пространств. Москва вступает во внутреннюю связь с этими азиатскими силами, и последствия этого стоят перед нами на Восточном фронте». Курт фон Раумер также использовал старую идеологию враждебной Азии. Еще в XV веке, пояснял он, Балтика вынуждалась к защите от «вторгающейся Азии» и «переживала разрушительную ярость азиатских орд». Шюслер говорил об угрожающей «азиатской бесформенности» и о том, что русский народ несет на себе азиатский отпечаток и «анархический инстинкт номада» /кочевника/. Подлинную угрозу он выводил из правления Петра Великого и его попыток сделать Россию европейской державой.

Уэберсбергер, Шюслер и фон Раумер соединяли в одно целое антикоммунизм и антисемитские мотивы. Так, Раумер видел в большевизме вершину антинемецкого курса, «который связан с проникновением западномазонских и восточноеврейских элементов в руководящий русский слой». - Еврейство и Англия извлекли выгоду из последовавшего затем поражения Германии в Первой мировой войне. Шюслер говорил о «еврейско-большевистской» форме восточной угрозы в новой форме: «В гигантомании советского патриотизма большевизм с высочайшей громкостью выставил требования восточнопространственного империализма».

Уэберсбергер распространял утверждение о целенаправленном советском вооружении против Германии и планах превентивного удара по немецкому государству: «Несомненно, что выжидался только подходящий момент для нападения на Германию». Для него немецкое вторжение в СССР было героическим событием, а Гитлер – спасителем Европы: «В последний момент Фюрер смог сохранить мир от уничтожения». Уэберсбергер утверждал, что

после завоевания Европы весь мир рано или поздно попадет в руки большевиков. После июня 1941г. в мировоззрении этого историка глубоко укорененный антикоммунизм сочетался с расовыми элементами. Он доказывал необходимость довести до конца «смертельную борьбу с большевизмом». «Эта угроза должна быть ликвидирована», - настаивал также Вильгельм Шюслер.

Для Альберта Бракманна война против СССР была внешним продолжением борьбы, которую вел национал-социализм с левым рабочим движением внутри Германии: «С событиями 1917-18гг. русская опасность приобрела совершенно иной и опасный характер, породив угрозу уничтожения всей культуры немецкого народа... Новое национал-социалистическое движение устранило большевистскую опасность в Германии, и теперь, с вступлением немецких войск в Советский Союз открылась перспектива окончательного освобождения от этой угрозы».

Поучительны в этой связи высказывания историков умеренного направления. – Непосредственно после начала немецкого наступления на СССР С.А.Каелер писал Фридриху Майнеке о том, что Договор 1939г. был русским маневром. - Советский Союз не оставлял мысли о европейской войне, как «предпосылке для большевизирования континента и распространения на него власти». Каелер, перед войной критически оценивавший перспективы ведения продолжительных военных действий, теперь возлагал надежды на немецкие намерения обуздать «варварскую революцию азиатского происхождения». В свою очередь, Майнеке проявляя в письмах скептицизм в отношении хода войны, выражал явный страх перед большевизмом и всё же надеялся на немецкую победу и завоевание России.

У историков, дистанцировавшихся от радикальных действий национал-социалистов, сочувствие к их военной политике ограничивалось осторожно выраженной мировоззренческой солидарностью. Многие из них были обеспокоены не экспансией в целом, но ее русской формой, опасаясь дискредитации немецкой политики, гораздо более жесткой, чем на западном направлении. Уэберсбергер доказывал, что подъем московских князей произошел не через созидание и творчество, но «с помощью лукавства и терпения, используя все благоприятные обстоятельства для своего возвышения».

Рейнхард Виттрам утверждал, что «безмерному усилению народов Восточной Европы каждый раз не хватало подготовки к самостоятельному господствующему порядку» /т.е. без помощи немцев – И.Б./. К этому он добавлял геополитический аргумент о том, что большая изменчивость системы /Flußsysteme/ государств Восточной Европы не должно служить обоснованию русского господства, тогда как немецкое преобладание в этом регионе исторически оправдано. Курт фон Раумер для подтверждения своей мысли о немецком праве на территории Восточной Европы использовал также расово-биологические соображения, настаивая на необходимости избежать того, «чтобы духовно низко стоящие народы опустили до своего уровня народы более высокого качества».

В то же время руководство национал-социалистической пропагандой запрещало открытые дискуссии о завоевательных планах Рейха, о захвате регионов России и эксплуатации её ресурсов. Министр по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг, конфликтуя с гауляйтером Украины Эрихом Кохом, предлагал «проявлять сдержанность в статьях и речах в отношении немецких планов на Востоке». Обсуждения поселенческих и переселенческих намерений, как и высказывания о пониженной ценности других народов, опасались из-за того, что их могла использовать советская пропаганда. Несмотря на это, в публикациях некоторых историков открыто выражались надежды на успешность немецкого господства на Востоке.

01.12.1941г. Вильгельм Шюслер писал о войне против СССР, как об «освободительной борьбе за Европу, так как ее существование будет надежно защищено лишь с преодолением русской опасности; когда европейская победа оружия устранил эту страшную угрозу русского распространения, и когда русское пространство со всеми его людьми и полезными ископаемыми присоединится к новой Европе... Рейх имеет задачу «в учреждении действительного порядка в России».

В публикациях Шюслера, как и у Р.Виттрама, присутствовали соображения о разграничениях внутри Советского Союза. Так, Шюслер описывал продолжающееся угнетение Украины Россией и прогнозировал ее отделение от России, принимая во внимание функцию Украины, как «моста для будущего сотрудничества Запада с Восточной Европой». Экономические богатства этой южной республики СССР, несомненно, лежали в ядре концепции Шюслера. Р.Виттрам, в свою очередь, обещал освобождение народов Советского Союза из «плена» и «московитского империализма» в ходе войны. В сентябре 1944г. он получил задание от руководства СС оформить русскую часть исторической картины таким образом, чтобы «русская освободительная борьба» против большевизма была показана как высшая точка военных событий.

Эрих Машке также открыто предъявлял обширные притязания на господство. Немцы, писал он в 1942г., не могут отказаться от естественного развития внутри огромного, неразделяемого восточного пространства. – «Так как всё в этом пространстве через немецкую силу, органически, без разрушения выращено от Нарвы и Петербурга до Черного моря, притянута к Европе и связано с ее судьбой и культурой. Германство, которое должно держаться за свою часть восточного пространства, есть связующее звено между отдельными народами в Европе. Определенно, эта работа в прошлом еще никогда не удавалась в полной мере. Именно отсюда вырастает задача для настоящего и будущего», - обобщал Машке.

Курт фон Раумер считал малоценным русский народ и говорил, что ему не должно быть позволено самому определять свое будущее: «Это известный факт, что русский народ в своей истории не обходился без вспомогательной службы немцев, которые приводили его дела в порядок, и без которых был невозможен физический и моральный прогресс». Обширные притязания

немцев на господство подтверждал и Герман Христерн: «Между Европой и Россией нет естественной границы, которая разделяла бы Европу и Азию. Есть только политическая граница, и ее определяет Рейх!».

После провала «блицкрига» в России руководство Рейха озаботилось максимальной мобилизацией сил для продолжения войны. Используя общие антибольшевистские настроения, немецкая пропаганда поддерживала в союзниках Германии опасения пред большевистским захватом. Важный акцент в этой пропаганде ставился на подчеркивании европейской общности. Антибольшевизм стал фактором, объединяющим Германию с союзными государствами и профашистскими силами в оккупированной Европе. Уже 27.06.1941г. министерство иностранных дел в немецкой дипломатической информации назвало нападение на СССР «крестовым походом против большевизма». «Все народы без исключения должны внести свой вклад в общеевропейскую борьбу за освобождение в любой действенно выраженной форме», - было сказано в ноте.

Последующие неудачи немецких армий усилили поиски более тесного взаимодействия с союзниками Германии на почве антибольшевизма. Пропаганда экспансионистских притязаний и открытая разработка будущего национал-социалистического доминирования в Европе были свернуты. В интересах «мобилизации всех сил европейского континента» против большевизма объединение европейских народов по указанию Геббельса стало доминирующей целью пропаганды.

Многие немецкие историки внесли весомый вклад в эту широко развернутую пропаганду. Историки из Исследовательского объединения фольксдойче в 1942/43гг. старались обосновать переселенческое движение из Нидерландов на оккупированный Восток в рамках программы германизации, представляя этот процесс укорененным в истории, исконным стремлением голландцев /имелось в виду активное участие Нидерландов в экономических связях Ганзы с Востоком, включая Россию – И.Б./ . В Бельгии Франц Петри в 1942/44гг. прославлял «возрождение сознания западноевропейского единства». При этом преследовалась цель вытеснения Англии с континента и «общая защита нашей западноевропейской культуры против большевизма». Вербовка добровольцев для борьбы на Востоке служила «развитию этого нового европейского сознания», - писал Петри.

Г.Грундманн, Ф.Рёрих, Э.Анрих и Г.Франц изъявили готовность содействовать обучению ненемецких добровольцев СС. Как говорилось выше, в 1940г. началась вербовка добровольцев из оккупированных стран в СС и Вермахт, усиленная летом 1941г. Были сформированы полноценные подразделения из отдельных стран с собственным национальным руководством. Особо воспитывались кандидаты в фюреры для стран германизированной Европы. Немецкие историки, наряду с учеными других специальностей, привлекались для чтения циклов лекций в Юнкерской школе СС в Бад-Тельце по темам «Германская общность» и «Наши общие задачи на Востоке». Обозначались цели: «пробудить сознание нашей общей германской судьбы, углу-

бить идейный фундамент германского мышления и развить волю к действиям». При этом учитывалась национальная гордость добровольцев: «Только твердая, объединенная Европа под руководством Рейха могла гарантировать сохранение народной самобытности».

Франц и Анрих, Г.Грундманн и Ф.Рёрих, несмотря на некоторые расхождения в методологии, охотно передавали гуманитарные знания молодым эсэсовцам. Уже указывалось, что содержание их докладов «Рейх и Империя Средневековья» и «Ганза в европейском пространстве» обнаруживали связь с национал-социалистической концепцией гегемонии. Г.Франц в докладе о Тридцатилетней войне представлял ее как «победу не Рейха» /Nichtreich/ на Западе, последствия которой доказали, что Европа без Рейха не могла создать ничего нового. Анрих обращался к немцам добровольцам с призывом «присоединиться к высокому порядку с немецким центральным пунктом». В своем докладе он отмечал необходимость при обучении СС принять во внимание научное содержание сообщаемых сведений, без упора на расово-германоцентристскую аргументацию. Четверо участников этого учебного цикла продолжали пропагандировать «германскую Европу» на службе СС. Упор делался на «великопространственный Рейх» под немецким руководством, а у Грундманна – на восточную экспансию и антибольшевизм.

В заключение своего доклада Грундманн призвал бороться на Востоке за сохранение Европы и ее культурного единства, созданного Средневековым немецким Рейхом, выделяя антибольшевизм, как основной мотив общих действий. Герман Хаймпель в ноябре 1941г. также утверждал, что немецкий Рейх защищает «прошлое и будущее Европы от еще не известного до этого варварства». 75-летний историк Карл Бранди в августе 1943г., уже после поражения немцев на Курской дуге, в статье «Что мы защищаем в Западной Европе?» с обостренной антикоммунистической мотивацией призывал «поддержаться и выстоять». Он утверждал, что у Германии еще сохранились «моральные резервы»: «Чем яснее мы постигаем моральный смысл нашей духовной и материальной оборонительной борьбы, тем решительнее переносим все потери и лишения».

На переднем плане у Бранди стояла универсальная угроза большевизма: «То, что в понятии Европы континентально-европейский мир существенно противостоит англо-саксонской морской державе, - это старая истина. Новое же здесь то, что континентальные европейские народы – от Испании до Румынии и Финляндии – одновременно вынуждены защищаться от континентально-азиатского мира большевизма. Параллельно с этим Северная Америка также пытается подчинить континентальную Европу господству жаждущего прибыли и власти крупного капитала». Бранди убеждал, что в отношении большевизма Англия, однако, не сознает своих интересов, так как «после прорыва большевизмом немецкого фронта мир не сможет удержать ни одна другая держава. Думать иначе было бы иллюзией. Лишь немецкий Вермахт мог бы выполнить эту задачу».

Западная Европа была для Карла Бранди в «общей мировой картине» культурной общностью и, прежде всего, - христианским миром. «Не только на Украине, но и в других регионах, греческое, или православное христианство с надеждой встречало наших солдат, а затем убедительно просило немецкой помощи для избавления от экономической и культурной эксплуатации и от жестокого обращения с ним в Советском Союзе», - утверждал историк.

Но Европу, по мнению Бранди, объединяли не только антибольшевизм и христианство. Третьим фактором было воплощение общих ценностей немцами, как руководящей силой континента. Западная Европа была у него иерархически структурирована. Все работы Бранди особым образом характеризовали Германию. Он говорил о «сверхъестественной, божественной силе немецкого духа». Через четыре года после оккупации Европы Бранди выделял немцев, «которые представляются нашему чувству как отстаивающие элементарные жизненные предпосылки». Историк защищал не только внешнюю политику национал-социализма, но и его внутренний социальный порядок, сила которого проявлялась также в высокой экономической конкурентоспособности на мировом рынке.

Антибольшевизм и война с Советским Союзом подробно освещались немецкими историками. Петер Рихард Рохден нарисовал картину «большевистского степного империализма», угрожавшего Европе. Ганс Халльманн придал нападению на СССР исторический масштаб, приводя Северную войну 1700-1721гг. (11), как пример отказа европейцев противостоять русскому распространению в противоположность современной ситуации. «Сегодня Европа стоит перед тем фактом, что ослепление и ненависть к немцам англосаксонских держав содействует продвижению русского колосса и предаёт общеевропейские интересы», - писал Халльманн. Он также был уверен, что «немецкий меч» сможет остановить «полуварваров с восточной окраины континента» и спасти европейский центр от крушения.

Йенский историк Эрих Машке поместил в «Национальных тетрадах» статью «Защита Европы», подчеркнув в ней «немецкое право на Восток»: «Двадцатое столетие проходит в высоких всемирно-исторических ритмах XIII, XVI и XVII веков. Европе вновь угрожает держава из восточных просторов. И снова европейские народы поднимаются на защиту их общего достоинства во всём сознании своего судьбоносного единства и сплоченности. Курт фон Раумер указывал на «нерасторжимое единство немцев с европейской судьбой», назвав основание Рейха в 1871г. «мобилизацией подлинной Европы против сраставшихся окраинных держав». Он утверждал, что Германия спасла Европу, которая в 1933г. «была оставлена на благосклонность враждебных континенту сил», а в 1943г. существование Европы вновь «подверглось непосредственной угрозе со стороны большевизма и бездуховной Америки». - Одновременно с этим «армии объединенной Европы приступили к исправлению ситуации в связи с катастрофой на русском фронте».

Рейнхард Виттрам в Познани назвал войну «возрождением Европы»: «Как солдаты Европы, немцы установили новый порядок, который снова должен привести континент в целостное состояние /ein Ganzes/... Идет борьба против бездуховности на Востоке, который ставит под сомнение высоту исторического ранга Европы». Рихард Фестер и Вернер Фрауендинст также представили варианты политического видения будущего Европы, «предпосылками которого является уничтожение большевизма и решительное преодоление разлагающего влияния евреев». С 1941г. и особенно в 1943г. государственная и партийная пропаганда, а также историки активно занимались темой европейской истории. Там где раньше говорилось о «немецком единстве», «немецком величии» и «немецком антагонизме с Западом», теперь всё чаще звучала тема Европы и ее связи с Рейхом. Если с 1940г. в европропаганде были представлены, прежде всего, немецкие притязания на порядок и руководство Европой, а также антиевропейская роль Англии и Франции, то теперь зачастую подчеркивалась немецко-французская общность.

В 1943г. Немецкий институт внешнеполитических исследований Риббентропа выпустил справочное руководство, предлагавшее варианты выявления основы европейского единства. В исторической части справочника Фридрих Штиве обнаруживал «неразлучную связь между Германией и Европой» в контрасте с «антиевропейскими силами», воплощенными в Англии и связанными с «азиатскими ордами». Этот Институт, тесно сотрудничавший с министерством иностранных дел Германии, в 1943/44гг. организовал ряд семинаров, в рамках которых с 1940г. активно работавший историк Эгмонт Цехлин делал доклады в Берлине. В них также говорилось о новом единстве Европы и борьбе за ее всеобщее утверждение.

Гамбургский историк Адольф Рейн в 1941/43гг. продолжал тему «европейского диалога», представленную в его работе «Рейх и Европа». Он исходил из единства континента от Нордкапа до Испании, от Сицилии до Крыма и от Крита до пролива Ла-Манш. «Рождение нового порядка в Европе необходимо признать победой старого немецкого мира, в этот порядок надо верить и прилагать усилия для его окончательного воплощения», - писал Рейн. – «Европа может найти свое оформление только из «расово-народного, пространственно-экономического, исторического и политического центра. Адольф Гитлер является организатором Рейха и, вместе с тем, - спасителем Европы».

В 1942г. в официальном журнале МИД «Берлин-Рим-Токио» берлинский профессор В.Хоппе в статье «Карл Великий – первооткрыватель европейской идеи» прославлял императора как немецкого героя и властителя великого Рейха. П.Х.Рохден опубликовал статью «Идея Рейха в европейской истории». Теодор Майер в ежегоднике «Общества европейского экономического планирования и великопространственной экономики» за 1942г. поместил статью «Смысл европейской истории». Как и в своей речи 30.01.1940г. «Германия и Европа», Т.Майер говорил о вредном для Европы принципе национальной государственности «окраинных стран», признавая единствен-

но пригодным тип германского государственного строительства. «То, что разорванная на части Европа уже не господствует в мире, - следствие Первой мировой войны, принесшей с собой смертельную угрозу большевизма и вредные последствия для Европы от вмешательства Соединенных Штатов. Теперь же сохранить мировое положение Европы возможно единственно под немецким руководством», - утверждал Майер.

Текущая мировая война, по его мнению, выполняет «позитивную международную функцию. Она должна быть последней мировой войной в жизни Европы, которая приведет к другому европейскому порядку, способному гарантировать безопасность и защиту Европы и ее народов. Никогда в истории еще не было подобного порядка, который исходил бы из европейского центра, и при котором окраинные государства /Randstaaten/ не в состоянии и не стремятся к изолированному государственному существованию».

Ульрих Кремер и Ойген Франц – профессора в Мюнхене и Вюрцбурге призывали к немецкой победе, необходимой для дальнейшего развития Европы. Все названные историки, исходя из необходимости политической организации Европы и существования большевизма, конституировали единство континента, субъектом которого должно быть военное руководство.

О.Франц называл Германию единственной державой, интересы которой совпадают с европейскими. «Мы видим», - подводил он итог своей исторической конструкции, - «что для России с ее приходящим в упадок царством Европа есть поле битвы за собственную выгоду, которую поставила под сомнение революция, и которая с помощью военных успехов должна была улучшить ее запутанное внутреннее состояние».

Одна Германия, по утверждению Франца, пыталась принести мир на европейский континент. После Версаля она стояла между «беспощадным к Германии западным врагом» и восточным «алчным, жаждущим расчленения Германии /! – И.Б./ большевистским разбойником... Для того, чтобы разгромить нашу страну, эти враги объединились после 1933г., ввергнув, наконец, весь мир в пламя». Теперь для победы Германии необходимо объединить вокруг себя европейские силы порядка». Таким образом, Франц понимал под Европой политически определенное единство.

Ульрих Кремер в 1944г. назвал немецкую победу ключевой проблемой европейского существования, результаты которой должны проявиться не только географически, но также в античном смысле. Кремер говорил о непостоянных границах Европы: «Там, где немецкий солдат держит фронт, там лежит граница Европы. Победа России и мировая революция также сотрут европейские границы, и это с гибелью тысячелетней культуры Европы опустит ее до положения голого придатка советского континента». Мюнхенский историк указал на противоречие между Францией, как «первичной ячейкой подлинной *abebdlandischen*-Европы, соединившей ее германские и романские народы, и – славянскими народами, которые, как и приморские государства и народы, могли в лучшем случае принять лишь незначительное участие в политическом и духовном развитии Европы».

По мнению Кремера, Россия также была Азией, чье «европеизирование стало налетом, который осыпался, после чего вышла наружу татаро-монгольская сторона ее сути». Кремер придерживался антибольшевистских и экспансионистских убеждений. «Историку плохо удаются политические предсказания», - заключал он свою статью. – «Как будет выглядеть новая Европа, каким образом произойдет ее строительство, сложится структура и, наконец, как будут установлены ее границы? – все это покоится в лоне будущего. Германия, как в лучшие времена своей истории, принимает европейскую пограничную вахту. Эта Европа будет стоять под немецким руководством, или перестанет существовать».

Такие историки, как Франц Кремер, Майер и Рейн, вместо агрессивного подчеркивания немецких притязаний на господство, формулировали тезис о единстве Европы и об особых интересах Советского Союза, а также Великобритании и Соединенных Штатов. При этом Карл Бранди и Франц выделяли угрозу европейскому единству, исходящую от капитализма. «Единство германской Европы» доказывалось существованием народных /*völkisch*/ связей на примере таких стран, как Голландия и Бельгия. Немецкие историки широко использовали понятие «*Abendland*». Для таких ученых, как Бранди, Аубин или Хаймпель, это понятие через античное наследие, христианство и общие культурные традиции подтверждало единство германских и романских народов. Франц Петри писал о культурном единстве, иностранном засилье и борьбе народностей. Христианско-западноевропейское единство интерпретировалось как противоречие между Западом и Востоком. Так считал Адольф Рейн в работе «Война Европы против врага западноевропейской свободы и культуры».

В.Шюслер говорил об «освободительной борьбе» вокруг существования Европы: «Наше оружие защищает всю Европу от монгольского нашествия. Великогермания приняла на себя задачу старого Рейха и выражает требование немцев Рейха: ответственно руководить Европой и навести в ней порядок». Генрих фон Зрбик писал о «культурной Европе, обложенной Азией»: «Мать-земля приносит действительные жертвы в борьбе против сил разрушения и выполняет задачи европейской и международной общей воли против революции красной Москвы и хаоса». Рейх-идея теперь определялась им как «чувство судьбоносной общности культурной Европы». В докладе в Берлинской академии /1943г./ Ф.Штыве протянул нить от 843г., через одиннадцать столетий после раздела Рейха Карла Великого, к новому единству и сегодняшнему воскрешению Европы. «Немцы всегда были теми, кто сохранял влечение к целому и готовность к самобытной общности», - сказал историк.

В 1943г. в рамках «Военного подразделения гуманитарных наук» ученые выпустили сборник «Доклад о Вердене». В нем нашла отражения актуальная политическая дискуссия Генриха Миттайса и Герда Телленбаха с Хайнцем Цатчеком и Т.Майером. Основание Рейха в 843г. Майер соотносил с моделью национал-социалистического управления Европой. «Доклад о

Вердене» стал вехой в этой интерпретации. В нем меньше внимания уделено разрушению Рейха, чем его воссозданию, меньше – размежеванию между Германией и Францией, чем основанию нового единства. Майер писал: «Историческая функция Рейха состояла не в разрушении, а в историческом формировании новой Европы с самостоятельными, устойчивыми государствами и народами. Поэтому Доклад имеет для нас еще и то значение, что он представляет знаменательную попытку разрешить проблему народного и государственного мира. Отсюда вытекает то, что Рейх сохранит самостоятельность народов и, таким образом, обеспечит их общность».

Такая интерпретация событий пожертвовала десятилетиями защищавшимся тезисом о немецко-французском противостоянии. Основание Рейха в 843г. создало только «внутренние границы», а «внешние границы Европы лежали на Востоке. Утверждалось, что в основе конфронтации с Советским Союзом лежала «наследственная вражда, конфликт двух тесно трущихся друг о друга соседей», конкуренция вокруг «руководства внутри единой общности германо-романских народов». – «Всё, что, казалось, утратило смысл со времен вторжения гуннов, ислама, татар и турок, вновь угрожает существованию западноевропейских народов и их культуре», - утверждал Теодор Майер. – «Перед лицом опасности разрушения выдающихся памятников нашего культурного прошлого Немецкий Рейх берет на себя ответственность борца за спасение западноевропейской культуры. Память о ней должна побудить солдат и население принести высшие жертвы, обнаружив готовность к ним». Серией таких статей в «Рейнско-Вестфальской газете» историки содействовали поддержанию духа жертвенности в немецком народе.

Но в 1944г. они уже проявляли осторожность в употреблении злободневных исторических ссылок. В публикациях Аубина, Андерса и Бранди проявлялось сознание противоречия между западноевропейской идеологией и сложившейся ролью Германии в этой войне. Аубин уже после польской кампании постепенно отстранялся от публичности. В 1944г. он представил очерк «Участие Германии в перестройке Западной Европы после Великого переселения народов». Здесь доминировала уже не антибольшевистская мобилизация, а попытка перед фактом близящегося окончания войны обозначить германо-немцев как часть западноевропейской культурной общности. - Как и после Первой мировой войны, немцы должны были защищать культуру Западной Европы. После 1944г. Герман Аубин активизировал мобилизацию научного потенциала для военных целей и возобновил работу по исследованию мировой большевистской опасности.

В марте 1942г. «Исследовательский центр Рейха» из службы Розенберга совместно с Национал-социалистическим союзом преподавателей вузов организовали «Восточный съезд немецких ученых». Состав его участников и 42 реферата специальных групп /Fachgruppen/ не были оглашены публично. В 1944г. А Розенберг поручил видному социологу, руководителю группы «Наука» своего Особого штаба Генриху Хартле создание «Института иссле-

дования большевизма» с задачей «использовать немецкую науку в борьбе против большевизма, привлекая для этой цели Особый штаб в оккупированных областях».

Поразительно много профессоров удалось привлечь к участию в «Рабочем содружестве по исследованию большевистской опасности». Его целью, как и у «Военного подразделения гуманитарных наук», должна была стать, прежде всего, обработка «существенно значимых для войны тем» с использованием материалов, захваченных Особым штабом. Большевизм будет представлен здесь, как «покушение на достоинство человека и мировая держава, ставшая оскорблением человечества», в противоположность «национал-социалистической идее и культурному единству Европы». По замыслу Розенберга, это «принципиальное мировоззренческое исследование не должно быть простой пропагандой».

Среди 44 участников в протоколе обсуждения совещания «Рабочего содружества» в Праге 31.10.-02.11.1944г. были известные историки: Аубин и Виттрам, страсбургский профессор **А.Хольцфельд**, берлинский доцент Эрвин Хёльцле, Й.Пфитцнер из Праги, **В.Маркерт**, **Т.Оберлендер**, известный философ Николай Гартман и другие ученые. Здесь присутствовали также функционеры НСДАП и СС. На первом заседании историки говорили о «советском патриотизме» /Пфитцнер/, «духовном авторстве большевизма в Версале» /Хёльцле/, о русском национализме /Виттрам/, об отношении Советского Союза к Англии /Хольцфельд/ и к США /Хёльцле/.

Здесь обозначились два комплекса тем. Первый из них – как удалось Советскому Союзу мобилизовать свой народ на борьбу против национал-социалистической агрессии /здесь «русскому национализму» и «патриотизму» придавалось различное содержание, но оба эти понятия противостояли национал-социалистической идее – И.Б./ . Другую группу тем представляли референты, обсуждавшие экономику, средства сообщения, право, разные аспекты развития науки в СССР, большевизм и марксизм. Изложенные на различном научном уровне, эти сообщения готовили практически пригодные пропагандистские материалы для военного руководства Германии. В то время, как Красная армия уже стояла перед Восточной Пруссией и Варшавой, «Рабочее содружество по исследованию большевистской опасности» еще раз сфокусировало научную энергию для продолжения войны.

Навеянные военными успехами мечты о возрождении Средневекового Рейха, вера в немецкое величие и в возможность содействовать с помощью Германии установлению нового порядка в Европе, надежда на уничтожение ненавистного большевизма – всё это было частью политической убежденности немецких историков в 1939г., затем летом и особенно осенью 1940г., но также и в 1941/42гг. Показательна динамика в освещении этого курса. Когда летом 1939г. немецкие войска вошли в Польшу, влиятельные ученые - Бракманн, Аубин и Уэберсбергер не колебались в оправдании агрессии, уничтожении польского государства, подчинения его населения и захвата территории. Л.Петри или Т.Шайдер, одобрили агрессию. А.Рейн, Т.Майер, В.Хоппе,

Е.Кейзер, В.Фрауендинст, Ф.Петри...содействовали национал-социалистической пропаганде уже в первые месяцы мировой войны. Все они представляли господство над Польшей и заселение ее территории исторически и политически легитимными актами.

Многие историки не сразу заняли одобрительную позицию в отношении внешнеполитических действий Германии. Среди тех, кто в 1933/34гг. поддержали курс на конфронтацию с Западом, были Р.Штадельманн и О.Хётч. Еще в начале 1939г. немногие историки открыто приветствовали шаги руководства к войне, но почти все ранее одобрили вооруженное восстановление естественных прав и затем аншлюс Австрии, а такие историки, как Баэтген и Шрамм праздновали восстановление Рейха по случаю наступления на Чехословакию. Но общее воодушевление пришло вместе с завоевание Польши. Среди этих историков были те, кто до того никогда открыто не поддерживали воинственный курс национал-социалистической Германии: Г.Телленбах, Р.Хольтцманн, Мартин Линтцель, **Александр фон Штауффенберг**, **Отто Фослер /Vobler/** и **Петер Рассов /Rassow/**. Лишь немногие и, как правило, малоавторитетные историки, проявили солидарность с Польшей, но и это было до того, как определился безусловный успех немецких войск.

Уже на переломе 1939/40гг. авторитетные историки придавали законность внешней политике Германии. Шпанн, Т.Майер, Христерн, Шеель, Рейн и Рохден производили агрессивные нападки на Англию и публиковали далеко идущие экспансионистские программы. Таегер, Юст, Андреас и Риттер защищали немецкую позицию в борьбе против Англии. Моммзен, Хаймпель, Анрих и Юст в антифранцузских публикациях готовили общественность к походу на Запад.

Быстрая победа над Францией, аншлюс, оккупация европейских стран и гегемонистское положение Германии на континенте вызвали в историческом сообществе мощную волну одобрения военной политикой национал-социалистов. Успех прорвал плотину. От Майнеке до Зрбика, от Керна, Халлера, Эрнста, Штайнбаха, Виндельбанда, до Хартунга, Кюнтцеля и Онкена теперь восхвалялся реванш за Версаль и возвращение Эльзаса с Лотарингией. Руководящее положение Германии в Европе и вынужденная зависимость Франции вызвали общее глубокое удовлетворение. В разнообразных свидетельствах подтверждалось очарование Новым Порядком на Западе и вера в то, что в системе государств, группировавшихся вокруг немецкого ядра в новых границах, Германия могла определять экономический порядок великого пространства и свободное жизненное пространство для развития других народов.

Летом 1940г. открылась фаза, когда историки активно участвовали в политической легитимации военной политики национал-социализма. Исторические исследования ориентировались на политические потребности Германии. Уже в начале 1940г. историки из «Военного подразделения гуманитарных наук» под руководством Т.Майера и В.Платцхофа мобилизовали «историческое оружие» для обоснования Нового Порядка в Европе. Шесть из-

вестных университетских преподавателей поддержали ведомство Розенберга при устройстве выставки «Немецкое величие», призванной убедить сотни тысяч посетителей в немецком праве на европейское господство. Значительное число высокоуважаемых историков рассматривали результирующий порядок на континенте, как общеевропейское воплощение установленного Гитлером Рейха, объявленного исторической закономерностью.

Компетенция ученых была использована для разработки планов аннексий, эксплуатации архивов иностранных государств и обучения немецких оккупационных служб. Такие историки, как Кейзер, Машке или Лауберт охотно поставили свое знание истории на службу расовой народной политике /*Volkstumspolitik*/, для обеспечений эффективного освоения европейских стран. Национал-социалистическая программа была представлена в общественных концепциях, различавшихся в деталях, например, у Раумера и фон Мюллера и у членов партии – Карла Бранди и Франца Петри. Трудно провести ясную разграничительную линию между отношением историков к немецкой политике в январе 1943 и в апреле 1945г. Она, естественно, не была единодушной и во многом определялась ходом событий.

Выше указывалось, что нападение на Советский Союз публично поддержали: Бракманн, Шюслер, Уэберсбергер, Виндельбанд, Христерн, Раумер, Машке и Виттрам. Прямую готовность оправдать эту войну европейской борьбой Германии в защиту западноевропейских интересов выражали также: Ф.Петри, Грундманн, Хаймпель, Бранди, Рохден, Халльманн, Майер и Зрбик. Еще до поражения немецкой армии в 1943г. они публично пропагандировали «оборонительную борьбу» против большевизма. Однако число публикаций, делавших упор на военную политику Германии, убывало с 1943г. Со второй половины 1944 года лишь ограниченное число журналов и брошюр посвящали материалы этой теме. Обобщенные высказывания по военной тематике стали редкостью, но историки дистанцировались от немецкой военной политики в неясной форме. После войны появлялись неподтвержденные сообщения о контактах с Соппротивлением Риттера, Цехлина, Керна, Баэтгена, и Браубаха. Рано арестованные молодые антифашистские историки – Г.Заке /*Sacke*/ и В.Марков /*Markov*/ не представляли заслуживающую внимания тенденцию.

Отмечено явное снижение публикаций с ходом войны. Одновременно менялось их содержание. Характерно протекала деятельность Германа Аубина. Уже в поздние военные годы он участвовал в работе Северо-восточного исследовательского сообщества, а также в заседаниях Рабочего содружества по исследованию большевистской опасности. Но число его публикаций с конца 1940г. было невелико. Боннский историк Франц Штайнбах в указателе заметных работ Аубина привел лишь его речь в духе немецко-французского военного противостояния и доклад 1940г. с оправданием аннексии Люксембурга.

Причиной публицистического молчания могли стать призывы на военную службу и снижение возможности публиковаться в годы войны. В Бонне

историк Ганс Халльманн сделал два доклада 25.01. и 01.02.1943г. За несколько дней до капитуляции 6-й армии под Сталинградом он говорил: «Чем заслужила Германия это новое испытание? Почему немцам не позволено иметь необходимое пространство для жизни, подобно любому великому народу? Как случилось, что господствующий народ белой расы объединяется с полуварварами Востока, мобилизовавшими силы всего континента в борьбе против нашего народа, чей Фюрер так добросовестно стремится к сохранению мира?».

Позиция Халльманна типична для ряда публикаций этого времени. В 1943/44гг. доминировала уже не идея господства над Европой Германии, повергнувшей к своим ногам колоссальное пространство, не триумфальные победы и не воодушевление кажущимся восстановлением Средневекового Рейха. Сегодня это была позиция, защищавшая лишь свое элементарное право на мир от врагов. Эта продолжающаяся угроза представлялась определяющим элементом немецкой истории. Халльманн изображал мировую войну как «новый натиск нашего врага на Великогерманский Рейх, чтобы отбросить его в положение слабости Старого Рейха, проявление которой мы узнали, например, в Вестфальском мире 1648 года».

В подобном описании был утрачен оптимизм и твердость взгляда на то, что Германия под руководством Гитлера способна дать отпор намерению врага уничтожить её. Всё же, несмотря на сомнения в возможности сохранить достигнутую сферу господства, здесь еще не было дистанцирования от национал-социалистического режима и его агрессивности. Боннский историк прославлял войну, как восстановление древнего права и путь к завершению тысячелетней немецкой истории. «Современные испытания есть часть судьбоносного предназначения Германии», - говорил Халльманн. Подобно Карлу Бранди, с его призывом к «защите Западной Европы», Ганс Халльманн видел задачу исторической науки в поддержании твердости в народе и желания продержаться до конца испытаний: «Мы ведем борьбу за собственное государство, которое стоит на высоте времени под строгим руководством и с использованием всех доступных средств».

Вильгельм Моммзен в 1944г. также писал о навязанной Германии испанской борьбе, которая вынуждена «сражаться с огромными жертвами за Великогерманский Рейх и подобающее ему положение в Европе и мире». Продолжительная солидарность с национал-социалистической политикой вместе с растущим пессимизмом обнаруживаются в этот период у Манфреда Лауберта. В 1944г. он написал очерк истории пограничного и зарубежного германского мира /*Deutschtums*/, изобразив ее как непрерывное ухудшение ситуации с помощью церкви, демократов, социалистов и Польши. Этот берлинский ординариус, специалист по Польше, в 1943г. поставивший свою компетенцию на службу «народной работе» /*Volkstumsarbeit*/, отстаивая жесткую переселенческую политику и требуя подчинения славян, в 1944г. всё же признавался в приверженности к национал-социалистической политике.

«С победой национал-социализма в Германии началась революционная судьбоносная эпоха и для пограничных немцев на Востоке, открывшая совершенно новые методы решения. Была нейтрализована церковь, как политическая сила, устранен парламент, решающим образом смягчены классовые противоречия в новом народном фронте. К тому же гарантировано будущее на Востоке для нового раскрытия немецкой сути под охраной могущественного Рейха», - утверждал Манфред Лауберт. «На этом фундаменте в целом самостоятельно, но под немецким управлением на пограничном рубеже между Европой и Азией может быть достигнут культурный симбиоз всех частей Западной Европы, достаточно прочный, чтобы сохранить нерасторжимое единство нашего континента и защитить его от вторжения с Востока», - заключал историк.

Новое «немецкое величие» не было подвергнуто сомнению и в высказываниях других представителей исторического сообщества в 1943 или 1944 годах. 28.01.1943г. Фридрих Штиве перед Академией в Берлине неустанно и прямо говорил о «воскрешении Европы» вследствие «бессмертного героизма борцов под Сталинградом». В том же году лейпцигский ректор Гельмут Берве демонстрировал готовность использовать историческую дисциплину для военного руководства и победы. «Историческая наука марширует в рядах борющейся нации», - заверял Эрих Ботценхарт.

Карл Александр фон Мюллер подтверждал свою твердую веру в национал-социализм, с которым немецкая история должна прийти к завершению. Он писал: «Утвердилась народная эпоха, основанная на авторитете государственного руководства, и выстроен социализм, опирающийся на общность всего народа. Борющийся на двух фронтах: против марксистского большевизма и демократической плутократии Фюрер отстаивает наше родное жизненное пространство, свое единое народное государство и решает задачу восстановления порядка в Европе».

В 1944г. ряд авторитетных историков еще выражал оптимизм в официальных выступлениях и публикациях. Франц Петри пропагандировал обновление Европы под знаком *volkischen*-принципов, а Вальтер Платцхофф неустанно называл банкротом британскую политику. Фриц Рёрих по-прежнему характеризовал политику Ганзы, как «подлинно великопространственную экономику», и в январе 1944г. в Академии говорил о законности немецкой политики: «Когда на немецкой почве нерасторжимо связаны друг с другом народ и твердая государственная форма, тогда должны быть отданы последние силы в каждом наступлении, которое несет оправдание для нас самих и всего мира». Мюнхенский историк Ульрих Кремер в середине 1944г. завершил свое выступление своеобразным паролем – «победа или поражение!».

Но с середины 1943г. у историков нарастали сомнения в успешном исходе войны и тревога за будущее Германии. В июле 1943г. Курт фон Раумер писал о «непосредственной угрозе европейскому существованию со стороны большевизма и бездуховной Америки», но уже не высказывал уверенности в

победе немецкого оружия. Еще в июне 1943г. Генрих фон Зрбик говорил в Венской академии о борьбе «созидательного, творческого порядка против хаоса» и выражал твердую уверенность в победе Германии. В письмах В.Шюслера к Зрбику в это же время выражались сомнения в победоносном окончании войны. Переписка этих убежденных национал-социалистов содержала пессимистические признания, которые они не позволяли себе в речах и публикациях.

Еще в октябре 1944г. Теодор Майер готовил собрание историков, на котором должны были выступить Грундманн, Хаймпель, Риттербуш, **Кален** и Хоппе. О темах и ходе этой встречи мало что известно. Но к середине 1944г. для большинства немецких историков перспектива национал-социалистического господства в Европе утратила реальность. Очевидным становилось поражение и разрушение Германии. Предостерегающим примером стала статья Мартина Шпанна в газете «Западноевропейский наблюдатель». 28.06.1944г., в годовщину подписания Версальского договора он писал о том, что Англия пытается подчинить Германию и ввергнуть ее в «капиталистическое порабощение». «Сегодня усиливается опасность, исходящая от большевизма... С его помощью плутократия действует бесцеремонно. Англичанин хочет, чтобы немецкий народ очутился под большевистской властью». Воспоминание о Версале у Шпанна не было случайным. Он еще поддерживал немецкие военные действия, и «Версаль» стал предостережением немецкому народу о ждущей его «ужасной судьбе» в случае поражения. В предвидении немецкого падения и разрушения значительной части Европы историк ожидал нового натиска со стороны «мировой державы», вероятно, имея в виду уже США.

У части исторического сообщества происходило в 40-е годы явное дистанцирование от немецкой военной политики и национал-социалистического государства. В обновленном издании книги «Власть и утопия» /1943/ и в статье для издания «Мировые события» Герхард Риттер выражал сомнения в благоприятном исходе войны, в перспективах немецкого господства в Европе и достижении правового порядка в ее пределах. Вилли Андреас сдержанно критиковал национал-социалистический строй. Герман Хаймпель, открыто приветствовавший национал-социалистические завоевания, еще в феврале 1943г. опубликовал в «Историческом журнале» статью, представив в ней войну не фундаментом немецкого величия, но как тяжелый груз для Германии. Его жалобы на недостаток средств для воздушной обороны, на «бешенство» мировой войны, препятствовавшей научной работе, производили впечатление откровенной критики.

Фриц Хартунг также продолжил процесс дистанцирования. В феврале 1942г. он ссылаясь на речь Гитлера в популярном сравнении текущей военной ситуации с положением Фридриха II в Семилетней войне. «Нет необходимости, чтобы я жил, но я должен выполнять свой долг», - писал он тогда. Еще в 1943г. он верил в то, что «в 1938г. было начато строительство нового прочного порядка, завершение которого должно дать внушительный резуль-

тат в сегодняшней войне». Но в 1944г. Хартунг говорил о «в значительной степени недолговечности диктаторской формы правления со времен Первой мировой войны» и размышлял об опасности втягивания народа во внешнеполитические авантюры и того, что может возникнуть на месте государства в случае его падения.

В различных публикациях этого смутного периода присутствовало, казалось бы, абстрактное философствование о смысле истории. «В момент, когда на нас обрушилось так много судьбоносных проблем», Вилли Андреас видел задачу произвести широкий пересмотр исторической картины. Подобные рассуждения обнаружены также у Цехлина, Шнабеля или Аубина. Такого рода размышления об исторической непрерывности или историческом сознании производили впечатление о неостановимости падения. В статье, напечатанной в разных изданиях в период Сталинградской битвы, В.Андреас задавался вопросом о «смысле смерти и становлении, которое мы сегодня фактически переживаем». Он обнаружил смысл войны в «преобразовании и распаде, в катастрофе и разрушении настоящего мира» и «замене его новым, справедливым порядком вещей». Андреас, однако, еще верил в необходимость опираться на «великое государственное прошлое немецкого народа», которому выпала ведущая роль в драматических событиях.

Подобную точку зрения выражал в статьях также Эгмонт Цехлин. Андерс, как и Андреас, открыто проявляли скепсис в отношении будущего. Неопределенность в ожиданиях заняла у них место уверенности в прочном господствующем положении Германии. Андерс вел речь о «героико-трагической борьбе с силой судьбы» и о «неисповедимости истории». Теперь общая история не сводилась к потребности трех ведущих держав господствовать в мире, но – к разъяснению ее смысла, к понятию человечества и сущности того, что присуще человеку. Это была пораженческая философия, находившая утешение в рассуждениях о преходящей тщете всего земного. Больше не отваживались делать прогнозы на будущее: «Развитие того, что однажды развилось из мятежа /Aufruhr/, который мы еще сегодня переживаем, больше никто не может предсказать» /Андреас/.

Но осталась мысль о внешней угрозе Германии, находившейся «между Сциллой капиталистической экспансии Америки и Харибдой пролетарского движения Советского Союза». Э.Цехлин предупреждал о близости империалистического «мирового завоевания» обширных пространств, прежде всего, в Африке, указывая на экономическую сторону этого процесса. Андреас, Цехлин и Андерс, как и удаленный с преподавательской работы Франц Шнабель, никогда целиком не поддерживали национал-социалистическую политику. Статьи Шнабеля в апреле и мае 1944г. об актуальном смысле истории в «Рейнско-Вестфальской газете» обходились без ясных актуальных комментариев к текущему положению. Когда он писал о возможном наступлении времен, когда ничто не будет свидетельствовать об уважении к истории, и предупреждал о наступлении новой эры, в которой «то, что было внутренне мертво, может быть обновлено и перестроено, начиная с фундамента», - то

это была достаточно ясная точка зрения на завершение национал-социалистического периода развития Германии.

КОМЕНТАРИИ:

(1) – **Версальский мирный договор** – подписан 28.06.1919г. Формально завершил Первую мировую войну. Подписан Германией и «союзными объединенными державами»: США, Британской империей, Францией, Италией, Японией и рядом других государств Европы и Латинской Америки. Вступил в силу 10.01.1920г., после его ратификации Германией и четырьмя главными союзными державами – Англией, Францией, Италией и Японией. Состоял из 15-ти частей. По Договору Германия передавала Бельгии округа Мальмеди и Ойпен, а также т.н. нейтральную и прусскую части Морене; Польше – Познань, части Померании, Западной Пруссии и Верхней Силезии. Франции была передана Эльзас-Лотарингия. Признавался выход Люксембурга из Германского таможенного объединения. Данциг был объявлен вольным городом. Мемель отдан союзным державам и в 1923г. передан Литве. Некоторая часть Силезии отошла к Чехословакии. Часть Шлезвига в 1920г. перешла к Дании.

Франции передавались в «полную неограниченную собственность» немецкие угольные копи в Саарском бассейне. Саар на 15 лет переходил под управление Лиги Наций. Вся германская часть левобережья Рейна и 50-ти километровая полоса на правом берегу подлежала демилитаризации. Германия признавала «независимость всех территорий, входивших в состав Российской империи к 01.08.1918г.». Германия лишалась всех колоний, позднее поделенных победителями. Четыре части Договора были посвящены ограничению численности германских вооруженных сил /не более 100тыс./, наказанию «военных преступников», положению германских военнопленных и чудовищным по своим размерам репарациям. Германии предписывалось аннулировать все договоры экономического характера с Турцией, Австро-Венгрией, Россией и Румынией.

Две заключительные части Договора устанавливали гарантии его выполнения Германией и обязывали ее *«признать полную силу мирных договоров и дополнительных конвенций, которые будут заключены союзными и объединившимися державами с державами, сражавшимися на стороне Германии»*. – Таким образом, **планы ограбления Германии проектировались и на будущее!**

Необходимо иметь в виду, что Первая мировая война, как и Тридцатилетняя война XVII века с участием Германии представляли собой коалиционные столкновения европейских держав, боровшихся за преобладание на континенте. С точки зрения современного международного права их «вина» за развязывания военных конфликтов была одинакова. В обеих войнах решающее значение имело желание союзников уничтожить Германию как главного конкурента на господство в Европе.

(2) – **Ганза** – торговый союз северонемецких городов во главе с Любеком, существовавший в XIV-XVI веках /формально до 1669г./. Ганза - преемник немецкого купечества XI-XIII веков, главным центром которого на Востоке Европы был о. Голанд. На этом основании историки выделяют два этапа в развитии Ганзы – «купеческую» и «городскую».

(3) – **Принц Евгений Савойский** /Eugen von Savoyen/ - (1663-1736) – австрийский государственный деятель, полководец /1693/. В 1696г. назначен главнокомандующим австрийской армией и одержал решительную победу над турками при Зенге, приведшую к заключения выгодного для Австрии Карловицкого мира /1699/. Во время войны за Испанское наследство /1701-14/ одержал крупные победы над франко-баварской армией австрийскими силами в 1704г. и совместно с английской армией – в 1706 и 1709гг. Подписал Раштадтский мир /1714/. Как наместник присоединенных к Австрии Южных Нидерландов /до 1724г./, подавлял там антигабсбургское движение. В новой австро-турецкой войне 1716-18гг. войска под командованием Принца Савойского победили турок и в 1717г. заняли Белград. Во внешней политике принц Савойский выступал за союз Австрии, Пруссии и России против Франции и Турции. Способствовал заключению австро-русского союза 1726г.

(4) – **Венский конгресс**: международный конгресс 1814-15гг., завершивший войны европейских держав с наполеоновской Францией. Руководящую роль в нем играли Россия, Австрия и Англия. Победителям Франции /России, Австрии, Англии и Пруссии/ не удалось сохранить на Конгрессе полное единства. Хотя вопрос о будущих границах Франции был решен в полном согласии, серьезные противоречия вызвали вопросы о Польше и Саксонии, так как Англия не желала серьезного усиления России, как и правительство Австрии, которое, кроме того, сопротивлялось переходу Саксонии в руки Пруссии. 03.01.1915г. был подписан тайный договор Франции, Англии и Австрии, направленный против Пруссии и России.

Оба эти государства были вынуждены пойти на уступки в польском и саксонском вопросах. Пруссия получила только северную половину Саксонии, а южная часть осталась самостоятельной. К России отошла лишь часть Варшавского герцогства, получившая название Королевства Польского. Познань осталась в руках Пруссии, а Краков определен «вольным городом». Венский конгресс закрепил политическую раздробленность Германии. За вынужденный отказ от Южной Саксонии Пруссия была компенсирована значительным расширением ее владений на Рейне. Она получила две области: Рейнскую провинцию и Вестфалию - самые крупные в Германии по экономическому развитию и важные в стратегическом отношении. Их присоединение обеспечивало в дальнейшем возможность для Пруссии стать во главе Германии. Пруссия приобрела также остров Рюген и шведскую Померанию.

(5) – **Утрехтский мир** – общее название ряда двусторонних договоров, подписанных в 1713-15 гг. между Францией и Испанией, с одной стороны, и всеми их противниками в Войне за испанское наследство, - с другой. В частности, по франко-прусскому договору Франция /от имени испанского короля/ передавала Пруссии часть территории в Испанских Нидерландах, признавала Невшатель прусским, но Пруссия отказывалась от притязаний на княжество Оранж. Особой статьей Франция признавала за курфюрстом Бранденбургским титул «короля прусского». От Утрехтского мира больше всего выиграла Англия, получившая от Франции ряд владений в Северной Америке, право на заокеанские владения Испании, на Гибралтар и Маон /важный порт на о. Менорка/ и особые права в торговле с испанскими колониями. В результате общей перекройки континентальной территории и колониальных владений Англия сделала важный шаг к своему торговому и колониальному господству. Важным результатом войны стало неустойчивость системы европейских государств, которым также воспользовалась, прежде всего, Англия. Дальнейшим этапом на этом пути стала Семилетняя война /1756-63/, завершившаяся Парижским мирным договором 1763 г.

(6) – **Вестфальский мир** 1648 г. завершил европейскую Тридцатилетнюю войну 1618-48 гг. Объединил два мирных договора – между императором Священной Римской Империи со Швецией с ее союзниками и с Францией с ее союзниками. Швеция получила от Империи, кроме контрибуции в 5 млн. талеров, о. Рюген, всю Западную и часть Восточной Померании с г. Штеттин, г. Висмар, архиепископство Бременское и епископство Верден. Таким образом, все важнейшие гавани на побережье Балтийского и Северного морей оказались у Швеции. Франция получила бывшие владения Габсбургов в Эльзасе и подтвердила свой суверенитет над Мецем, Тулем и Верденом.

Обе победительницы, а также русский государь были объявлены гарантами выполнения Вестфальского договора. Швецию формально приняли в состав империи с правом посылать своих депутатов на имперские сеймы. Германские князья обрели полную независимость от Императора и Империи в проведении внутренней и внешней политики. Союзники держав-победительниц – германские княжества: Бранденбург, Мекленбург и Брауншвейг-Люнебург получили территориальные прирезки за счет секуляризованных епископств и монастырей. **Вестфальский мирный договор закрепил и усилил политическую раздробленность Германии. Франция на длительное время обеспечила себе доминирующее положение в Западной Европе.** Вестфальский мир расценен крупными немецкими историками, как главная причина последующей экономической и политической отсталости Германии. Вину за раздробление Германии возложили на французских кардиналов – фактического правившего при Людовике XIII Ришелье /1585-1642/ и его преемника, первого министра Мазарини /1602-1661/.

(7) – **Франция. Этногенез французского народа. Французские династии.** Название «Франция» впервые появилось в 6в., как обозначение области расселения германского племени франков в бассейне рек Мааса и Шельды. В 7-8 вв. Францией называли часть Франкского государства между реками Луарой и Соммой. В 9в. «Западной Францией», «Средней Францией» и «Восточной Францией» обозначали части империи Каролингов. С 10в. Название «Франция» употребляли для территории, сходной с территорией современной Франции.

Древнее название Франции – Галлия, по имени населявшего ее народа. Управлявшая страной галльская аристократия составляла потомство древних германских и скандинавских завоевателей. Галльские же крестьяне по антропологическому типу были потомками более ранних обитателей страны – кельтов. Невысокие, смуглые с коротким и широким черепом /брахицефалы/ кельты были родственны славянам. Антропологи называют их кельто-славянами. Главные черты этого типа: живость ума и его преобладание над волевой энергией, веселость, известная овечья покорность, желание быть управляемыми другими. По мнению ученых, фундамент французского населения был заложен еще в веке железных орудий. Позднее новые вторжения германцев и норманнов усилили высокорослый и белокурый элемент населения. Страбон, Цезарь и Диодор Сицилийский писали, что галлы были высокого роста, белокожие и с белокурыми волосами.

Что касается кельтского языка, то его происхождение историки связывают с индогерманским преобладанием. Кельтский язык не являлся настоящим языком смуглых брахицефалов, а занесен к ним белокурой расой. Кельты, подобно славянам, были «ариизированы» длинноголовыми завоевателями: галлами в тесном значении слова, германцами и скандинавами. Кельтский язык был внесен в среду кельтов различными племенами галлов – народа, ставшего родственным германцам и норманнам. Англия, населенная сначала иберийцами и кельтами, сделалась впоследствии германской и скандинавской в большей половине своего населения. Саксы навязали свой язык кельтам Великобритании. Норманны, завоевавшие после того Англию, не смогли внести в нее своего языка. Почти то же самое произошло в Галлии.

В 7в. в результате ослабления германской династии Меровингов /457-751/ на территории Франции сложились самостоятельные королевства: Австразия, Нейстрия и Бургундия. Почти полной независимости добились на юге Аквитания, Гасконь, Прованс и Бретань. Политическое единство Франкского государства было достигнуто в первой половине 8в., когда к власти пришли Каролинги – члены династии Карла Великого. При Карле Мартелле и Пипине Коротком были воссоединены Австразия, Нейстрия и Бургундия и побеждены арабы. В правление Карла Великого /742-814/ территория Франции входила в состав обширной империи Каролингов.

Третьей правящей династией во Франции были Капетинги, давшие стране 16 королей. Эта династия прекратилась в старшей линии в 1328г. Если суммировать преобладающие в научном мире взгляды на зарождение дина-

стии Капетингов, то ее родоначальником стал саксонец Витихин /Witichin/, сын которого – Роберт Храбрый приобрел герцогство между Сеной и Луарой и пал в 866г. в борьбе с норманнами. Его сын – Эд, граф Парижский и герцог Нейстринский после удачной защиты от норманнов был избран французским королем /888/ и умер в 898г. Его противник /с 893/ каролинг Карл Простой допустил в 922г. переход короны к брату Эдда Роберту, а по смерти Роберта – к его зятю – Рудольфу Бургундскому /ум. 936/. Сын Роберта Гуго Великий – герцог Французский и Бургундский, граф Парижский и Орлеанский предоставил корону каролингам - Людовику Заморскому и Лотарю.

По смерти Людовика V Ленивого /987/ сын Гуго Великого и сестры императора Оттона I Эдвиги Саксонской Гуго Капет был избран королем, отстояв корону от притязаний Карла Нижнелотарингского, и с тех пор королевская корона переходила в роду Капетингов по прямой линии в продолжение 340 лет, прекратившись в старшей линии в 1328г. Младшие линии династии Капетингов – Валуа, а затем Бурбоны – правили страной до 1848г. /с перерывом в 1830-48/, когда была окончательно установлена буржуазная республика.

(8) – **Территория современных Нидерландов** была заселена уже в неолитический период. К началу новой эры преобладавшие там кельтские племена были вытеснены германцами /батавами, фризами и др./. В 3-4 веках н.э. часть территории Нидерландов завоевали римляне. В 3-4 вв. здесь поселились немецкие племена: франки на юге, саксы на востоке и фризы на севере. С образованием в 5 веке франкского государства земли Нидерландов стали его периферией. В 10-11 веках на территории Нидерландов образовался ряд мелких феодальных владений, формально связанных вассальными отношениями со Священной Римской Империей.

В результате ослабления Нидерландов в ходе длительной войны между Францией и Англией /1337-1453/, в которой на разных сторонах участвовали отдельные провинции страны, ослабленные Нидерланды были захвачены герцогами Бургундскими и вошли в состав их обширной державы. С ее распадом Нидерланды стали составной частью владений Габсбургов, в 1482г. включивших страну в так называемый Бургундский округ Священной Римской Империи. После раздела Империи Карла V в результате борьбы европейских государств Нидерланды с 1566г. оказались под властью Испании. *Территория современной Бельгии с древности занимала южную часть Нидерландов.*

На землях Бельгии в 5-10вв. н.э. складывались две народности: фламандцы /преимущественно потомки франков, фризов и саксов/ занимали северную часть Бельгии, валлоны /потомки романизированных кельтов/ - ее южную часть. На ее территории после распада империи Каролингов /потомков Карла Великого/ в 843г. возникли графство Фландрия и герцогство Нижняя Лотарингия, распавшееся затем на ряд самостоятельных княжеств:

Брабант, Эно, Лимбург, Люксембург и др. В конце 15 века все бельгийские княжества вошли в состав Бургундского герцогства.

После 1621г. Испанские Нидерланды стали частью Испанского протектората. В 50-х годах 17 века борьбу с Нидерландами за колониальное, морское и торговое господство начала Англия. С 1672 по 1713г. Нидерланды также вели тяжелые войны с Францией, в которых они составляли коалиции с другими державами. В то же время Нидерланды оказывались во всё большем подчинении у Англии, которой уступили позиции в международной торговле в конце 17 века. С 1689 по 1702г. нидерландские олигархи проводили политику ущемления интересов собственной буржуазии в пользу ее английских конкурентов. А с 1795 по 1813г. Нидерланды фактически находились под французским господством. После поражения Наполеона под Лейпцигом французские войска покинули страну. В 1815г. к Нидерландам была вновь присоединена Бельгия, во времена испанского господства находившаяся в отделении от северных провинций Нидерландов, и образовано Нидерландское королевство, к которому на началах личной унии /до 1890г./ был присоединен Люксембург. В результате бельгийской революции 1830г. Бельгия завоевала независимость и выделилась в отдельное государство.

(9) – **Отто фон Бисмарк** /1815-98/ - великий государственный деятель Германии. В 1847-48гг. был депутатом 1-го и 2-го ландтагов Пруссии и сторонником применения вооруженной силы для подавления революции. В 1851-59гг. представлял Пруссию в бундестаге во Франкфурте-на-Майне. В 1859-62гг. – посланник в России, в 1862г. – во Франции. С 1862г. министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. Вопреки конституционным нормам Бисмарк провел в 60-х годах военную реформу, значительно усилив военную мощь Пруссии. Опираясь на мощь прусской армии в результате победоносных войн с Данией /Датская война 1864г./, с Австрией /Австро-Прусская война 1866г./ и Францией /Франко-Прусская война 1870-71гг./, Бисмарк осуществил объединение Германии при главенствующей роли Пруссии.

В 1871г. он помог Тьеру подавить Парижскую коммуну. После создания в 1867г. Северо-Германского Союза Бисмарк стал бундесканцлером. В 1871-90гг. – рейхсканцлер Германской империи /II Рейха/. В 70-х годах, во время так называемого «Культуркампфа» выступал против клерикально-партикулярной оппозиции, поддержанной католической церковью. В 1870-90гг. применением Исключительного закона против социалистов и программой социального законодательства он стремился помешать росту революционного движения. Правительство Бисмарка боролось с польскими националистами, онемечивая часть польского населения.

Ведя сложную коалиционную политику, Бисмарк стал инициатором русско-австрийско-германского соглашения 1873г. /«Союз трех императоров»/. В 1879г. он добился заключения союза с Австро-Венгрией, а в 1882г. – Тройственного Союза /Германия, Австро-Венгрия и Италия/, направленного

как против Франции, так и против России. Но, стремясь предотвратить войну на два фронта и возобновив в 1881 и 1884гг. Союз трех императоров, Бисмарк в 1887г. заключил с Россией «Перестраховочный договор».

В конце 80хгг. канцлер выступал против намерения военных кругов начать превентивную войну с Россией. Однако германское проникновение на Балканы, мероприятия против русского экспорта и др. ухудшили отношения с Россией. Игнорируя англо-германские противоречия, Бисмарк пытался добиться сближения с Англией /ср. с усилиями Гитлера накануне Второй мировой войны/. Но политика колониальной экспансии, проводившаяся канцлером в 80-х годах обострила отношения с Англией. Стратегические усилия Бисмарка на разных направлениях не совпадали с курсом Вильгельма I и германских военных, что побудило его к отставке в 1890г.

(10) – **Буржуазная революция в Германии 1848-49гг.** Обе действующие в революции силы – буржуазия и рабоче-крестьянские массы – добивались каждая своим путем ликвидации феодального абсолютизма, что объективно отвечало исторически возникшим потребностям Германии. Если массы при этом не имели ясного плана преобразования страны, то буржуазия стремилась к объединению Германии вокруг Пруссии под властью Гогенцоллернов. В марте 1849г. Франкфуртское национальное собрание приняло Имперскую конституцию /имелся в виду Таможенный союз германских провинций/, а продолжавшие революцию силы были разбиты. Это «промежуточное» состояние Германии завершилось в 1871г. образованием Второго Рейха, в котором ведущую роль сыграл канцлер Бисмарк.

(11) – **Северная война 1700-1721гг.** – Война России против Швеции за выход к Балтийскому морю. В начале XVIII века Швеция стала одной из самых могущественных европейских держав. Ее владения распространялись на Финляндию, Эстляндию, Лифляндию, Ингерманландию и Карелию, Северную Померанию, герцогства Бремен, Верден и Висмар в Северной Германии. Готовясь к борьбе со Швецией, Петр Первый заключил союз с Данией и курфюрстом Саксонским /польским королем/ Августом II, который после ряда военных неудач отказался от польской короны и порвал союз с Россией. Победа над Шведами под Полтавой в 1709г. привела к решающему перелому в ходе войны и к восстановлению антишведской коалиции, образованной Августом II, королями датским и прусским, к которым присоединился Петр I.

Театр военных действий переместился в Прибалтику и Северную Германию. Был подписан дружественный договор России с Ганновером. В октябре 1713г. в войну против Швеции вступила Пруссия. Всю Померанию заняли союзные войска. Шведские владения в Германии были разделены между Данией, Пруссией и Ганновером. После ряда поражений, в начале 1720г. Швеция заключила союз с Англией и мир с Пруссией, а затем с Данией. Англия вела безуспешные военные действия в Балтийском море против России и после нескольких неудач рекомендовала Швеции заключить мир. В сентяб-

ре 1721г. был подписан Ништадтский мирный договор, по которому к России отошли Лифляндия, Эстляндия, Ингерманландия, часть Карелии и Моозундские острова.

Ганс Халльманн расценивал результаты этой войны как ущемление общеевропейских интересов в пользу России, так как все европейские государства, участвовавшие или затронутые войной, за исключением Англии, понесли территориальный или экономический ущерб.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карл Александр фон Мюллер, «Probleme des Zweiten Reiches im Lichte des Dritten», 1935г.
2. Hermann Aubin, «Von Raum und Grenzen des deutschen Volkes», Breslau, 1938г.
3. Erich Brandenbur, «Europa und die Welt», Hamburg, 1937г.
4. Walter Frank, «Historie und Leben. Rede zur Eröffnung des Historikertages am 5. Juli 1937г., Hamburg 1937г.
5. Theodor Mayer, «Über den Sinn der europäischen Geschichte», Berlin, Dresden, 1942г.
6. Arnold Oskar Meyer, «Deutsche und Engländer. Wesen und Werden in großer Geschichte, München, 1937г. Его же: «Die britische Garantiepolitik. Ein historische Vergleich, in: «Das Reich», 01.12.1940.
7. Wilhelm Mommsen, «Vom Werden der Reichsidee – Wörter bleiben, ihr Inhalt wächst, in: «Das Reich», № 15, 1945г.
8. K.A.von Müller, «Vom alten zum neuen Deutschland. Aufsätze und Reden», 1914-1938гг., Stuttgart, Berlin, 1938г.
9. Franz Petri, «Holland, Flandern, Wallonen. Vorlande des Reiches im Nordwesten», Brüssel, 1944г.
10. Hermann Oncken, «Nation und Geschichte. Reden und Aufsätze, 1919-1935гг.», Berlin, 1935г.
11. Hermann Oncken, «Der Kampf mit dem englischen Weltreich», in: «Kölnische Zeitung», 13.12 1940г.
12. Walter Planzhoff, «Kriegseinsatz der Historiker», in: Kieler Blätter», 1940г.
13. Kurt von Raumer, «Ordnung gegen Zerstörung. Tausend Jahre deutsch-russischer Beziehungen», in: «Krakauer Zeitung», 30.08.1941г.
14. Adolf Rein, «Europa und das Reich. Betrachtungen zur Geschichte der europäischen Ordnung», Essen, 1943г.
15. Gerhard Ritter, «Machtstaat und Utopie. Vom Streit um die Dämonie der Macht seit Machiavelli und Morus», Berlin, 1943г.
16. Peter Richard Rohden, «Die Idee des Reiches in der europäischen Geschichte», Oldenburg, 1943г.
17. Wilhelm Schüßler, «Von Peter dem Großen bis Stalin. Die russische Drohung gegen Europa, in: «Zeitschrift für Politik, 32. Jg., 1942г.

18. W.Schübler, «Vom Reich und der Reichsidee in der deutschen Geschichte, Leipzig-Berlin, 1942г.
19. W.Schübler, «Rußland, Reich und Europa, München, 1943г.
20. Martin Spann, «Der Kampf um Mitteleuropa, in: «Germania», 20.08.1933г.
21. M.Spann, «Das warnede Beispiel. Zum 25 Jahrestag des Versailler Friedensdiktat, in: «Westdeutscher Beobachter», 28.06.1944г.
22. H. R. von Srbik, «Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz, München, 1935г. /Bd.1-2/; 1942г. /Bd.3-4/.
23. H. R. von Srbik, «Das Reich und Mitteleuropa», in: «Forschungen und Fortschritte», 20. Jg., 1944г.
24. Friedrich Stieve, «Geschichte des deutschen Volkes», München-Berlin, 1942г.
25. H.Uebersberger, «Rußlands Territorialentwicklung und Natiolitätenpolitik», Breslau, 1942г.
26. R. Wittram, «Der Deutsche als Soldat Europas», Posen, 1943г.
27. W. Weber, «Rom: Mussolinis cäsarische Vision, Wesen, Herrschaft, Welt», in: «Gast der Zeit», 18. Jg. 1936г.
28. G. Ritter und W. Holtzmann, «Die deutsche Geschichtswissenschaft im Zweiten Weltkrieg», 1951г.
29. H. Rothfels, «Die Geschichtswissenschaft in den dreißiger Jahren», 1956г.
30. K.A.von Müller, «Im Wandel einer Welt. Erinnerungen», 1966г.
31. W. Andreas, «Wege eines Historikers», 1955г.
32. G.Franz, «Das Geschichtsbild des Nationalsozialismus und die deutsche Geschichtswissenschaft», 1981г.

**Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»**

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода.](#)